

Федеральное государственное образовательное учреждение высшего
образования «Московский государственный университет имени
М.В.Ломоносова»

на правах рукописи

Смирнова Елизавета Валерьевна

КОНЦЕПТ ИДЕОЛОГИИ В
СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ

Специальность 09.00.11 – социальная философия

Диссертация на соискание ученой степени кандидата наук

Научный руководитель:
кандидат философских наук, доцент
Покровская Татьяна Павловна

Москва – 2016 год

Содержание:

Введение.....	3
Глава I. Становление и развитие концепта идеологии.	
1.1 Возникновение термина. Концепт идеологии как «иллюзорного сознания».....	12
1.2 Концепт «научной идеологии» В. И. Ленина. Трактовки идеологии Э. Бернштейна, Г. В. Плеханова, А. Грамши, Г. Лукача.....	25
1.3 К. Манхейм об идеологии.....	34
1.4 Концепции деидеологизации и реидеологизации.....	42
Глава II. Идеология как форма духовной деятельности.	
2.1.Понятие идеологии и ее место в системе общественного сознания.....	59
2.2. Функции идеологии и ее соотношение с другими формами духовной деятельности.....	80
2.3 Особенности функционирования идеологии в современном мире.....	107
Заключение.....	130
Список литературы.....	135

Оружие критики не может, конечно, заменить критики оружием, материальная сила должна быть опрокинута материальной же силой, но теория становится материальной силой, как только она овладевает массами

К. Маркс «К критике гегелевской философии права. Введение¹».

Актуальность темы исследования

Концепт идеологии является одним из самых сложных и противоречивых в социальной философии. Английский политический философ Д. Маклеллан называл его «самым неуловимым концептом во всей социальной науке»². Хотя этот термин является популярным и широко используется в политическом дискурсе, до сих пор не существует его общепринятого определения. Более того, некоторые авторы (в частности, Т. Иглтон, который приводит в своей работе более 20 дефиниций данного термина³), утверждают, что единое и всеобъемлющее определение найти невозможно. Дело в том, что термин «идеология» употребляется в научном и философском дискурсах в настолько разных значениях, что некоторые из них попросту несовместимы друг с другом. К примеру, указывая на позитивные функции идеологии, такие как способность объединять людей (консолидирующая функция) и мотивировать их к созидательной деятельности, современные исследователи и политические деятели утверждают необходимость создания общероссийской идеологии, что явно контрастирует с не менее распространенной трактовкой идеологии как «иллюзорного сознания».

Трактовка понятия идеологии порождает множество аналитических сложностей, учитывая, что этот феномен проявляет себя практически во всех сферах жизни общества, будучи неотъемлемой составной частью культуры.

---

¹ Маркс К. К критике гегелевской философии права. Введение. // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Издание второе. Том 1. М., 1954. С. 422.

² McLellan D. Ideology. Minneapolis, 1986. p. 1.

³ См.: Eagleton T. Ideology: an introduction. N. Y., 1991. p. 10.

В силу этого анализ идеологии выходит за предметные рамки нефилософской гуманитаристики и обществознания и требует философских методов исследования.

В настоящее время изучение идеологии не менее актуально, чем раньше. Двадцать первый век выступает наследником века двадцатого, который парадоксальным образом называют и «веком идеологий» и одновременно веком деидеологизации. Среди представителей власти и социальной науки растет понимание того обстоятельства, что от правильной трактовки идеологии непосредственно зависят не только духовные, но и практические аспекты жизни общества.

К примеру, многие исследователи и общественные деятели считают одной из бед современной России наличие «идеологического вакуума» и вызванного этим кризиса идентичности. Постулируется необходимость поиска объединяющей системы ценностей.¹ При таком подходе феномен идеологии часто ассоциируют с наличием общенациональной идеи, как консолидирующей общество системы ценностей. Однако, несмотря на то, что понятия идеологии и «национальной идеи» часто используются в качестве синонимов, они не тождественны. Связь между ними не столь однозначна. При единой общенациональной системе базовых ценностей могут иметься несколько различных противоборствующих идеологий (на что указывает конституционно закрепленное право на свободу мысли, которое, в частности, выражается в допустимости идеологического многообразия). Чтобы избежать подобной путаницы, важно четко определить понятие идеологии, выделить ее основные характеристики и функции.

Степень разработанности темы

Безусловно, тема идеологии – одна из самых популярных во всей социальной науке. Кроме того, большая часть работ социально-политической

---

¹ См., например, Послание Президента Российской Федерации Путина В. В. Федеральному собранию Российской Федерации: «Государство Россия. Путь к эффективному государству» от 08.07.2000 // Российская газета. 2000. 9 июля.

направленности, даже если их авторы не ставят целью непосредственное изучение идеологии, так или иначе эту тему затрагивает и с ней перекликается.

В западной социальной науке разработкой проблематики идеологии занимались К. Маркс и Ф. Энгельс¹, Э. Дюркгейм², Г. Лукач³, А. Грамши⁴, К. Манхейм⁵, П. Сорокин⁶, М. Хоркхаймер и Т. Адорно⁷, Г. Маркузе⁸, Т. Парсонс⁹, Х. Арндт¹⁰, Р. Арон¹¹, Л. Альтюссер¹², Р. Барт¹³, Д. Белл¹⁴, З. Бауман¹⁵, З. Бжезинский¹⁶, И. Валлерстайн¹⁷, Н. Луман¹⁸, Ю. Хабермас¹⁹, Р. Будон²⁰, М. Кастельс²¹, Т. Иглтон²², Д. Маклеллан²³ и многие другие. Изучением феномена идеологии занимались также представители психоанализа – В. Райх²⁴, Э. Фромм²⁵, О. Кернберг²⁶ и др.

¹ Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Издание второе. Т. 8. М., 1959; Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. М., 1988; Маркс К. Нищета философии. М., 2010; Маркс К. Капитал. М., 1990.

² Дюркгейм Э. Метод социологии. М., 1996; Durkheim E. The elementary forms of the religious life. London 1964.

³ Лукач Г. История и классовое сознание. Исследования по марксистской диалектике. М., 2003, Лукач Д. К онтологии общественного бытия. Прологомены. М., 1991.

⁴ Грамши А. Тюремные тетради. М., 1991.

⁵ Манхейм К. Идеология и утопия. М., 1992; Манхейм К. Диагноз нашего времени. М., 1994

⁶ Сорокин П. А. Современное состояние России//Безопасность Евразии. 2002, №4.

⁷ Хоркхаймер М, Адорно Т. В. Диалектика просвещения. М., 1997, Адорно Т. Философия новой музыки. М., 2001.

⁸ Маркузе Г. Одномерный человек. М., 1994.

⁹ Парсонс Т. Система современных обществ. М., 1997.

¹⁰ Арндт Х. Истоки тоталитаризма. М., 1996.

¹¹ Арон Р. Опиум для интеллигенции. Мюнхен 1960.

¹² Альтюссер Л. Идеология и идеологические аппараты государства // Неприкосновенный запас. 2011, №3.

¹³ Барт Р. Мифологии. М., 1996.

¹⁴ Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М., 2004; Bell D. The end of ideology. Illinois 1960.

¹⁵ Bauman Z. Intimations of postmodernity. London 2003.

¹⁶ Бжезинский З. Большой провал: Рождение и смерть коммунизма в двадцатом веке. Нью-Йорк 1989

¹⁷ Валлерстайн И. После либерализма. М., 2003.

¹⁸ Луман Н. Медиа коммуникации. М., 2005.

¹⁹ Habermas J. Knowledge and Human interests. Boston 1972; Хабермас Ю. Техника и наука как идеология. М., 2007.

²⁰ Будон Р. Место беспорядка. Критика теорий социальных изменений. М., 1998; Boudon R. The Analyses of Ideology. Cambridge 1989.

²¹ Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000.

²² Eagleton T. Ideology: an introduction. N. Y., 1991; Eagleton T. Ideology. N. Y., 1994.

²³ McLellan D. Ideology. Minneapolis, 1986.

²⁴ Райх В. Психология масс и фашизм. Спб., 1997

²⁵ Фромм Э. Здоровое общество. Догмат о Христе. М., 2005.

²⁶ Kernberg O. F. Ideology, Conflict, and Leadership in Groups and Organizations. London 1998.

В российском общественном сознании феномен идеологии активным образом изучали В. И. Ленин¹, Г. В. Плеханов², А. А. Богданов³ и др. В частности, В. И. Ленин предложил радикально новую концепцию «научной идеологии», связывая ее с задачей совершения социалистической революции. Проблематику идеологии разрабатывали евразийцы, в частности, Н. С. Трубецкой, Л. П. Карсавин и Н. Н. Алексеев и др.⁴ Характерной чертой их концепции было утверждение «идеократии» как идеальной формы государства. Иной, семиотический подход к изучению идеологии был предложен М. М. Бахтиным.⁵

В 1960-90е гг. в СССР проблематике идеологии было посвящено большое количество работ. Здесь следует назвать работы Н. Б. Биккенина⁶, А. К. Уледова⁷ и М. В. Яковлева⁸. Л. Н. Москвичев⁹ и А. С. Панарин¹⁰ посвящали свои работы главным образом критике западных концепций деидеологизации. В Советском Союзе изучением идеологии занимались также А. П. Бутенко¹¹, К. С. Гаджиев¹², И. А. Гобозов¹³, Р. И. Косолапов¹⁴, Ю. И. Семенов¹⁵.

После распада СССР доминирующей тенденцией российского общественного мнения стала трактовка идеологии как деструктивного

¹ Ленин В. И. Что делать? Наболевшие вопросы нашего движения. М., 1980; Ленин В.И. Философские тетради. Полное собрание сочинений. Издание пятое. Т 29. М., 1969.

² Плеханов Г. В. Избранные философские произведения в 5-ти тт. М., 1956-58.

³ Богданов А. А. Наука об общественном сознании. Краткий курс идеологической науки в вопросах и ответах. М., 1914.

⁴ См., например, Трубецкой Н. С. История. Культура. Язык. М., 1995; Евразийство. Опыт систематического изложения. Париж, 1926; Карсавин Л. П. Ответ на статью Бердяева о евразийцах // Путь. 1926. № 2.

⁵ Бахтин М. М. Фрейдиизм. Формальный метод в литературоведении. Марксизм и философия языка. М., 2000.

⁶ Биккенин Н. Б. Социалистическая идеология. М., 1983.

⁷ Уледов А. К. Общественная психология и идеология <http://lifesocio.com/filosofiya-sotsialnaya/obschestvennaya-psihologiya-ideologiya.html> (дата обращения 01.03.16)

⁸ Яковлев М. В. Идеология. М., 1979.

⁹ Москвичев Л. Н. Теория деидеологизации. М., 1971.

¹⁰ Панарин А. С. Критика социальной доктрины Жана Фурастье. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук. М., 1974.

¹¹ Бутенко А. П. Социализм как общественный строй. М., 1974.

¹² Гаджиев К. С. США: эволюция буржуазного сознания М., 1981.

¹³ Гобозов И. А. Теория «единого индустриального общества» и «конец идеологии» // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 1969. № 2.

¹⁴ Косолапов Р. И. Социализм: К вопросам теории. М., 1979.

¹⁵ Семенов Ю. И. Эволюция религии: смена общественно-экономических формаций и культурная преемственность // Этнографические исследования развития культуры. М., 1985.

феномена, неразрывно связанного с практикой тоталитарного принуждения. Интерес к изучению идеологии существенно снизился. Однако со временем отношение к данному феномену стало не таким однозначным и предвзятым, а интерес возродился. Стало появляться все больше работ, посвященных идеологии, в том числе изучаемой и с позиций социальной философии. Можно привести в пример работы В. Я. Пащенко¹, В. С. Малицкого² или Д. Б. Резинко.³

Интерес к изучению идеологии не падает и в XXI в. Разработке концепции идеологии посвящены работы Л. Болтанского и Э. Кьяпелло⁴, С. Жижека⁵. Среди русских исследователей анализом идеологии занимаются А. Р. Тузиков⁶, Н. М. Сирота⁷, В. Н. Кузнецов⁸, Г. И. Мусихин⁹ и др.

Методологической основой настоящего диссертационного исследования выступает историко-материалистический подход к анализу идеологии. Решение исследуемых в диссертационной работе проблем осуществляется с использованием методов сравнительно-исторического и системного анализа. Теоретическая база работы представлена как классическими работами в сфере философского, социально-философского, социологического, политологического и психологического знания, так и новейшими публикациями современных исследователей.

В диссертации используется трактовка системы общественного сознания как сложного синтеза ориентационной и проектной подсистем,

---

¹ Пащенко В. Я. Идеология евразийства. М., 2000.

² Малицкий В. С. Идеология: сущность, структура, исторические типы: Социально-философский анализ. Ростов-на-Дону 2006.

³ Резинко Д. Б. Идеологические практики в контексте советской модернизации: социально-философский анализ. М., 2002.

⁴ Болтански Л., Кьяпелло Э. Новый дух капитализма. М., 2011.

⁵ Жижек С. Киногид извращенца. Кино. Философия. Идеология. Екб., 2014; Жижек С. Возвышенный объект идеологии. М., 1999.

⁶ Тузиков А. Р. Западная теория идеологии: от критики «ложного сознания» к анализу дискурсивных практик масс-медиа. М., 2002; Тузиков А. Р. Идеология в теоретическом измерении: между прошлым и будущим. М., 2005.

⁷ Сирота Н.М. Идеологии и идеологические течения: классическое наследие и современность. Учебное пособие. СПб., 2009.

⁸ Кузнецов В. Н. Идеология: социологический аспект. М., 2005; Кузнецов В. Н. Социология идеологии. М., 2007.

⁹ Мусихин Г. И. Очерки теории идеологий. М., 2013.

находящихся в отношениях онтологической взаимоположенности и композиционного пересечения. Проводится различие между рефлексивным типом ориентации, который осуществляет познание мира в собственной логике его бытия, и ценностной ориентацией (осознанием мира), которое формулирует систему ценностных предпочтений, не подлежащих гносеологической верификации.

Объектом исследования является идеологическая сфера общественного сознания.

Предметом исследования является системообразующие основания идеологии, рассмотренной в ее целостности, многоаспектности и многоуровневости.

Цель исследования – предложить общее определение идеологии, соотносимое со всем многообразием ее проявлений, уточнить знания о роли идеологии в современном обществе.

Цель исследования определяет его **задачи**:

- выявить исторические причины и эпистемологические основания генезиса концепта идеологии, а также рассмотреть многообразные трактовки данного понятия.
- выявить теоретические и социальные истоки появившихся в середине XX в. концепций деидеологизации.
- сформулировать системообразующие признаки идеологии, а также выявить ее социальные функции, показать место, которое она занимает в общественном сознании.
- рассмотреть изменение способов бытования идеологии в контексте научно-технического прогресса и развития масс-медиа.

Работа посвящена анализу родовых признаков идеологии, содержательное рассмотрение и тем более оценка конкретных идеологий не является основной задачей настоящего исследования.

Задача исследования феномена идеологии усложняется не только в связи с многозначностью термина. Порой для того, чтобы глубже понять этот феномен приходится обращаться к работам мыслителей, вовсе не употреблявших данный термин. К примеру, в данной работе мы обратимся к теориям З. Фрейда и Ж.-Ф. Лиотара, напрямую об идеологии не писавших. Тем не менее, следует сразу отметить, что у нас нет оснований сомневаться, что идеология является нарративом в том смысле, в котором употреблял этот термин Ж.-Ф. Лиотар. Тем самым предложенная им концепция денарративизации общества, как будет показано в дальнейшем, связана с представлениями о его деидеологизации.

Рабочая гипотеза исследования

На основании проведенного исследования для преодоления излишнего многообразия определений феномена идеологии и в то же время отражения его социальной роли, наиболее перспективным представляется утверждение, что идеология как феномен социальной жизни определяется выполнением своей основной функции легитимации социально-экономического и общественно-политического строя и/или программ его изменения.

Положения, выносимые на защиту, и научная новизна исследования

- рассмотрены исторические, культурные и теоретические предпосылки формирования концепта идеологии, в частности, осознание социальной обусловленности мышления, рост авторитета научного познания и др.

- выявлены теоретические предпосылки формирования концепций деидеологизации, включая сюда трактовку идеологии как «иллюзорного сознания», противостоящего науке, представление об идеологии как об атрибуте «закрытости» и несвободы общества. Рассмотрены теории

деидеологизации Д. Белла, Р. Арона, С. Липсета, Ж. Фурастье, а также «теория конца истории» Ф. Фукуямы в контексте конца идеологической борьбы.

- показан комплексный характер идеологии, представляющей собой синтез ориентационного и проектного сознания, в котором ценностное осмысление мира с позиций тех или иных социальных групп и построение конгениальных моделей общественного устройства является системообразующей задачей.

- показано, что к сфере идеологии относятся лишь те компоненты ценностного сознания, которые связаны с решением политических задач - легитимацией социально-экономического и общественно-политического строя и/или созданием программ его изменения.

- среди основных функций идеологии рассмотрены интегративная (консолидирующая), познавательная, мотивационная, компенсаторная функции, а также функция социализации.

- показаны реальные изменения бытования феномена идеологии во второй половине XX-XXI вв., в связи с научно-техническим прогрессом, развитием масс-медиа и информационных технологий, приведших к усовершенствованию средств идеологической пропаганды, увеличению ее масштаба, проникновению идеологии в массовую культуру и искусство.

Апробация: основные положения научного исследования опубликованы в ведущих рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации для публикации основных научных результатов диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук:

1) Смирнова Е.В. Два аспекта понимания феномена идеологии // Социально-гуманитарные знания, 2015, № 2, с. 294-300

2) Смирнова Е.В. Критика концепций деидеологизации // Теория и практика общественного развития, 2015, № 14, с. 105-107

3) Смирнова Е.В. Междисциплинарные основания социальной теории: психоаналитические концепции идеологии // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики, 2015, № 9 с. 171-174

Также результаты деятельности диссертанта представлены в ряде научных статей в сборниках конференций, включая сборники конференции «Дни науки философского факультета 2013. Международная научная конференция в Киевском национальном университете имени Тараса Шевченко», «Ломоносов 2013», VII Российского философского конгресса «Философия. Толерантность. Глобализация: диалог культур Запада и Востока», в сборнике «Социальные процессы в пограничной сфере в глобализирующемся мире» и др.

Основные результаты данного исследования могут быть использованы в учебном процессе в высшей школе, при подготовке и чтении курсов, посвященных дискуссионным проблемам современной социальной философии - анализу политической сферы современного общества, масс-медиа, современной культуры, истории социально-философской мысли.

В соответствии с логикой решения поставленных задач работа состоит из введения, двух глав, заключения и списка литературы.

Глава I. Становление и развитие концепта идеологии.

1.1 Возникновение термина. Концепт идеологии как «иллюзорного сознания».

Впервые термин «идеология» ввел в обиход французский философ Антуан Луи Дестют де Траси, наряду с П. Кабанисом и К. Вольнеем принадлежавший к группе последователей сенсуализма Д. Локка и Э. Б. де Кондильяка. В своей работе «Элементы идеологии» («*Eléments d'idéologie*») 1801-1815 гг. он определял «идеологию» в качестве «науки об идеях», имея в виду в первую очередь общие законы происхождения идей из чувственного опыта.¹ Как для эмпирика, такая наука для него была наиболее фундаментальной, на которую должны опираться все остальные более частные теории. Воззрения де Траси органически вытекали из общей философской концепции Просвещения, согласно которой мир тотально познаваем и открыт для всепобеждающего человеческого разума. Действительно, мыслитель надеялся, что идеология станет «королевой наук», окончательным обоснованием истинности и ложности любых идей.

Относясь к самым общим теориям, по мнению де Траси, идеология «служит для очистки и коррекции различных видов знания, для того, чтобы приблизить их друг к другу на основе наиболее общих принципов и, наконец, объединить их посредством всего того, что есть в них общего»². Одновременно с этим она является не чисто умозрительной, а эмпирической, требующей тщательных и подробных наблюдений наукой³. Де Траси даже

¹Траси де Д. *Eléments d'idéologie*

http://fr.wikisource.org/wiki/%C3%89%C3%A9ments_d%E2%80%99id%C3%A9ologie/Premi%C3%A8re_partie/Chapitre_VI (дата обращения 01.03.16)

² Там же

http://fr.wikisource.org/wiki/%C3%89%C3%A9ments_d%E2%80%99id%C3%A9ologie/Premi%C3%A8re_partie/Chapitre_XVI (дата обращения 01.03.16)

³Там же

http://fr.wikisource.org/wiki/%C3%89%C3%A9ments_d%E2%80%99id%C3%A9ologie/Premi%C3%A8re_partie/Chapitre_XV (дата обращения 01.03.16)

сравнивает идеологию с зоологией.¹ Мыслитель не видел принципиальных различий между функционированием человеческого организма и процессами мышления. Поэтому идеология, по его мнению, не отличается принципиально от любых других наук ни по своим методам, ни по точности и несомненности полученных результатов и выводов. Как наука, она фундаментальна, но в то же время достоверна и надежна. При этом идеология должна была изучать не только происхождение идей, но их развитие и даже роль в социальной жизни, в формировании типа общественного устройства.

Термин, введенный Дестютом де Траси, в дальнейшем ждала сложная судьба. Он быстро стал популярен в социальной теории и практике. Несмотря на то, что «идеология» в дальнейшем наделялась множеством самых разнообразных значений, его исконное определение, введенное де Траси, оказалось, пожалуй, самым непопулярным (и, тем не менее, к примеру, у Р. Барта мы все-таки встречаем понимание идеологии в качестве науки, а точнее «исторической науки»²). Из творчества французского философа остался в веках термин, но не концепция.

Тем не менее, благодаря тому же де Траси термин «идеология» приобрел иное значение, отличное от того, которое подразумевал автор «Элементов идеологии». Как известно, помимо своей теоретической деятельности французский философ и его единомышленники принимали активное участие и в политической жизни страны, в частности, выступали с критикой политики Наполеона с позиций либерализма. Несогласный с подобной критикой, он презрительно именовал ее «идеологической», негативно отзываясь о своих противниках - «идеологах».

---

¹ Там же.

http://fr.wikisource.org/wiki/%C3%89I%C3%A9ments_d%E2%80%99id%C3%A9ologie/Premi%C3%A8re_partie/Chapitre_XV (дата обращения 01.03.16)

² Барт Р. Мифологии. М., 1996. с. 237.

Выступая 20 декабря 1812 г. в Государственном совете со знаменитой речью против «идеологов» Наполеон говорил: «Учение идеологов – это туманная метафизика, которая каверзно отыскивает первоначальные причины и на основе которой хотят строить законодательства народов. <...> Все ошибки и несчастья нашей прекрасной Франции следует приписать именно идеологии, этой туманной метафизике, которой придавали слишком много значения, вместо того, чтобы обрести законы сообразно знанию человеческого сердца и урокам истории».¹ Иными словами, можно сказать, что французский император трактовал идеологию как идею, оторванную от жизни, и при этом стремящуюся осуществить насилие над ней.

Утверждая неправоту своих оппонентов, Наполеон впервые придал до тех пор нейтральному понятию «идеология» негативное значение, по сути, близкое к понятию претенциозной лжи, заблуждения. Впервые этот термин был употреблен в политической борьбе с целью разоблачения, а ведь именно такое значение он впоследствии сохранил надолго. Таким образом, французский император положил начало критике идеологии, обесценивающей само это понятие. В XIX в., в частности, во времена К. Маркса и Ф. Энгельса, общепринятым значением термина было «абстрактное доктринерство, непрактичность, мечтание, чуждые действительности».² В начале своего пути Маркс трактовал идеологию полностью в духе своего времени – в качестве идей, далеких от действительности. В 1842 г. он пишет: «Возьмем мир таким, какой он есть, не будем идеологами»³.

Можно сказать, что на протяжении всего творческого пути у Маркса и Энгельса сохранялось негативное отношение, как к самому термину «идеология», так и к его автору де Траси. Маркс называет его «холодным

---

¹ Цит. По Barth H. Wahrheit und Ideologie. Erlenbach, Zürich, 1974. p. 27.

² См. Яковлев М.В. Идеология. М., 1979. с. 52.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 1, М., 1955. с. 171.

буржуазным доктринером»¹, примером «путаного и в то же время претенциозного недомыслия политико-экономов».² Тем не менее, остается открытым вопрос о том, насколько хорошо Маркс был знаком с работами мыслителя. К примеру, В. Я. Пашенко находит подтверждения тому, что объектом критики является в первую очередь экономическая концепция де Траси, а не его концепция идеологии³. А вот М. В. Яковлев, напротив, утверждает: «Безусловно, К. Марксу были хорошо известны не только рассуждения де Траси по политическим вопросам, но и вся его концепция "науки об идеях"»⁴.

Именно концепция идеологии К. Маркса и Ф. Энгельса оказалась наиболее влиятельной в истории социально-философской мысли. Им принадлежит одно из популярнейших толкований идеологии в качестве «иллюзорного сознания».⁵ В своей работе «Немецкая идеология» философы пишут: «во всей идеологии люди и их отношения оказываются поставленными на голову, словно в камере-обскуре»⁶.

В целом, можно выделить несколько значений, в которых К. Маркс и Ф. Энгельс используют термин «идеология» (можно отметить, что «иллюзорным сознанием» для них идеология остается во всех случаях). Первый – в качестве синонима идеалистической философии. Концепция идеологии К. Маркса является логическим продолжением его философского воззрения в целом, его материалистических представлений, учения о базисе и надстройке. Целью написания «Немецкой идеологии» является критика Гегеля и его последователей – младогегельянцев. Идеологи для Маркса – философы, которые утверждают, будто «отношения людей, все их действия и

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 23. М. 1960. С. 662.

² Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 24. М. 1961. С. 554.

³ Пашенко В.Я. Идеология евразийства М.,2000. с. 43.

⁴ Яковлев М.В. Идеология. М., 1979. с. 50.

⁵ Стоит отметить, что К. Манхейм, называя ключевым понимание идеологии в качестве искаженного знания о действительности, утверждает, что концепция идеологии была предвосхищена Ф. Бэконом в его учении об «идолах» - ложных привычках и предрассудках, которые мешают постижению истины.

⁶ Маркс К. и Энгельс Ф. Немецкая идеология //Избранные сочинения в 9 т. Т. 2. М., 1985. с. 14.

все их поведение, их оковы и границы являются продуктами их сознания»¹, то есть идеалисты. Будучи убежденным материалистом, он критикует их за то, что они как творцы идей склонились перед собственными творениями, и «порождения их головы стали властвовать над ними».² Впоследствии понимание идеологии в качестве идеализма не прижилось, хотя мы периодически и встречаем его у других мыслителей, к примеру, у Э. Дюркгейма³ или Э. Фромма.⁴

Идеологическая мистификация, как показывают Маркс и Энгельс, осуществляет так: сначала в процессе познавательной деятельности философы создают некоторые абстракции, которые в процессе идеологизации превращаются в самостоятельные сущности, отрываются от действительного мира. Будучи оторванными от действительности, эти абстракции не имеют уже ровно никакой ценности, однако некоторые философы придают им слишком большое значение. Маркс иронично сравнивает их с «бравым человеком», который считает, что люди тонут только потому, что у них есть идея тяжести».⁵ В данном случае, по его утверждению, понятие тяжести как таковое в отрыве от действительности, для описания которой оно было введено, на самом деле не имеет никакой ценности. Используя терминологию Маркса, можно сказать, что речь в данном случае идет о некотором особом типе отчуждения. Подобные процессы происходят и с научными понятиями в экономике, юриспруденции, философии и т.д. Реальные отношения получают свои имена, таким образом, формулируются понятия. После чего ученые, философы, идеологи, постоянно имея дело только с абстрактными понятиями, забывают про их реальную основу. И их собственные построения все дальше и дальше отстоят от реальности.

---

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Немецкая идеология //Избранные сочинения в 9 т. Т. 2. М., 1985с. 8

² Там же. с. 9

³ См. Дюркгейм Э. Метод социологии М., 1996.

⁴ См. Фромм Э. Бегство от свободы. М., 2009.

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология //Избранные сочинения в 9 т. Т. 2. М., 1985. с. 9-10

В противовес критикуемому подходу К. Маркс и Ф. Энгельс предлагают свой собственный, научный, материалистический, для которого любые «туманные образования в мозгу людей» являются лишь «своего рода испарениями их материального жизненного процесса,¹ то есть все содержание сознания выводится из материальной действительности.

Кроме того, периодически Маркс пишет о политике, религии, морали, философии как об «идеологических формах»², то есть расширяет употребление термина «идеология», используя его в качестве обобщающего для практически любых форм духовной деятельности.

Понятие идеологии К.Маркс и Ф.Энгельс применяли не только к идеализму как таковому, но и при характеристике идеалистического понимания истории. Они критикуют мыслителей, утверждающих, будто решающий фактор для понимания эпохи – изучение ее «сознания», а саму историю сводящих к истории идей. По мнению немецких философов, неверно говорить, будто в период аристократии господствуют понятия «чести» и «верности», а в период буржуазии – «равенства» и «свободы». По Марксу господствующий класс всегда сам создает себе подобные иллюзии, которые являются не более чем отражением противоречий социальной действительности. Причем, даже их иллюзорность, то есть ошибочность «проистекает из исторического процесса их жизни»,³ а не связана с субъективными заблуждениями идеологов или недостаточностью их интеллектуальных способностей. К примеру, ложность буржуазной идеологии связана с положением в обществе буржуазного класса, его интересами, его местом в производстве. Мыслитель сравнивает это с процессом образования обратного изображения предметов на сетчатке глаза, являющегося следствием сугубо материального процесса. Маркс утверждает

---

¹Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология //Избранные сочинения в 9 т. Т. 2. М., 1985. с. 20

² Там же. с. 20.

³ Там же. с. 20.

наличие объективных причин ложности идей, и ищет их в социальной действительности, а не в субъекте.

Возможно, самым важным моментом в теории идеологии К. Маркса является представление об идеологии классовой. В своей работе «18 Брюмера Луи Бонапарта» Маркс констатирует необходимость создания различными обществами иллюзий с целью скрыть от себя реальное содержание своей борьбы: «как ни мало героично буржуазное общество, для его появления на свет понадобились героизм, самопожертвование, террор, гражданская война и битвы народов. В классически строгих традициях Римской республики гладиаторы буржуазного общества нашли идеалы и художественные формы, иллюзии, необходимые им для того, чтобы скрыть от самих себя буржуазно-ограниченное содержание своей борьбы, чтобы удержать свое воодушевление на высоте великой исторической трагедии. Так, одним столетием раньше, на другой ступени развития, Кромвель и английский народ воспользовались для своей буржуазной революции языком, страстями и иллюзиями, заимствованными из Ветхого завета».¹ Таким образом, для того, чтобы поднять людей на борьбу, необходимо дать им высокие цели и идеалы (пусть иллюзорные), во имя которых они будут эту борьбу вести.

Мы видим, что К. Маркс и Ф. Энгельс понимали социальную нагруженность идеологии. Действительно, важной посылкой для формирования философской концепции идеологии является осознание социальной обусловленности мышления. Маркс не первый обратил внимание на наличие подобной зависимости. Связь между идеями и социальными интересами была замечена философами еще до появления самого понятия идеологии. По некоторым свидетельствам зачатки подобного понимания мы находим уже в философии античности². В XVII в. Т. Гоббс писал в

---

¹ Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта// Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 8 М.,1957. с. 120

² Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995. с. 15

«Левиафане»: «Я не сомневаюсь, что если бы истина, что *три угла треугольника равны двум углам квадрата*, противоречила бы чьему-либо праву на власть или интересам тех, кто уже обладает властью, то, поскольку это было бы во власти тех, чьи интересы задеты этой истиной, учение геометрии было бы, если не оспариваемое, то вытеснено сожжением всех книг по геометрии».¹ Несомненно, приведенная цитата имеет прямое отношение к феномену, получившем в дальнейшем название «идеологии». Подобные идеи мы находим и у Н. Макиавелли.² Предпосылки к концептуализации феномена идеологии мы находим и в трудах многих просветителей, особенно в их работах, посвященных критике религии. К примеру, уже Гельвеций писал о наличии связи между идеями и социальными интересами.³

Среди господствующего класса, по утверждению Маркса, вследствие разделения труда выделяется особая группа «идеологов», мыслителей, которые делают «главным источником своего пропитания разработку иллюзий этого класса о самом себе».⁴ Оставшиеся же представители класса относятся к этим иллюзиям и идеям более пассивно и с готовностью воспринять их. Они не могут выйти за пределы интересов своего класса, подняться над ними, в то же время, подчас, заблуждаясь и думая, будто они выражают не частные, а общечеловеческие интересы (стоит отметить, что данная неспособность опять же связана не с личными качествами идеологов, а с объективной экономической ситуацией). Таким образом, идеология всегда носит временный характер и является продуктом классово антагонистического общества. Идеология – это не иллюзорное сознание вообще, а только в его конкретном проявлении, в форме сознания господствующего эксплуататорского класса. И иллюзорность форм сознания

---

¹ Гоббс Т. Левиафан // Избранные произведения: В 2-х т. Т. 2. М., 1964. С. 133.

² См. Макиавелли Н. Государь. М., 1982.

³ См. Гельвеций К. А. Соч. в 2-х томах. М. 1973-1974.

⁴ Маркс К. и Энгельс Ф. Немецкая идеология // Избранные сочинения в 9 т. Т. 2. М., 1985., с. 44

обеспечена не самой его природой, а лишь временными историческими условиями.

В работе 1847 г. «Нищета философии» Маркс пишет о том, что пролетариат должен обрести классовое сознание (можно отметить, что идеология способна выступить формой этого сознания), осознать свою роль и место в системе буржуазного общества. Это позволит ему превратиться из неорганизованной массы в класс. «Экономические условия превратили сперва массу народонаселения в рабочих. Господство капитала создало для этой массы одинаковое положение и общие интересы. Таким образом, по отношению к капиталу, масса является уже классом, но сама для себя она еще не класс. В борьбе, намеченной нами лишь в некоторых ее фазисах, сплоченная масса конституируется как класс для себя. Защищаемые ею интересы становятся классовыми интересами». ¹ Таким образом, в процессе классовой борьбы, в частности, в процессе формирования идеологии класс становится реальной группой. Помогая осознать тому или иному классу свое положение в общественной системе, идеология играет важную роль в классовой борьбе. Иллюзорной подобная идеология будет в том случае, если класс не осознает своего реального положения в общественной системе

Важно отметить, что, будучи материалистом, Маркс все же не утверждал, будто бы нет никакого обратного воздействия идей на материальную действительность. О неправомерности такого понимания предупреждал и Ф. Энгельс в своем письме к Й. Блоху: «в соответствии с материалистическим пониманием истории, определяющим фактором... является производство и воспроизводство реальной жизни. Ни я, ни Маркс не утверждали ничего более этого. Следовательно, если кто-то переиначивает вышесказанное, утверждая, что экономический фактор есть единственный определяющий фактор, он превращает наш тезис в бессмысленную,

---

¹ Маркс К. Нищета философии. М., 2010. с. 119.

абстрактную, абсурдную фразу».¹ В письме к К. Шмидту он отмечал, что «хотя материальные факторы существования общества и есть его главные движущие силы, это не мешает идеологической сфере проявляться самостоятельно и даже влиять в свою очередь на сами материальные условия жизни».² В подтверждение можно привести и знаменитую цитату непосредственно из работы самого Маркса «К критике гегелевской философии права. Введение»: «Оружие критики не может, конечно, заменить критики оружием, материальная сила должна быть опрокинута материальной же силой, но теория становится материальной силой, как только она овладевает массами».³ Данная цитата служит прекрасным описанием идеологических процессов в обществе.

Критикуя идеалистические построения, разрабатывая концепцию «иллюзорного сознания», Маркс, по сути, говорил о познавательной функции идеологии. Допущение же мысли о наличии обратной связи, о возможности воздействия идеологической надстройки на базис является шагом по пути к осознанию политического и социального потенциала данного феномена. Таким образом, используя термин и в эпистемологически-философском и в политическом смысле, тем не менее, в основном К. Маркс и Ф. Энгельс все же развивают учение об идеологии как об «иллюзорном сознании». Подобным своим толкованием мыслители заложили основу будущей традиции негативного отношения к данному феномену, в конечном итоге приведшую к появлению в середине двадцатого века концепций деидеологизации.

Примечательно, что создатель первой теории идеологии, а также одной из самых мощных идеологий в истории никогда не применял этот термин к своему собственному учению. В противоположность философии,

---

¹ Энгельс Ф. Письмо к Блоху от 21. 09.1890г. // К. Маркс, Ф. Энгельс Избранные письма. М., 1975.

² Энгельс Ф. Письмо к Шмидту от 5. 08.1894г. // К. Маркс, Ф. Энгельс Избранные письма. М., 1975.

³ Маркс К. К критике гегелевской философии права. Введение. // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М., 1954. том 1. С. 422.

«спускающейся с неба на землю»¹, Маркс, по его утверждению, всегда за посылку для любых построений берет «действительный жизненный процесс», из которого уже и выводит любые построения. Открытие материалистического понимания истории, создание теории прибавочной стоимости, по его убеждению, свидетельствует о том, что социализм является наукой,² где уже может иметь место действительное знание в противовес идеалистической философии (которую, вспомним, он и именовал идеологией). Маркс признает, что в своих построениях ему все же приходится использовать некие общие результаты, абстрагируемые из рассмотрения исторического развития людей, эти абстракции сами по себе не имеют никакой ценности для него. И в отличие от философских обобщений «отнюдь не дают рецепта или схемы, под которые можно подогнать исторические эпохи».³ Таким образом, философ противопоставляет собственные абстракции абстракциям идеологическим. Также и коммунизм по его утверждению, идеологией не является.

Принципиальное отличие коммунизма от идей эксплуататорских классов было подчеркнуто и в «Манифесте коммунистической партии»: «Коммунистическая революция есть самый решительный разрыв с унаследованными от прошлого отношениями собственности; неудивительно, что в ходе своего развития она самым решительным образом порывает с идеями, унаследованными от прошлого».⁴ Таким образом, Маркс не считал свои построения идеологией ни в философском, ни в классовом смысле. Однако, если, действительно, его построения можно противопоставить идеалистической философии, то даже в его собственном понимании идеологии классовой, его учение идеологическим является. Цель данного учения состоит в том, чтобы решить для пролетариата задачу осознания его места в общественной системе. Другое дело, что рабочий класс, в

---

¹ Маркс К., Энгельс Ф., Собрание сочинений. Т.22, с. 534.

² Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 г. и другие ранние работы. М., 2010. с. 18.

³ Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 г. и другие ранние работы. М., 2010. с. 18

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. т. 4, М, 1955. с. 446.

представлении философа, был особым классом, интересы которого объективны, а не субъективны.

Советский исследователь М. В. Яковлев пишет: «Показав исторически преходящий характер капиталистического общества и порожденного им ложного, буржуазного сознания, К. Маркс и Ф. Энгельс научно доказали необходимость возникновения научного, социалистического сознания. Это принципиально иное сознание, правильно отражающее социальную действительность капиталистического общества и перспективы установления нового коммунистического общества».¹ Согласно подобной точке зрения, предполагается, что в основе пролетарского мировоззрения нет узких своекорыстных интересов. Таким мировоззрением, по мнению советских исследователей, становится наука. Таким образом, в советское время отрицалось, что коммунизм это идеология, хотя сейчас этот факт уже кажется самоочевидным.

В действительности, немецкие философы не смогли отделить научное в своем учении от идеологического. Их теория исторического материализма, несомненно, произвела переворот в философской мысли того времени, также как и теория прибавочной стоимости в экономике. Но в то же время их построения выражали интересы конкретного класса – класса рабочих, и, как показала в дальнейшем история, имели огромный социальный, а не только научный, потенциал. Кроме того, многозначность употребления термина «идеология» Марксом послужила одной из причин дальнейших трудностей с концептуализацией данного феномена, связанных с наличием большого количества противоречивых его трактовок.

В целом, можно заключить, что именно теория идеологии К. Маркса и Ф. Энгельса, в частности, трактовка ее в качестве «иллюзорного сознания», является основой для большинства последующих теорий идеологии. Практически все философы любых направлений, занимавшиеся вопросами

---

¹ Яковлев М.В. Идеология. М.,1979. с. 65.

идеологии, так или иначе, в дальнейшем обращались к теории Маркса. Ими было заложено и негативное отношение к идеологии, и разоблачительный пафос в отношении нее и представление о ней как об «иллюзорном сознании». Однако мы также видим, что в их работах можно найти предпосылки и к пониманию социальной силы идеологии и ее способности служить причиной и двигателем социальных изменений.

1.2 Концепт «научной идеологии» В. И. Ленина. Трактовки идеологии Э. Бернштейна, Г. В. Плеханова, А. Грамши, Г. Лукача

После смерти К. Маркса и Ф. Энгельса сторонники марксистской теории продолжили разработку проблематики идеологии. При этом неоднозначность трактовки термина не была устранена. Как было показано выше, Маркс никогда не применял понятие идеологии к собственному учению, однако некоторые исследователи, пересматривая этот подход, приходили к иному выводу.

В частности, Э. Бернштейн утверждал, что сам марксизм является идеологией, а потому не научен. Отстаивая глубинное противоречие между позитивной наукой и идеологией, он отрицал возможность научной идеологии рабочего класса: «Между наукой как носительницей познания и всяким политическим, экономическим, спекулятивным интересом всегда поэтому может существовать противоречие»¹, только вот уже марксизм, с его точки зрения, такой наукой не являлся, потому что его цель – выразить интересы пролетариата. Наука, по мнению Бернштейна, всегда опирается на опыт, социализм же исходит из представления о коммунизме – будущем общественном порядке, поэтому по природе своей не может быть научным. В среде марксистов такая позиция вызвала категорическое несогласие. В частности, Г. В. Плеханов решительно критикует этот «чудовищный тезис».² К примеру, защищает учение о коммунизме, утверждая, что любая наука предлагает некое «предвидение явлений»³.

Плеханов не согласен также с утверждением Бернштейна о том, что наука имеет своей единственной целью познание, в то время как идеология практически ориентирована. В качестве примера он рассматривает медицину, которая, с одной стороны, несомненно, является наукой, с другой – призвана решать практические задачи. Развивая эту мысль, он предлагает разделить

---

¹ Бернштейн Э. Возможен ли научный социализм? Одесса, 1906. с. 16.

² Плеханов Г.В. Избранные философские произведения. Т 3, М., 1957. с. 32.

³ Там же., 1957. с. 32.

медицину как науку и как практику, «медицинское искусство», подобным образом поступить и с социализмом: «Социализм, как *наука*, изучает средства и условия социалистической революции, а социализм, как «*доктрина*» или как «*политическое искусство*», стремится совершить названный переворот, опираясь на приобретенное знание».¹ Ниже мы увидим, что идеология, действительно, несмотря на свою практическую направленность, может включать в себя элементы рефлексивного научного сознания, поддающиеся проверке на истинность. Примером такой рефлексивной компоненты в идеологии Маркса является учение о базисе и надстройке.

Кроме того, Г. В. Плеханов разрабатывал собственную формулу зависимости идеологии от экономического базиса. Вначале он соглашается с Марксом, что в основе общественной жизни всегда лежит состояние производительных сил. Именно это состояние, продолжает он, обуславливает наличные экономические отношения. Социально-политическое устройство общества также всегда основывается именно на его экономическом базисе. Переходя к рассуждениям о «психике общественного человека», он утверждает, что она формируется частично под воздействием экономического, а частично – социально-политического устройства общества. Наконец, идеология отражает в себе не что иное, как свойства этой психики.² Таким образом, от экономического устройства общества идеология, действительно, зависит, но весьма опосредованно. Плеханов пишет: «все идеологии имеют один общий корень: психологию данной эпохи»³. Напрямую объяснить идеологию исключительно из экономических факторов становится невозможным, для этого, по Плеханову необходимо внимательное изучение общественной психологии.

---

¹ Плеханов Г.В. Избранные философские произведения. Т 3, М., 1957с. 34.

² Плеханов Г. В. Основные вопросы марксизма. М., 1922. с. 74.

³ Там же. с. 74.

Противоположным идеям Бернштейна является также и учение В. И. Ленина, сформулировавшего концепт «научной идеологии».¹ Философ пишет о марксизме: «Непреодолимая привлекательная сила, которая влечет к этой теории социалистов всех стран, в том и состоит, что она соединяет строгую и высшую научность (являясь последним словом общественной науки) с революционностью, и соединяет не случайно, не потому только, что основатель доктрины лично соединял в себе качества ученого и революционера, а соединяет в самой теории внутренне и неразрывно».² Таким образом, Ленин, признавая идеологический статус марксизма, тем не менее, не отрицал его научности. Он был убежден в том, что идеология может быть научной в том случае, если социальная группа (класс), интересы которой эта идеология выражает, занимает прогрессивную историческую позицию, способствует поступательному развитию общества и потому заинтересован в познании изменяемой им реальности, а не ее намеренном искажении. Ленин полагал, что не может трезво рассуждать класс, который находится на пути к гибели. Именно потому, по мнению Ленина, является научной идеология только класса пролетариата, который служит субъектом исторически необходимого изменения общества, связанного с переходом от исчерпавших себя производственных отношений, основанных на институте частной собственности к общенародной собственности на средства производства. Мы видим, что Ленин отходит здесь от способа понимания идеологии в качестве «иллюзорного сознания». В дальнейшем, в советской традиции способность рабочего класса адекватно и справедливо понимать социальную реальность бралась за аксиому и критике не подвергалась.³ К примеру, А. К. Уледов писал: «способность адекватного отражения действительности в полной мере свойственна лишь рабочему классу», ведь «она объективно обусловлена его интересами, совпадающими с ходом

---

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е т.1. с. 341.

² Там же. с. 341.

³ См. Яковлев М.В. Идеология М.,1979, с. 152.

исторического развития, его всемирно-исторической ролью, состоящей в освобождении всего общества».¹

Стоит отметить, что, признавая идеологию рабочего класса научной, Ленин утверждает, что пролетариат не в состоянии самостоятельно сформулировать ее центральные тезисы. Так он формулирует концепцию «привнесенного сознания». Самосознание рабочего класса, по мнению Ленина, способно подняться лишь до идеологии тред-юнионизма, абсолютизируя экономические аспекты классовой борьбы. Ленин критикует преклонение перед стихийностью и спонтанностью рабочего движения: «стихийное развитие рабочего движение идет именно к подчинению его буржуазной идеологии».² Дело в том, что социализм как учение, по его мнению, нельзя напрямую вывести из современных экономических отношений. Понимание того фундаментального факта, что освобождение рабочего класса возможно лишь путем революционного ниспровержения самих основ капиталистического мироустройства, привносится революционной интеллигенцией. Таким образом, разработка теории, идеологии оказывается для Ленина важнейшей и первостепенной задачей: «Без революционной теории не может быть революционного движения».³ Именно в том, чтобы привнести в пролетарское сознание элементы, которые подтолкнут его к революции, к установлению диктатуры пролетариата, Ленин видит, в том числе, и собственную задачу. Философ утверждает, что для роста и развития социализма необходимо в полном объеме возобновить теоретическую работу по разработке идеологии, осознанию особенностей ее функционирования и роли в общественной жизни, а также в строительстве нового социалистического общества.⁴

---

¹ Уледов А. К. Идеология как теоретическое осознание действительности и как самосознание класса <http://lifesocio.com/sotsialnaya-filosofiya-soc/ideologiya-kak-teoreticheskoe-osoznanie-36253.html> (дата обращения 01.03.16)

² Ленин В. И. Что делать? Наболевшие вопросы нашего движения. М., 1980. с. 54

³ Там же. с. 33

⁴ Там же. с. 28

Представление об идеологии также претерпело некоторые изменения в связи с социальными процессами, происходившими на рубеже XIX и XX вв. Революционное движение рабочего класса во многих странах, в том числе и в России, поднялось на новую ступень. Появилось большое количество политических лидеров, призывавших этот класс перейти к решительным действиям. М. В. Яковлев отмечает, что «В этих условиях еще большее значение приобрела сознательность и организованность пролетариата, возрастала роль революционной теории, ее значение в руководстве революционной борьбой трудящихся».¹ Неизбежно с этим было связано и новое отношение к понятию идеологии. Наиболее актуальным представлялось осознание ее политического и социального потенциала, роли, которую она способна играть в построении нового общества.

В то время как главной целью К. Маркса и Ф. Энгельса было создание стройной философской теории, собственной методологии, В. И. Ленин был активным политическим деятелем, практиком. С этим связан акцент, который он делал на практических возможностях идеологии.² «Подлинная проверка для коммуниста – понимание как, где и когда превращать свой марксизм в действие»³ - пишет философ. Один из важнейших постулатов Ленина – «сознание человека не только отражает объективный мир, но и творит его».⁴ Идеология является тем самым двигателем творения нового мира, важным оружием в классовой борьбе. Логично, что для того, чтобы «успешно» «творить мир» необходимо сначала верно его «отразить».

В учении Ленина мы видим, как в содержание идеологии и вносится понятие истинности, научности, формируется позитивное отношение к идеологии как к феномену общественной жизни, связанное с осознанием ее важной роли в политической борьбе и в формировании классового сознания

¹ Яковлев М. В. Идеология. М., 1979 . с. 84

² Стоит, отметить, что, как мы показали выше, данное утверждение не отменяет тот факт, что В. И. Ленин придавал большое значение необходимости тщательной теоретической разработки идеологии.

³ Ленинский сборник. Т. 37. с. 249.

⁴ Ленин В.И. Философские тетради. Полное собрание сочинений. Издание 5, т 29. М., 1969. с. 194

пролетариата. Ленин пишет: «Доктрина Маркса связала в одно неразрывное целое теорию и практику классовой борьбы».¹

А. Грамши, руководитель коммунистической партии Италии, автор знаменитых «Тюремных тетрадей», продолжил разработку проблематики идеологии, введя несколько важных понятий. В частности, именно он первым использовал понятие «доминирующей идеологии». Получение классом власти предполагает, в его понимании, не только монополию на насилие, но и согласие доминируемых. Тем самым, он акцентирует внимание на том обстоятельстве, что реализация классового господства предполагает не только прямое насилие, но и осуществляется путем использования стереотипов массового сознания, культивации определенных привычек и пр. В этой связи Грамши использует понятие «гегемонии», т.е. способности доминирующего класса обеспечивать свое моральное, политическое и интеллектуальное превосходство по отношению к другим классам. Гегемония распространяется, в том числе, и на повседневную жизнь людей в тех ее аспектах, где, казалось бы, большую роль играет свободный выбор индивида (семья, убеждения, досуг). Осуществляется она через такие влиятельные институты как школа, церковь и пр. Данные институты представляют интересы доминирующих групп как интересы общества в целом.

Грамши считает важнейшей ошибкой, совершаемой при анализе феномена идеологии то, что этим понятием обозначают одновременно «как необходимую надстройку определенного базиса, так и произвольные измышления определенных индивидов».² Чтобы избежать подобной путаницы он вводит понятие исторически органичных (органических) идеологий: «Необходимо, следовательно, различать исторически органичные идеологии, то есть идеологии, необходимые определенному базису, и

---

¹ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 14. с. 375.

² Грамши А. Тюремные тетради. Часть 1. М., 1991. с. 75.

идеологии произвольные, рационалистические, "надуманные"».¹ Органичные идеологии, по Грамши, представляют собой системы представлений, адекватные для тех или иных исторических периодов и конкретных политических движений. Они спонтанно вытекают из интересов того или иного класса. Теснейшая связь «органических» идеологий с экономическим базисом, естественным выражением которого они являются, не означает полного отсутствия автономии у идеологической сферы общества: «Требование... представлять и истолковывать любое колебание в сфере политики и идеологии как непосредственное выражение базиса следует подвергнуть критике в теоретическом плане как проявление примитивного инфантилизма»².

Грамши не ограничивает идеологию системой идей, он вводит в ее понятие также практику и социальный опыт. Он показывает, что в неявном виде она содержится в искусстве, праве, экономической активности, и, в целом, во всех видах индивидуальной и групповой деятельности.

Теорию идеологии развивал и известный марксист Г. Лукач, автор работ «История и классовое сознание» и «К онтологии общественного бытия. Прологомены». Он утверждал, что для решения социально-политических задач крайне важно преодолеть ошибочные интерпретации идеологии, распространенные в общественном сознании, осознать ее реальную социальную роль.

Можно утверждать, что Лукач продолжает ту линию в трактовке идеологии, которая утверждает ее совместимость с научным восприятием: «Прежде всего, как идеологическое, так и научное мышление может быть и по содержанию и методологически правильным или ложным, существенным или поверхностным и т.д. Идеологические намерения не исключают глубины, широты (подходов), правильного постижения фактов и т.п., а

---

¹ Грамши А. Тюремные тетради. Часть 1. М., 1991. с. 75.

² Там же. с. 125

успешная реализация задач преодоления этих намерений не вытекает с абсолютной необходимостью из некоей «чисто» научной установки. Хотя наука и идеология – каждая в своей непосредственности – имеют различные целеполагания, но для того чтобы эффективно функционировать и сохраняться в течение длительного периода, обе они должны исходить из необходимости правильного постижения бытия в той мере, в какой оно вообще может быть познано в соответствии с определенной степенью развития».¹ Лукач заключает, что, таким образом, предположение о наличии четкой границы между идеологией и наукой – предрассудок, ведь и у науки и у идеологии есть общие предпосылки.² Кроме того, он утверждает, что научное познание не самоцельно, оно играет важную общественную роль в развитии человечества, раскрытии его родовой сущности. Наличие общественной задачи у науки уже отчасти позволяет сблизить ее с идеологией, по его мнению.

Фактически Лукач писал об изменении роли классового сознания в формировании идеологии. Прогнозируя будущее развитие человечества, Лукач вслед за Марксом³ связывал его с установлением бесклассового общества. В этих условиях идеология, по его мнению, сохраняет себя как самостоятельный общественный феномен, только изменит свое содержание, наполняясь общечеловеческими ценностями, разделяемыми всеми, независимо от классовой принадлежности. Но до тех пор, пока сохраняются классовый антагонизм и классовая борьба интересы пролетариата адекватны логике исторического процесса, что позволяет снять противоречие между идеологией и наукой, приписать пролетарской идеологии статус истины.

Лукач демонстрирует отчетливое понимание того, что акцент на познавательной функции идеологии является явно недостаточным для адекватной интерпретации этого феномена. Необходима переориентация

---

¹ Лукач Д. К онтологии общественного бытия. Прологомены. М., 1991. С. 380

² Там же. С. 381

³ См., например, Маркс К. Ницета философии М., 2010

исследования данного феномена по объяснению ситуации «пред-данности» идеологии социальному действию. Для объяснения механизма «пред-данности», т.е. того, как происходит ориентирование субъекта на определенную идеологическую цель и как она побуждает к действию, необходим функциональный анализ идеологии. Работы Г. Лукача оказали большое влияние на мысль К. Манхейма, о чем тот сам неоднократно упоминал.

1.3 К. Манхейм об идеологии.

Начало XX в. ознаменовалась бурными общественно-политическими событиями, в которых идеологии сыграли значительную роль. Столкновение идеологий, среди которых важнейшую роль играли коммунистическая и национал-социалистическая идеологии, впоследствии переросло рамки академических дискуссий и закончилось кровопролитной мировой войной. Неудивительно, что в 20е гг. XX в. в Европе велись оживленные дискуссии на идеологические и околоидеологические темы. Подробная разработка данной проблематики была научной и общественной необходимостью. Этим руководствовался, в частности, К. Манхейм, посвятив данной проблеме свою работу «Идеология и утопия».

Как указывает сам исследователь, разработка проблематики идеологии долгое время была монополией марксизма. Мы видели, что сам Маркс употреблял термин «идеология» в значении «иллюзорного сознания», используя его для критики своих идейных оппонентов, в то же время, утверждая строгую научность собственных взглядов.

Однако, как указывает Манхейм, «проблема идеологии носит слишком общий и принципиальный характер, чтобы она могла длительное время оставаться привилегией одной партии»¹. Росло число критиков марксизма и тех интерпретаций идеологии, которые были предложены самим Марксом и его последователями. С одной стороны, подобные процессы приводили к обогащению теории идеологии. С другой – в их результате возникла ситуация концептуального хаоса, в котором концепт идеологии утратил последние остатки общезначимости.

Кроме того, в итоге подобного противоборства все политические доктрины успели подвергнуться обвинению в идеологичности. Так, критикуя позиции своих оппонентов, участники дискуссий постепенно уничтожили

---

¹ Манхейм К. Диагноз нашего времени, М. 1994. с. 69.

также веру в человеческое мышление вообще. Ведь со временем не осталось ни одной «неразоблаченной» позиции, которая могла бы претендовать на безоговорочный авторитет.

Манхейм считал, что в эту эпоху отсутствия безоговорочных авторитетов важнейшей задачей становится формулировка концептов идеологии и утопии. По его мнению, именно от правильного определения этих понятий зависит ответ на вопрос, как вообще можно жить и мыслить в современную ему эпоху. Концепция идеологии, а также отношение идеологии к истине, ее место в жизни современного общества, по утверждению Манхейма, составляют основное содержание теоретической конструкции «социологии знания». Он предложил собственную трактовку феномена идеологии, которая, по его мысли, помогла бы отвергнуть крайние суждения и выработать некоторый концептуальный консенсус.

Будучи одним из представителей социологии знания, Манхейм убежден в социальной обусловленности мышления (он оговаривает, что не имеет в виду чисто логических и математических построений, а только мыслительный процесс, так или иначе связанный с исторической или политической реальностью). Индивид, в его понимании, всегда мыслит в формах мышления своей группы. И, следовательно, «лишь участвует в некоем процессе мышления, возникшем задолго до него»¹, находясь всегда в унаследованной социальной ситуации и заранее обладая готовыми соответствующими этой ситуации моделями мышления и даже ответами на возможные вопросы. И, таким образом, лишь в весьма ограниченном смысле он способен создать что-то новое. Подобный подход к мышлению можно считать своего рода развитием марксистского тезиса об «обусловленности мышления бытием».

Крайне важным для понимания категорий идеологии и утопии Манхейм считает осознание той роли, которую в них играет человеческое

---

¹ Манхейм К. Идеология и утопия. Часть I. М., 1992. с. 27.

бессознательное. Появление психоанализа, по его мнению, является одной из причин, почему оказывается необходимым пересмотреть эти понятия. Стоит оговорить, что сам З. Фрейд напрямую об идеологии не писал, он выступал с критикой такой формы общественного сознания как религия.¹ Однако его методы и идеи могут быть применены и к анализу идеологии. Как известно, создатель психоанализа утверждал, что люди стремятся скрыть от себя внутренние болезненные конфликты, а потому их различного рода суждения могут представлять лишь «попыткой подкрепить свои иллюзии аргументами».² По мнению Манхейма, именно «бессознательные коллективные мотивации» направляют социальную деятельность и, одновременно, являются источником заблуждений.

Исходя из представлений о коллективном бессознательном, социальной обусловленности мышления, опираясь на марксистскую теорию «иллюзорного сознания», Манхейм характеризует понятие идеологии следующим образом: «коллективное бессознательное определенных групп скрывает действительное состояние общества, как от себя, так и от других и тем самым стабилизирует его».³ Иными словами: «мышление правящих групп может быть настолько тесно связано с определенной ситуацией, что эти группы просто не в состоянии увидеть ряд фактов, которые могли бы подорвать их уверенность в своем господстве».⁴ Важнейшей функцией идеологии Манхейм считает стабилизацию имеющихся социальных порядков, отличая по этому признаку идеологию от утопии, преследующей противоположные цели. По убеждению Манхейма, носителями идеологии являются господствующие социальные группы, ставящие перед собой задачу консервации существующего режима. Этим идеология отличается от утопии, еще не успевшей социализировать себя в масштабах общества, то есть еще не ставшей идеологией и преследующей разрушительные революционные цели.

---

¹ Фрейд З. Будущее одной иллюзии. М., 2011.

² Фрейд З. Малое собрание сочинений. Спб., 2012. с. 989.

³ Манхейм К. Идеология и утопия. Часть I. М., 1992. с. 67

⁴ Там же с. 67

Характеризуя феномен утопии, Манхейм пишет: «определенные угнетенные группы духовно столь заинтересованы в уничтожении и преобразовании существующего общества, что невольно видят только те элементы ситуации, которые направлены на его отрицание»¹. В ходе исторического процесса идеологии и утопии меняются местами. С утратой доминирующего социального статуса, мировоззрение потерпевшей поражение социальной группы, согласно Манхейму, перестает быть идеологическим и, наоборот, завоевание социального господства превращает еще не реализовавшую себя утопическую форму сознания в идеологию.

Мы видим, таким образом, что различие между идеологией и утопией, по Манхейму, заключается в том, что первая стремится утвердить существующий строй, а вторая его ниспровергнуть. Подобное различие вызывает обоснованные сомнения. Прежде всего, значение, которое Манхейм придает термину «утопия» не соответствует общепринятым трактовкам этого феномена. Утопичными принято считать такие формы сознания, которые не реализуемы вовсе, а не просто не достигли доминантного статуса.

Кроме того, мы полагаем, излишним стремление Манхейма считать идеологическими лишь формы миропонимания господствующих групп, отказывая в таком наименовании взглядам еще не пришедших к руководству обществом групп. Действительно, хотя идеология и утопия, по Манхейму, стремятся к разным целям (сохранить и разрушить имеющийся социальный порядок соответственно), в обоих случаях правомерно говорить об идеологии – господствующей или оппозиционной. Нет оснований полагать, что в зависимости от того является некоторая система идей лояльной или же критически настроенной к имеющемуся социальному порядку, меняются ее сущностные характеристики, что позволило бы нам утверждать, что речь в данном случае идет о разных явлениях. Было бы странно предположить, что

---

¹Манхейм К. Идеология и утопия. Часть I. М., 1992. с. 68.

те или иные взгляды (к примеру, коммунистические) стали идеологическими, только придя к власти, и перестали быть таковыми, власть потеряв. В этом плане представляется более справедливым говорить о противоборствующих идеологиях, не возводя одну из них в ранг утопии.

Тем не менее, Манхейм предпочитает ввести два различных понятия. Заметим, что сам Манхейм фактически признает недостатки такого словоупотребления, в частности, он полагает, что различие идеологии и утопии, очевидное в теоретическом плане становится затруднительным в плане практическом: «решить, что *in concreto* в каждом данном случае следует считать идеологией и что утопией невероятно трудно».¹ Тем более что между идеологией и утопией существует фундаментальное сходство: независимо от степени политического влияния обе формы духовной практики могут рассматриваться как ложные в гносеологическом истолковании категории «истина» и «ложь». Причем корни «ложности» у них обеих лежат в коллективном бессознательном. В дальнейшем в социальной мысли подобное различие не прижилось: систему идей называют идеологией независимо от апологетического или оппозиционного отношения к существующему режиму.

Манхейм выделяет 2 вида идеологии: частичную и тотальную. Первая из них разворачивается в психологической, субъективной плоскости, представляет собой «те высказывания субъекта, «ложность» которых проистекает из преднамеренного или непреднамеренного, сознательного, полусознанного или неосознанного обмана других или самого себя, совершающегося на психологическом уровне и в той или иной степени приближающегося по своей структуре ко лжи».² Частичная она потому, что распространяется только на определенные высказывания субъекта и не касается самой структуры его мышления. Радикальная тотальная идеология,

---

¹ Манхейм К. Идеология и утопия. Часть II. М., 1992. с. 10.

² Там же. с. 85

напротив, относится к сфере метафизических и ноологических положений, связанных с определенным типом мышления, с характером самой структуры сознания, присущей определенной группе или эпохе. Если речь идет о политической борьбе, тогда тотальная идеологическая критика ставит целью разоблачить и уничтожить не только «конкретные ценности и идейные позиции другой партии, но и всю ее духовную основу»¹.

Если частичная идеология критикует лишь часть высказываний противника (и лишь в аспекте их содержания), то тотальная идеология ставит под вопрос все его мировоззрение, включая и связанный с ним когнитивный аппарат. Понятие частичной идеологии обычно связывается с психологией интереса, в то время как тотальная идеология направлена на постижение объективных структурных связей. «Понятие частичной идеологии исходит из того, что тот или иной интерес служит причиной лжи и сокрытия истины. Понятие тотальной идеологии основано на мнении, что определенному социальному положению **соответствуют** определенные точки зрения, методы наблюдения, аспекты»². Она всегда стремится выявить структурно-аналитические соответствия между социальным бытием и формой познания. Тотальная идеология имеет дело с коллективным субъектом, поэтому функционирует не на психологическом, а на категориальном уровне. Понятие тотальной идеологии приближается к понятию классового сознания в марксизме. В этом смысле Манхейм, например, говорит об идеологии эпохи. В качестве примера он рассматривает идейную борьбу противостоящих династий в феодальном обществе. Противоборствующие династии были едины в том, что хотели сохранить основные устои общества, поэтому их разоблачение позиций друг друга не выходило за рамки частичной идеологии. И в этом смысле исследователь противопоставляет им последующее появление класса буржуазии, которая «не хотела просто войти в прежний сословно-феодальный мир, она явилась представителем новой

---

¹ Манхейм К. Идеология и утопия. Часть II. М., 1992. с. 96.

² Там же. с. 90.

хозяйственной системы»¹, а для этого она требовала коренного переворота, как в общественном устройстве, так и в мышлении. В данном случае речь идет уже о тотальной идеологической критике. Хотя тотальная гораздо более радикальна, исследователь признает, что полностью разделить понятия тотальной и частичной идеологии невозможно (также как и в случае с идеологией и утопией). Оба вида идеологии можно даже рассматривать как разные стадии одного процесса, в ходе которого наивное недоверие сначала преобразуется в частичную идеологию, которая в процессе эволюции переходит с психологического на категориальный уровень.

Манхейм признавал величину заслуг Маркса в развитии учения об идеологии, считая свои собственные построения развитием идеи «иллюзорного сознания». Однако ученый отмечает, что Маркс, используя понятие идеологии только чтобы разоблачать своих оппонентов, ни в коем случае не рассматривая в качестве идеологической свою собственную позицию. Это не позволяло ему по-настоящему глубоко развить свое учение. Говоря о связи идей с положением различных социальных групп, Манхейм считал марксистское деление общества на классы упрощением. Он предлагал исходить из более дифференцированного деления общества на профессиональные и иные группы, поколения и т.д. Поэтому и понятие идеологии, отражавшее в марксизме связь между идеями и экономическими интересами класса, казалось ему не соответствующим действительности.

Позднее, в связи с тем, что Манхейм говорил об идеологичности учения Маркса, некоторые советские ученые, в частности М.В. Яковлев, называли его теорию антимарксистской,² что, по сути, неверно, учитывая, что Манхейм не ставил цели опровергнуть марксистскую парадигму, и во многом ее развивает, обогащая представлением о наличии бессознательных структур психики и о социальной и исторической относительности познания (сам Манхейм называл это свое учение реляционизмом).

---

¹ Манхейм К. Идеология и утопия. Часть II. М., 1992.. с. 96.

² Яковлев М. В. Идеология. М., 1979. с. 134

Можно отметить, что Манхейм внес свой вклад в развитие представления об идеологии как об «иллюзорном сознании». В своих работах он в первую очередь делал акцент на когнитивных возможностях идеологии, на том, как она искажает окружающую действительность. Разработка проблематики идеологии для Манхейма есть всегда разоблачение неких идей или установок. Вражда различных идеологий, по его мнению, была причиной проблем в современном ему обществе. Чтобы прекратить эту борьбу, каждый из ее участников, как утверждает философ, должен осознать ограниченность собственных взглядов и таким образом достичь компромисса. О Манхейме говорят как об одном из первых философов, выдвинувших концепцию деидеологизации, предлагавшем освободить общество от идеологий¹.

---

¹ См. Яковлев М. В. Идеология. М., 1979. с. 159.

1.4 Концепции деидеологизации и реидеологизации

В большинстве западных стран середины XX в. исследователи отмечают рост демократических свобод, развитие плюрализма, отказ от универсализации и обобщенности, а также все возрастающее разнообразие общественных взглядов. Сознание людей постепенно становилось все более открытым к осознанию многообразия и равноценности различных культур, взглядов на жизнь, стремлений, верований и желаний.

В 50-70 гг. XX в. появляется большое количество различных концепций, так или иначе утверждающих, что наступила эпоха «конца идеологии». Теоретически подобные построения являются следствием неверия в познавательные возможности идеологии. Эта тенденция, как мы показали, имеет своим источником уже упоминавшуюся выше концепцию «иллюзорного сознания» К. Маркса и Ф. Энгельса. Разработки Г. Лукача, К. Манхейма и других исследователей только усилили подобные тенденции. Кроме того, пример тоталитарных государств невольно привел к ассоциации между идеологией и несвободой, «закрытостью» общества. Социальными предпосылками появления концепций деидеологизации является развитие науки и техники, распространение прагматического мышления, рост демократических свобод, развитие политического плюрализма в европейских обществах.

Так или иначе, с веяниями деидеологизации на Западе связываются имена очень многих ученых и мыслителей: С.М. Липсетса, А. Шлезингера, Дж. Гэлбрейта, Р. Арона, Т. Парсонса, Ж. Фурастье, М. Каплана и др. Кроме того, во второй половине XX в. набирает силу философия постмодернизма, которая характеризуется отказом от объективных универсальных истин. Идеи постмодернистов в некотором отношении созвучны идеям деидеологизации. К примеру, Ж.-Ф. Лиотар в работе «Состояние постмодерна» писал: «мы считаем "постмодерном" недоверие в отношении

метарассказов»¹. Метарассказами (метанарративами) в данном случае являются базовые ценности и нормы общества, представленные в виде неких «типичных историй», к примеру, борьбы добра и зла. В индустриальном обществе, по мнению Лиотара, они выполняли консолидирующую функцию. Представляется, что идеология в таком понимании является видом метанарратива, и, соответственно, согласно Лиотару, неконгруэнтна явлениям постсовременности. Идеология воспринимается в качестве символа социальной тотальности. В XIX - начале XX вв. она играла значительную роль, но сейчас, по мнению философа, становится не более чем языковой игрой и начинает жить по новым правилам, перестает быть неизменной и раз и навсегда установленной, приобретает множественный характер. Идеология, по мнению Лиотара, теперь вынуждена отказаться от универсалистских претензий.

Одним из классиков деидеологизации считается Д. Белл, автор произведения с характерным названием «Конец идеологии». Говоря о конце идеологии, Белл имеет в виду процессы, происходящие в современном ему американском обществе 50-х гг. XX в., характеризующиеся резким снижением интереса молодежи к политической жизни, «истощением прежних политических страстей».² Исследователь многократно подчеркивает, что основная цель идеологии – мобилизация эмоциональной энергии, сравнивая ее в этом смысле, к примеру, с религией. В современности же, по его мнению, старые страсти исчерпаны, и новое поколение пытается найти новые цели. Однако политика для молодых интеллектуалов уже неинтересна, и они направляют свои силы в науку или искусство³. Эти процессы Белл и называет смертью идеологии в XX в.⁴

---

¹ Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. М., 1998. с. 10.

² Bell D. The end of ideology. Illinois, 1960. p. 374

³ Ibid, p. 375

⁴ Стоит отметить, что в утверждении Белла, будто в середине XX в. молодежь потеряла интерес к политике, можно усомниться – об обратном свидетельствуют, к примеру, студенческие бунты 1960-х гг.

Практическим назначением идеологии Белл считает «преобразование идей в рычаги социального воздействия»¹. В другом месте он выдвигает еще более сильное утверждение, а именно, что задача идеологии - «превращать идеи в оружие»,² что показывает, что он понимал социальный и политический потенциал данного феномена.

Кроме снижения интереса к политике, падение роли идеологии Белл связывает с распространением научного мировоззрения и прагматических настроений. Противопоставляя идеологию разумности и объективности, Белл отмечает, что в современном обществе возрастает роль технократической мысли, в том числе в отношении к политике, решения принимаются согласно расчету, а не под действием чувств или личных установок. Белл считает такой подход противоположностью идеологии: «в одном случае наблюдаются инструментальность и расчет, в другом превалируют эмоции и экспрессивность»³.

Впрочем, Белл впоследствии пересмотрел свои взгляды и утверждал, что его книга часто получала неправильное толкование: «В ней вовсе не возвещался конец *всех* идеологий, если под идеологией мы понимаем систему убеждений, которую горячо поддерживают отдельные индивидуумы и которая объединяет их ради общего дела»⁴. Он утверждает, что имел в виду лишь то, что ведущие западные идеологии потерпели неудачу. Одним из примеров этого стал последующий крах Советского союза, вызванный исчерпанием мобилизационных возможностей коммунистической идеологии. Иначе обстоит дело в других, отличных от Запада обществах. В них, по мнению Белла, в то время, как в Европе и Америке ведущие идеологические течения терпели крах, «в молодых государствах Африки и Азии создавались новые идеологии, такие, как панарабизм, “черный и желтый расизм” и

---

1 Bell D. The end of ideology. Illinois, 1960. p. 370

2 Ibid c. 371

3 Ibid c. 44-45

4 Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования М., 2004. с. СХLII

национализм». ¹ Таким образом, Белл старается доказать, что говорил не о падении идеологии как таковой, а лишь о смене наиболее влиятельных идеологических парадигм.

Ж. Фурастье, говоря о деидеологизации, понимал ее суть несколько иным образом, чем Д. Белл. Для него «смерть идеологии» является следствием изменения самого типа культуры современного общества, перехода от культуры интровертированной, склонной к мифотворчеству, конструированию некоего идеального мира, к новой, экстравертированной культуре. Новый формирующийся тип культуры прагматичен, его характеризует стремление к осязаемым благам, а не создание различных, отвлеченных от реальности проектов². Таким образом, в концепции Фурастье мы снова встречаем четкое противопоставление идеологии и науки, прагматического мировоззрения. Можно отметить, что подобные взгляды характерны для большинства сторонников концепций деидеологизации.

Еще в 1955 году выходит книга французского социолога и философа Р. Арона «Опиум для интеллигенции». Уже само ее название показывает, что французский философ, также как и Белл, проводит параллель между идеологией и религией – главная задача обеих, по его мнению, состоит в том, чтобы выполнять психологическую функцию, «заполнять пустоту в человеческой душе». Когда становится невозможным верить в Бога, интеллектуалы изобретают и проповедуют «светскую религию» - идеологию, заменяя «древние догматы суррогатом, приемлемым для ученых».³ Говоря об идеологии, Арон имеет в виду дебаты на отвлеченные, не имеющие прямого отношения к действительности темы, носящие ценностный характер.

Ученый, как Д. Белл и Ж. Фурастье, противопоставляет идеологию прагматизму. В этом смысле он обращает внимание на британских интеллигентов, которые «сводят к техническим вопросам чисто

---

¹ Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования М.,2004. с. СХLII

² Furastie J. Le grand espoir du XXem siecle. Paris, 1966 . p. 44-45

³ Арон Р. Опиум для интеллигенции. Мюнхен, 1960. с. 203.

идеологические конфликты».¹ Арон отмечает, что, если бы все вели себя по примеру англичан, то век идеологии уже закончился бы, но большинство европейцев, напротив, к его сожалению, рассуждают и о политике и об экономике в чисто идеологических терминах, а также грешат «гордым желанием думать за все человечество»².

Важнейший же признак идеологии и, одновременно, ее порок, по мнению Арона, – это убеждение в универсальной истинности своей точки зрения³. Именно это является, по его утверждению, основной проблемой европейских интеллектуалов. Следствием уверенности в универсальной истинности своей точки зрения является убежденность европейцев, что другие страны должны развиваться по пути их цивилизации. Арону же очевидно, что страны Востока не могут развиваться по пути Европы: «Индия не может брать примера ни с современной Европы, ни с Европы 1810г.»⁴. Соответственно, пришло время понять это и европейской интеллигенции, и положить конец идеологии.⁵

Таким образом, если говорить непосредственно о «конце» идеологии, то Арон его не констатирует и не предвещает, а скорее выражает свою надежду на то, что однажды он наступит: «Быть может, интеллигент перестанет интересоваться политикой в тот день, когда он увидит ограниченность ее возможностей. Порадуемся этой смутной надежде»⁶.

Рассуждая о концепциях деидеологизации, нельзя не упомянуть теорию С. Липсета, в корне отличную от упомянутых выше. В своей работе «Ideology and no end» ученый утверждает, что фундаментальные

---

¹ Арон Р. Опиум для интеллигенции. Мюнхен, 1960. с. 182.

² Там же с. 182.

³ Там же с. 174.

⁴ Там же с. 228.

⁵ Впрочем, не все исследователи считали убежденность в собственной правоте и в универсальности своих воззрений признаком идеологии. К примеру, психоаналитик О. Кернберг говорил о возможности создания абсолютно открытой и терпимой идеологии. Однако эта точка зрения не пользовалась популярностью у теоретиков, убежденных в том, что идеология выработала свой жизненный ресурс и должна быть заменена более прагматическими формами миропонимания

⁶ Арон Р. Опиум для интеллигенции. Мюнхен, 1960. с. 234

политические и экономические проблемы в западном мире уже решены. В таком «хорошем» обществе никакие идеологические идеи уже не смогут поднять массы на борьбу. Более того, сам имеющийся политический строй, если он обеспечивает для всех достойный уровень жизни, не нуждается в дополнительной легитимации, которую могла бы осуществлять идеология. Найден, по мнению исследователя, относительно совершенный тип государственного устройства (демократия), а это означает, что идеология как таковая может отмереть.¹ В этих суждениях, помимо прочего, слышны отголоски представления об идеологии как об «иллюзорном» сознании (концепция К. Маркса и Ф. Энгельса), как о лжи, необходимой для того, чтобы оправдать тот или иной тип политического устройства. Самое уязвимое место в построениях Липсета – это утверждение, что достигнуто стабильное политическое и экономическое состояние и больше нет причин для идейной и политической борьбы.

Во многом сходной с идеями Липсета является известная концепция «конца истории», созданная американским теоретиком Ф. Фукуямой в начале 90х гг. XX в. Однако, вместо того чтобы утверждать, что идеология отмерла за ненужностью, Фукуяма провозглашает конец идеологической борьбы как следствие полной и безоговорочной победы неолиберализма. Он пишет о достигнутом небывалом консенсусе по поводу легитимности либеральной демократии, в то время как соперничающие идеологии (тут он выделяет монархизм, фашизм и коммунизм) потерпели крах. Либеральная демократия, по мнению Фукуямы, лишена внутренних логических противоречий. Конечно, он не отрицает, что даже страны с развитой демократией сталкиваются с разнообразными социальными проблемами, которые, однако, представляют собой, по его мнению, лишь преходящие трудности. Совершенство же принципов, лежащих в основе данной идеологии, сомнений у него не вызывает². Таким образом, Фукуяма утверждает не конец

---

¹ См. Lipset S.M. Ideology and no end// Encounter. 1972.

² См. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М., 2009.

идеологии как таковой, а гибель идеологических форм, противопоставляющих себя идеологии либерализма.

Позиция Фукуямы встретила массу протестов. В частности, Ж. Деррида выступил с критикой его концепции, показывая слабые места теории и практики неолиберальной модели общественного развития. Философ утверждает, что расизм, ксенофобия, религиозные конфликты и многое другое – не временные затруднения на пути реализации этой идеологии, а свидетельство ее глубокого внутреннего кризиса. Деррида показывает необходимость создания качественно новых идеологий, способных удовлетворить нуждам глобализирующегося общества¹.

В то время как западные теоретики занимались разработкой концепций деидеологизации, считая, что в отличие от Советского союза они живут в свободном обществе, ученые в СССР иначе оценивали суть и перспективы деидеологизации. Например, М. В. Яковлев в 1970-е гг. критикует «буржуазную традицию» за то, что идеология в ней обесценивается². Критикой концепций деидеологизации занимались А. С. Панарин³ и Л. Н. Москвичев⁴. В советской традиции не было сформировано негативного отношения к идеологии, а представление об ее отношении с наукой было в корне иным. Бытовало представление о «научной идеологии» пролетариата, берущей начало еще в теории В. И. Ленина. Более того, в среде ученых в 30-е гг. XX в. встречалось даже представление о том, что все науки, равно социальные и естественные, одинаково партийны. Что даже естествознание также подвержено классовым влияниям, как и социальные науки⁵. В последующем идея партийности естественнонаучных теорий была в

¹ Деррида Ж. Призраки Маркса Государство долга, работа скорби и новый интернационал. М., 2006. С. 82-93.

² Яковлев М. В. Идеология. М., 1979. С. 52.

³ Панарин А. С. Критика социальной доктрины Жана Фурастье. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук. М., 1974

⁴ Москвичев Л. Н. Теория деидеологизации. М., 1971.

⁵ См., например. Егоршин В. Естествознание и классовая борьба // Под знаменем марксизма. 1926. № 6. С. 123; Егоршин В. Естествознание, философия и марксизм. М. 1930. С. 87-88; За партийность в философии и естествознании // Естествознание и марксизм. 1930. № 2-3. С. IV.

большинстве своем оставлена. О партийности стали говорить только в отношении общественных наук.

Таким образом, можно обобщить, что для исследователей, развивавших идеи деидеологизации, в целом характерно противопоставление идеологии научному мировоззрению, вера, что именно научно-технический прогресс приведет к «смерти» идеологии или хотя бы к ее ослаблению. Возможно, в некотором смысле, такая позиция является наследницей эпохи Просвещения, а именно веры в человеческий разум и в высокие идеалы человеческой рациональности. Для концепций деидеологизации характерна одновременно высокая оценка науки и негативное отношение к идеологии, отрицание ее когнитивной продуктивности, познавательного потенциала. Корни такого отношения, как мы видели выше, находятся еще в теории «иллюзорного сознания» К. Маркса и Ф. Энгельса.

Сказанное не означает, что авторы, которых принято относить к концепции деидеологизации, обесценивали идеологию полностью. Многие из них (к примеру, Д. Белл и Р. Арон) отмечали способность идеологии выполнять важные психологические и мотивационные функции. В этом плане сторонники деидеологизации внесли свой вклад в развитие теории идеологии, предложив свое понимание важных вопросов, в частности, вопроса о соотношении идеологии и религии. Кроме того, сторонники деидеологизации обратили внимание на радикальное изменение способов бытования идеологии в обществе.

Увлечение идеями деидеологизации достаточно быстро исчерпало себя на Западе. Принято говорить о пришедшей на смену в 70 е гг. теории реидеологизации. Большинство исследователей говорят об усилении роли идеологии в обществе второй половины XX в. Постепенно стало формироваться более позитивное отношение к самому феномену идеологии.

Так, еще 1964 г. вышла статья американского антрополога и социолога К. Гирца «Идеология как культурная система», где он обосновывал стремительное и разноплановое повышение роли идеологии в политической жизни современности. Гирц изучал образную структуру идеологического восприятия действительности, утверждая, что оно складывается из тропов и метафор. Посредством них идеология осуществляет символическую демаркацию социальной реальности, что позволяет людям эту реальность осваивать. В связи с этим Гирц отмечает уникальное свойство идеологии размечать незнакомое или кардинально изменившееся пространство¹. Исследователь также, по сути, предлагает программу развития идеологии в будущем, утверждая, что ее основная задача состоит в том, чтобы «сделать возможной автономную политику, создав авторитетные концепты, которые придали бы ей смысл, и убедительные образы, которые бы сделали ее доступной для восприятия»².

Гипотезу Гирца о возрастании роли идеологии после 60х гг XX в. поддержал и член Французской коммунистической партии философ-неомарксист Л. Альтюссер. Более того, он утверждал, что социум без идеологии существовать вовсе не может: «Человеческое общество выделяет (*sécrète*) идеологию, как элемент или атмосферу, необходимую для их дыхания и существования»³. Альтюссер разрабатывал собственную теорию «идеологии как таковой», отталкиваясь от учений Маркса, Фрейда и Лакана.

Французский теоретик утверждает, что одна из важнейших функций идеологии – трансформация индивидуумов в субъектов. «Идеология обращается к индивидуумам как к субъектам»⁴ - пишет философ. Это означает, что она встраивает их (обычно даже без их ведома и согласия) в определенные идеологические конфигурации отношений. И существует она

¹ Гирц К. Интерпретация культуры. М., 2004. с. 225-267

² Там же. с. 549

³ Althusser L. For Marx. Hammondsworth, 1969. p. 232.

⁴ Альтюссер Л. Идеология и идеологические аппараты государства. <http://magazines.russ.ru/nz/2011/3/al3.html> (дата обращения 1.03.16)

также всегда только для конкретных субъектов. Надо отметить, что философ продолжает традицию противопоставления идеологии и науки, определяя последнюю в качестве «дискурса без субъекта»¹. Выступая в защиту марксизма, он призывал максимально очистить это учение от идеологических элементов, оставив только научную его составляющую.

Об усилении роли идеологии в XX в. писали и философы франкфуртской школы, в частности, М. Хоркхаймер, Т. Адорно, Г. Маркузе, Ю. Хабермас. Франкфуртцы уделяли особое внимание пересмотру отношения науки и идеологии в эпоху позднего капитализма, показывая, что научно-технический прогресс сам по себе к «смерти» идеологии привести не может.

Так, Г. Маркузе начинает с критики классического представления о рациональности, показывая, что на самом деле под ним скрывается определенная форма политического господства. Целерациональное действие (в веберовском смысле), по его мнению, всегда является неким осуществлением контроля, соответственно, рационализация, по сути, является институционализацией власти. Это не просто означает, что чтобы легитимировать власть, ее представляют как технически необходимую форму управления, а частные интересы выдаются за интересы всех людей. И не то, что идеологию пытаются замаскировать под науку, превратив в некую «псевдонауку». Техника и наука сами идеологизируются: «общество, нацеленное на технологическую трансформацию природы и уже осуществляющее ее, изменяет основу господства, постепенно замещая личную зависимость (раба от господина, крепостного от владельца поместья, а последнего от дарителя феода и т. д.) зависимостью от «объективного порядка вещей» (экономических законов, рынка и т. п.)».² Сам современный

---

¹ Альтюссер Л. Идеология и идеологические аппараты государства. <http://magazines.russ.ru/nz/2011/3/al3.html> (дата обращения 1.03.16)

² Маркузе Г. Одномерный человек. М., 1994. с. 189.

тип науки, ее идеалы, по мнению Маркузе, представляют собой осуществление определенного рода господства.

Конечно, Маркузе признает, что техника как таковая остается политически индифферентной и может быть использована представителями различных партий: «Электронно-вычислительные машины могут служить равным образом и капиталистической, и социалистической администрации».¹ Однако так может быть лишь до тех пор, пока идет речь о частных технических приспособлениях, «как только техника становится универсальной формой материального производства, она определяет границы культуры в целом; она задает проект исторического целого - "мира"». ² В таком случае техническая сторона жизни общества становится идеологической по содержанию. Сама техника начинает представлять собой господство не только над природой, но и над человеком. Наука же, в свою очередь, по утверждению Маркузе, приспособливается для реализации этой новой «технической идеологии».

Ю. Хабермас продолжает развивать идеи Маркузе с целью понять, как и почему рациональность в технократическом обществе превратилась в «выступающую от имени рациональности определенную форму непризнанного политического господства»³.

Парадокс, как указывает Хабермас, заключается в том, что даже если всеобщее позитивистское сознание и упразднит традиционные буржуазные идеологии, то само оно является ничем иным, как некоей специфической эрзац-идеологией,⁴ потому что сама рациональность науки и техники имманентно является рациональностью господства. Речь идет об изменении идеологической формы, но не об отмене идеологии как таковой. Хабермас пишет, что раньше в основе сохранения политической власти лежало

---

¹ Маркузе Г. Одномерный человек. М., 1994. с. 202.

² Там же. с. 203.

³ Хабермас Ю. Техника и наука как идеология. М., 2007. с. 51.

⁴ Там же. с. 103.

насилие, являвшее собой основу отношений между буржуазией и пролетариатом. Сейчас речь идет об институциональных формах господства, маскирующих прямое принуждение, а иногда и заменяющих его.

Развитие науки и технологии, по мнению Хабермаса, не только не приводит к «смерти идеологии» (как утверждал, к примеру, Д.Белл), но, напротив, становится ее основанием. «Господство теперь увековечивает себя и распространяется не только посредством технологии, но и *как* технология...»¹. Последняя четверть XIX века, по его мнению, ознаменовалась двумя тенденциями: с одной стороны, ростом активности государства, направленной на вмешательство в различные сферы общественной жизни. С другой стороны, ростом взаимозависимости научных исследований и техники, в результате чего наука превратилась в главную производительную силу. Именно эти две тенденции, по мнению философа, способствовали возникновению ситуации, в которой именно наука и техника приобретают легитимирующую функцию господства. В итоге, заключает он, современное государство представляет собой своеобразный «сплав техники и господства»².

С одной стороны, «научно-техническая» идеология менее идеологична в традиционном смысле слова, ведь она освобождается от некоторых элементов «иллюзорного сознания» - различных мистификаций, некоторых ложных представлений, но с другой стороны проблема освобождения от нее становится практически неразрешимой. Кроме того, речь теперь идет не об интересах какой-либо социальной группы, а о чем-то, присущем человечеству в целом. Такая идеология больше не является классовой.

Выступая в качестве «новой идеологии», или «постидеологии», наука и техника являются новой формой легитимации господства. То есть, по сути, речь идет о смене идеологических форм. В традиционном обществе религия

---

¹ Хабермас Ю. Техника и наука как идеология. М., 2007. с. 55.

² Там же. с. 57.

легитимировала власть, апеллируя к высшим силам, позже в эпоху модернизации идеология выделяется в самостоятельную форму духовной деятельности, затем наука и техника выступают в качестве некой постидеологии. Согласно этой концепции, та или иная форма духовной деятельности, которая пользуется наибольшим авторитетом на каком-либо этапе, будет исполнять роль идеологии.

Мы видели, что еще Лукач предполагал возможность убрать классовую составляющую из идеологии. Хабермас говорит о выходе за пределы классовой борьбы в рамках капиталистического устройства без социалистической революции. Примирение классовых конфликтов, создание единой общей идеологии у него происходит в рамках капитализма. Тем не менее, речь идет о расширении понятия идеологии – вместо легитимации конкретного политико-правового режима идеология в том смысле, в котором о ней говорит Хабермас, легитимирует господство как таковое.

Мы полагаем, что в контексте рассуждений Хабермаса следует использовать более широкое понятие, чем «идеология» (возможно, «политический дискурс») либо говорить о «постидеологии». Также как религия, выполняя идеологические функции задолго до Нового времени, не была тождественна идеологии, как форме духовной деятельности, так и наука и техника в концепции Хабермаса идеологией в том смысле, в котором мы предлагаем ее понимать, не являются. Ниже мы предложим понимание идеологии как определенной формы духовной деятельности, целью которой является легитимация определенного политико-правового режима или программ его изменения. У Хабермаса же речь идет не о легитимации конкретного режима, а о легитимации модели господства в целом.

Немецкий философ обратил внимание на тот факт, что в современном мире идеология сильно трансформируется. Возможно со временем традиционные ее формы: национализм, либерализм, консерватизм и др.

отойдут на задний план. И на смену им придут не в чем-то подобные им формы, а нечто кардинально иное. Трудно спрогнозировать, когда это произойдет и произойдет ли вообще. Однако в современном обществе начала XXI все еще не утратили своей актуальности и мощи «традиционные» идеологические формы.

Наука и идеология все еще могут быть разделены как две различные формы духовной деятельности. При этом мы не склонны считать ни что развитие науки способно отменить идеологию, ни что наука пропитана идеологией насквозь. Говоря о том, что наука и техника, суть, оказываются идеологией, Хабермас вынужден неоправданно расширить понятие идеологии, рассматривая ее как стиль мышления, характерный для всего человечества на данном этапе развития.

Известный французский философ Р. Барт также относится к числу исследователей, которые считали, что в XX в. идеология ничуть не уступила своих позиций. Барт утверждал, что современное ему общество второй половины двадцатого века буржуазное и обладает соответствующей идеологией. Тот факт, в парламенте ни одной страны невозможно найти партию, именующую себя буржуазной, и что никто не характеризует общество, в котором живет, как капиталистическое, он называл феноменом «разыменования» буржуазии¹. Именно это «разыменование» дает людям иллюзию, что они живут в постидеологических условиях и в то же время позволяет идеологии по-настоящему окрепнуть. Само устранение слова «буржуа» является ее сутью, позволяя ей совершать свой обман, не боясь разоблачения. Таким образом, современное ему общество Барт называл обществом «анонимной идеологии»². Р. Барт указывал на ошибочность попыток противопоставить идеология как некоего изначального отягощенного виновностью феномена культуре, интерпретируемой как в

---

¹ Барт Р. Мифологии. М., 1996. с. 265.

² Там же. с. 267.

«возвышенно-благородное общее достояние»¹. Французский философ прав в том, что не стоит изначально негативно относиться к феномену идеологии. Идеология как социальная данность не является исключительно позитивным или негативным явлением.

Можно также добавить, что периодически Барт говорит об идеологии не как о социальном явлении, а как об особом метода познания, особого рода «науке». В работе 1957 г. «Мифологии» он концептуализирует идеологию через понятие мифа. В его представлении, она представляет собой современный метаязыковой миф, коннотативную систему, приписывающую объектам не прямые значения. Для анализа данного феномена он использует семиотический подход.

Об усилении роли идеологии в современном обществе говорит и С. Жижек. Опираясь на построения П. Слотердайка, Л. Альтюссера и Ж. Лакана, он показывает, что идеология способна успешно функционировать даже в обществе, члены которого, казалось бы, прекрасно понимают суть и содержание ее обмана. Исследователь помещает «идеологическую иллюзию» не в человеческое сознание, а в деятельность людей. Таким образом, получается, что даже если никто, к примеру, не доверяет государственной власти в какой-либо стране, но, тем не менее, люди продолжают вести себя так, что власть может функционировать и дальше, мы можем говорить об успешности идеологической пропаганды. Жижек проводит параллель с деньгами: используя их, индивиды осознают, что в них нет ничего магического, и они являются всего лишь неким знаком, дающим индивиду, обладающему им, право на определенную долю общественного продукта. Следовательно, индивиды осознают все «правильно». Проблема же в том, что в своей социальной деятельности они ведут себя так, как если бы «деньги, в их материальности, непосредственно воплощали богатство как таковое»². Получается, что «не знают», «не осознают» они именно того, что в

---

¹ Барт Р. Мифологии. М., 1996. с. 186.

² Жижек С. Возвышенный объект идеологии. М., 1999. с. 38.

социальной практике сами руководствуются иллюзией. Таким образом, Жижек утверждает, что, даря людям приятное осознание того, что они раскусили попытку себя обмануть, идеология отвлекает их внимание от того факта, что в действительности они ей все еще подчиняются, действуют так, как к этому призывает идеология.

В XXI в. исследования, утверждающие усиление роли идеологии в обществе, продолжаются. Л. Болтански и Э. Кьяпелло в своей работе «Новый дух капитализма» занимаются анализом идеологических изменений, сопутствующих последним преобразованиям капитализма. Их понимание данного феномена близко к тому, что К. Манхейм называл тотальной идеологией: «большинство участников капиталистического процесса, как сильные, так и слабые, опираются на одни и те же схемы, когда представляют себе механизмы, преимущества и несвободы того строя, в который они оказались вовлечены».¹ Новый дух капитализма представляет собой не что иное, как «идеологию, оправдывающую вовлеченность в капитализм».² Таким образом, если капитализм «не просто выжил..., но и постоянно расширяет сферу своего господства³» значит, жива и его идеология. Получается, что авторы «Нового духа капитализма» считают уместным говорить в современном обществе не просто об идеологии, а об идеологии господствующей.

Таким образом, мы видим, что на данный момент существует и продолжает создаваться большое количество самых разнообразных концепций, принадлежащих к разным философским школам, использующих разную методологию, которые объединяет одно – уверенность в том, что роль идеологии в жизни современного общества возрастает. Примечательно, что усиление роли идеологии происходит, по утверждению всех этих исследователей, не только в рамках обществ тоталитарных, но и в обществах

---

¹ Болтански Л., Кьяпелло Э. Новый дух капитализма. М., 2011. с. 46.

² Там же. с. 42.

³ Там же. с. 45.

демократических, с развитой наукой и техникой, наличием множества разнообразных средств массовой информации.

Для обоснования этих утверждений следует подробнее рассмотреть феномен идеологии, проанализировать специфицирующие ее функции, ее соотношение с иными формами духовной практики. Решению этих задач посвящена вторая глава нашей диссертации.

Глава II. Идеология как форма духовной деятельности

2.1. Понятие идеологии и ее место в системе общественного сознания

Как известно, термин «идеология» используется в самых различных значениях, в том числе, и далеких от научных коннотаций. Так, в бытовом словоупотреблении, мы можем встретить рассуждения об «идеологии здорового образа жизни», «идеологии спорта» и т.п., хотя ни о какой идеологии в собственном значении термина речь в подобных случаях не идет.

В современной научной среде также существуют большие трудности с определением идеологии. Отчасти это связано с тем, что последняя находится в постоянном развитии и становлении, ее проявления и способы функционирования постоянно меняются. К примеру, в связи с развитием науки и СМИ в XX в. способы идеологического воздействия изменились настолько радикально, а идеология научилась функционировать настолько незаметно, что многие исследователи, как мы видели выше, и вовсе приняли эти изменения за «смерть» идеологии.

Кроме того, концепт идеологии, как никакой другой «подвержен всем ветрам академической моды»¹, демонстрируя высокую зависимость от используемых методологий. По сути, редкое исследование политической сферы общества обходится без упоминания об идеологии. Мы встречаем это понятие и в лингвистических и постструктуралистских построениях, и даже в психоанализе.

На данный момент существует огромное количество различных определений идеологии. К примеру, Т. Иглтон приводит следующие определения, по его мнению, наиболее популярные в западной социальной мысли: «1) процесс производства смыслов, знаков и ценностей в

---

¹ Мусихин Г. И. Очерки теории идеологий М., 2013.

социальной жизни; 2) совокупность идей, характерных для определенной социальной группы или класса; 3) идеи, помогающие легитимировать доминирующую политическую власть; 5) систематически искажаемая коммуникация; 6) нечто, что формирует позицию субъекта; 7) формы мышления, мотивированные социальными интересами; 8) социально-необходимая иллюзия; 9) конъюнктура дискурса и власти; 10) медиум, с помощью которого сознательные социальные акторы придают смысл своему миру; 11) ориентированные на действия наборы верований; 12) смешение языковых и феноменологических реальностей; 13) процесс превращения социальных идей в действительную реальность и др.»¹

В советской литературе было популярным следующее определение идеологии - «система идей и теорий, ценностей и норм, идеалов и директив действия, выражающих интересы, цели и задачи определенного класса, способствующих закреплению или устранению существующих отношений».² В современной российской социальной науке также предпринимаются попытки создать всеохватывающее определение идеологии. К примеру, социолог Д. Т. Жовтун определяет идеологию как «систему идей, взглядов, представлений, содержащую концептуальное, теоретическое осмысление социального бытия с точки зрения интересов, потребностей, целей и идеалов определенных социальных групп и слоев, национальных образований»³.

Большинство из приведенного нами множества определений идеологии плохо совместимы друг с другом. Так, мы не можем совместить рассмотренную ранее трактовку Д. де Траси, понимавшего идеологию как особую «науку об идеях», и марксову трактовку идеологии как «иллюзорного сознания», ведь понятие «иллюзорной науки об идеях» одновременно далеко и от теории Маркса, и от концепции де Траси. Точно также понимание идеологии как «совокупности идей, характерных для определенной

¹ Eagleton T. Ideology: an introduction. L., N. Y., 1991. p.1-2.

² Яковлев М.В. Идеология. М., 1979. с. 9.

³ Жовтун Д. Т. Идеология: актуальные аспекты социологического анализа//Социология: учебник/ Под общ. Ред. В. Э. Бойкова М. 2004. с. 367.

социальной группы или класса» может противоречить ее пониманию в качестве «идей, помогающих легитимировать доминирующую политическую власть», поскольку идеи, характеризующую какую-либо социальную группу, вовсе необязательно должны служить легитимации доминирующей политической власти.

Хотя теоретики открыто говорят о своих затруднениях в концептуализации понятия идеологии, оно продолжает широко использоваться в политической практике и социальной науке. Не представляется возможным, чтобы этот термин пропал из политического и научного дискурса. Поэтому необходимо определить место, которое идеология занимает в обществе, выявить ее сущностные черты, понять выполняемые ей общественные функции.

Однако, как мы показали, существующие трактовки идеологии настолько разные и противоречивые, что, если бы мы хотели решить проблему определения идеологии путем объединения их в единое синтетическое целое, наша попытка не увенчалась бы успехом. Кроме того, нельзя определить такой сложный феномен как идеология путем суммативного перечисления ее компонентов, признаков и функций. Необходимо различить главные системообразующие основания идеологии, исполняемые исключительно ею функции и те, которые идеология может осуществлять наряду с другими отличными от нее формами духовной практики (такими как наука, религия, мораль, философия и др.). Иными словами, необходим системный анализ идеологии, с указанием главного и второстепенного, определяющего и определяемого в ней.

Первое, что следует сказать про идеологию, это что она является определенной формой духовной деятельности и, одновременно, частью общественного сознания, этой деятельностью производимого. В данной работе под общественным сознанием мы будем понимать совокупность процессов и продуктов духовной деятельности людей. Некоторые

мыслители, отождествляли общественное сознание, духовную культуру и идеологию. В частности, А. А. Богданов, использовал эти понятия как синонимы.¹ Однако идеология является только частью культуры, частью общественного сознания.

Общественное сознание обладает сложной структурой. Советские ученые выделяли идеологию в качестве одного из уровней общественного сознания наряду с общественной психологией. При этом последняя понималась как совокупность чувств, настроений, побуждений, характерных для данного общества в целом и для каждой из больших социальных групп, а общественная идеология - как система теоретических взглядов, отражающая степень познания обществом мира в целом и отдельных его сторон. В таком понимании она представляет собой новый уровень общественного сознания — уровень теоретического отражения мира.² Отношение между общественной психологией и общественной идеологией в данном случае рассматривается как отношение между рациональным и чувственным уровнями общественного сознания.

Такая трактовка идеологии (даже с оговоркой на то, что речь идет об идеологии «в широком смысле») неверна. При данном подходе идеология вовсе необязательно обладает политическим содержанием. Кроме того, понимание идеологии в качестве теоретического уровня общественного сознания подразумевает, будто она по сути своей рациональна. Однако она, как раз, вопреки науке, не гнушается иррациональными ходами, недоказанными и недоказуемыми утверждениями. Идеология часто действует не посредством рациональных убеждений и построений (как ей предписывала бы делать такая позиция), а воздействует на неосознаваемые чувства людей, реализует себя на обыденном, дотеоретическом уровне.

---

¹ Богданов А.А. Наука об общественном сознании. Краткий курс идеологической науки в вопросах и ответах. М. 1914. с. 9-10.

² Крапивенский С. Социальная философия. <http://eurasianland.ru/txt/sotsio/117.htm> (дата обращения 01.03.16)

Рассматривая идеологию как вид духовной деятельности, мы понимаем последнюю как особый тип человеческой активности, отличной от социальной практики. Если практическая деятельность ставит своей целью физическое изменение природной и социальной среды, окружающей и охватывающей человека, то деятельность духовная призвана создавать знаково-символические объекты, изменяющие не сам мир, а человеческое представление о мире.

Духовная деятельность людей имеет сложное системное строение, она состоит из различных форм человеческой активности, которые взаимопологают друг друга и находятся в отношениях композиционного пересечения. Мы согласны с выделением двух основных форм духовной деятельности, первой из которых является деятельность ориентационная, а второй – деятельность проектная, каждая из которых производит соответствующую подсистему общественного сознания.¹

Как утверждает К. Х. Момджян, задачей ориентационной деятельности является понимание окружающего нас мира, существующего как нечто данное, имеющее статус наличного бытия. Проектная деятельность, напротив, имеет своей задачей придумывание, конструирование того, чего в мире еще нет, но что должно быть в нем, чтобы жизнь людей была возможной и комфортной. Речь идет о проектировании вещного мира, образующего техносферу человечества, социальных норм, призванных регулировать человеческое поведение, художественных объектов, способных удовлетворять инстинктоподобное влечение человека к красоте, и т.д.²

В основе такой позиции лежит предложенное еще Г. В. Ф. Гегелем различие между теоретическим и практическим сознаниями. Гегель пишет: «Во взаимоотношениях с предметом *Я* бывает 1) *пассивным*, а предмет – причиной определений во мне. В этом случае имеющиеся во мне

---

¹ Момджян К. Х. Социальная философия. Деятельностный подход к анализу человека, общества, истории. М., 2013. с. 53.

² Там же. с. 52-56

определенные представления появляются оттого, что непосредственно наличные предметы производят на меня какое-то впечатление. Это и есть *теоретическое* сознание <...> 2) противоположным образом проявляет себя *Я* как *практическое* сознание, когда нужно, чтобы определения *Я* не оставались только определениями его представления и мышления, а сделались внешне существующими. Тут я уже определяю вещи, я являюсь причиной изменений данных предметов».¹ Теоретическое сознание, по Гегелю, осмысливает налично данную реальность, создает ее идеальные модели, оставляя саму реальность неизменной. Сознание практическое, напротив, обладает способностью перетекать из идеального в реальное, создавая наличные формы бытия, существовавшие ранее в качестве идеального проекта.

К. Х. Момджян утверждает, что термин «теоретическое сознание» не слишком удачен для обозначения ориентационных форм духовной деятельности, поскольку далеко не все они могут быть охарактеризованы как теоретические.² Тем не менее, соглашаясь, что само различие выделенных Гегелем форм сознания (и порождающих их форм духовной деятельности) не вызывает сомнения.

Ориентационная и проектная формы духовной деятельности неразрывно связаны между собой, находятся в отношениях онтологической взаимоположенности. К. Х. Момджян показывает, что нет и не может быть духовного проектирования, которое не основывалось бы на тех или иных формах понимания мира, и наоборот, ориентация в мире предполагает необходимые формы духовного проектирования.³

---

¹ Гегель Г. В. Ф. Работы разных лет. Т. 2 М., 1971. с. 7-8.

² Момджян К. Х. Социальная философия. Деятельностный подход к анализу человека, общества, истории. М., 2013. с. 54.

³ Момджян К. Х. Социальная философия. Деятельностный подход к анализу человека, общества, истории. М., 2013. с. 54.

Объективное различие между ориентационной и проектной формами духовной практики не означает, что они не в состоянии исполнять альтернативные функции. К примеру, искусство, которое является видом духовной деятельности, создающей мир по законам красоты, способно выполнять также и ориентационную функцию, давать людям представления о мире и самих себе, хотя эта функция не является для искусства системообразующей. Точно также, наука, являющаяся важнейшей формой ориентации человека в мире, не может не использовать формы духовного проектирования, создавая концептуальные объекты, не имеющие аналогов в окружающем нас мире (например, понятие «общественно-экономическая формация» и т.д.).

Краткий анализ структуры общественного сознания, приведенный выше, позволяет нам приступить к исследованию места и роли, которое занимает в нем сложнейшее духовное образование, именуемое идеологией. Идеология является одновременно формой и ориентационного и проектного сознания. Она не только творит различного рода проекты, создает модели обществ, утопии, идеалы и пр., но и занимается описанием, осмыслением и оценкой действительности. И хотя познание мира не является определяющей функцией для идеологии, тем не менее, конечный успех идеологических проектов часто зависит от адекватности изначального описания реальности.

Различие между ориентационной и проектной формами духовной активности является первым шагом в понимании феномена идеологии, необходимым, но недостаточным. Чтобы выявить *differentia specifica* идеологии, мы должны дополнить различие ориентации и проектирования различением двух форм ориентации человека в мире. Речь идет о различии между познанием мира, с одной стороны, и его осознанием, с другой.

Познание мира – это попытка человека понять мир в собственной логике его существования, которая дана субъекту познания принудительно, то есть не зависит от его ценностных предпочтений. Именно это имел в виду

Л. Альтюссер, когда трактовал науку в качестве «дискурса без субъекта».¹ Это не означает, что познание возможно без субъекта, это означает, что познающий субъект обязан осознавать свои ценностные приоритеты и минимизировать их воздействие на результаты научного познания (подобный подход М. Вебер именовал «принципом интеллектуальной честности»)². Познание мира дает нам *знания* о нем, оно говорит на языке «суждений истины», которые поддаются процедурам гносеологической верификации (фальсификации) и могут быть отличены от заблуждений.³

Важно, однако, понимать, что познание мира при всей его первостепенной важности не может заменить другую форму духовной ориентации, цель которой – осознание мира (термин К. Ясперса). Осознание мира, как и его познание, представляет собой вид ориентационной активности, как и познание, оно пытается, так или иначе, понять наличное бытие, окружающую нас реальность. Однако речь идет о качественно ином способе понимания. Осознание мира соотносит мир с потребностями познающего субъекта, «опрокидывает» мир на человека, оценивает его, чтобы ответить на два из трех вопросов, которые И. Кант считал предметообразующими для философии: «Что я должен делать?» «На что я

---

¹ Альтюссер Л. Идеология и идеологические аппараты государства. <http://magazines.russ.ru/nz/2011/3/al3.html> (дата обращения 01.03.16).

² Вебер М. Смысл «свободы от оценки» в социологической и экономической науке // Избранные произведения. М. 1990 с. 548-549.

³ Проблема истины вызывает горячие споры в современной философии, существует множество трактовок истины, среди которых выделяются: корреспондентская теория, согласно которой истина есть соответствие знания действительности, имманентная, когерентная, конвенциональная и др. Не углубляясь в проблемы когнитивистики, мы исходим из убеждения в существовании объективной истины, которая, тем не менее, не должна абсолютизироваться и субстанциализироваться в духе теорий, стремящихся свести все формы духовной активности к познанию. Эту посылку когнитивного империализма критикуют, в частности, М. Фуко, Ж.-Ф. Лиотар и др.

смею надеяться?»¹, (первый из вопросов кантовской триады «Что я могу знать?»² относится к компетенции познания мира).

Осознание дает нам не знания, а мнения о мире, которые имеют первостепенное значение для успешной адаптации людей к окружающей реальности. Оно говорит на языке суждений ценности, которые в отличие от суждений истины не поддаются гносеологическим процедурам верификации (фальсификации). Суждения ценности могут быть общезначимыми и даже общеобязательными, но это не делает их истинными или ложными в гносеологическом истолковании этих понятий.

Вопрос гносеологического статуса ценностных суждений давно волнует философов. Еще английский философ Д. Юм утверждал, что необходимо отличать суждения факта и суждения долга (прескриптивные, внеистинностные суждения). Юм добавлял к этому, что невозможно выводить из одного типа суждений суждения второго типа.³ Впоследствии этот принцип получил развитие в учении И. Канта. Неокантианцы, в частности, Г. Риккерт продолжали заниматься проблемой статуса ценностных суждений. Много внимания уделял разработке учения об оценках и М Вебер (под оценками он понимал особый тип суждений, выражающих личные предпочтения человека, которые неправомерно рассматривать с точки зрения истинности или ложности). Профессиональный ученый, по его мнению, хотя и не может полностью отказаться от оценок того или иного рода, все-таки должен постоянно отделять их от своих научных знаний, истинность которых он может доказывать научными методами.⁴

---

¹ Кант И. Собрание сочинений в восьми томах. Т. 3. М., 1994. с.588

² Там же. с.588

³ См. Юм Д. Трактат о человеческой природе. Мн., 1998.

⁴ Вебер М. Смысл «свободы от оценки» в социологической и экономической науке // Избранные произведения. М., 1990. с. 548-549.

Идеология в ее реальном историческом существовании имеет сложное строение. Ценностное сознание мира является сердцевиной идеологии.¹ К примеру, в основе марксизма как идеологии лежит набор ценностных приоритетов, в котором ценности справедливости и равенства занимают доминирующее положение, подчиняя себе ценности свободы, инновации и другие. Стоит отметить, что идеологическая доктрина Маркса не сводится к подобным моральным постулатам. В отличие от чистой этики эта доктрина предполагает не только манифестацию ценностных предпочтений, но и их утверждение в качестве доминирующих регуляторов общественной жизни. Соответственно, ориентационная функция идеологии органически перетекает в её проектную функцию, цель которой - сконструировать формы социального устройства, соответствующие принятым ценностным приоритетам.

Ясно, однако, что идеология не будет в состоянии исполнить свое проектное назначение, если не будет опираться на знание социальной реальности, тех ее условий, которые могут способствовать или препятствовать реализации ценностных приоритетов, стать практическим средством их претворения в жизнь. Именно это обстоятельство обуславливает наличие в идеологии особых «служебных» компонентов, которые П. А. Сорокин называл «ценностями как средствами», отличными от «ценностей как целей», достижению которых эти компоненты служат².

Иными словами, идеология, включающая в себя суждения ценности, не ограничивается этим видом оценочных суждений, которые лежат вне пределов гносеологической верификации. Неотъемлемым атрибутом

---

¹ Стоит отметить, что в то же время как оценочные суждения составляют только часть идеологии, идеологические оценки в свою очередь являются лишь одним видом оценочных суждений (наряду с моральными, эстетическими, религиозными и др.). Идеологическое сознание не является исключительно ценностным, но и ценностное сознание не является только идеологическим.

² См. Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика. М., 2006.

идеологических доктрин, претендующих на переустройство мира, является другой вид оценочных суждений, иначе связанный с наукой.

Как показывает К. Х. Момджян, речь идёт о различии между двумя типами оценок: суждениями ценности и суждениями значимости¹. В основе суждений ценности лежат мотивационные предпочтения людей, которые касаются выбора конечных целей человеческого существования в мире, ответа на вопрос: к чему должен стремиться, ради чего должен жить человек?

В отношении таких суждений, как уже отмечалось выше, не применимы критерии истины или лжи, поскольку человек свободен в своих ценностных предпочтениях и может выбирать между фактом жизни и качеством жизни, свободой и безопасностью, не безвредными для жизни удовольствиями и долголетием, не опасаясь обвинений в когнитивной ошибке.

Суждения значимости имеют принципиально иной характер. Они представлены: 1) оценками, которые фиксируют безальтернативные предпочтения человеческого тела, которое не обладает субстанциальной свободой выбора, присущей человеческому духу, существует в диапазоне объективно полезного и объективно вредного, определяемого наукой;

2) оценками, которые касаются средств достижения избранной человеком цели. Объективность таких оценок определяется тем, что характер цели предопределяет характер средств, способствующих или не способствующих ее достижению, делающих его более или менее эффективным. Именно это обстоятельство обеспечивает гносеологическую верификацию данного типа оценочных суждений (что делает, в частности, возможной научную теорию общественного прогресса, в которой объективным критерием совершенства или несовершенства функциональных

---

¹ Момджян К. Х. Социальная философия. Деятельностный подход к анализу человека, общества, истории. М., 2013. с. 73.

институтов общества является их соответствие породившей их функции, эффективность ее реализации).¹

Возвращаясь к структуре идеологии, мы видим, что она включает в себя как суждения ценности, так и суждения значимости (второго типа), которые фиксируют пути достижения конечных целей, постулируемых идеологами. Мы не можем верифицировать утверждение той или иной идеологии о том, что высшей ценностью является социальная справедливость (или свобода), но оценить в качестве верных или неверных предлагаемые ей средства достижения этой цели, оценивать идеологические программы с точки зрения их правильности, соответствия поставленным целям, мы уже можем. К примеру, в «Манифесте коммунистической партии» К. Маркс и Ф. Энгельс предлагают вполне конкретные мероприятия, которые, по их мнению, должны привести к достижению желаемой цели - созданию социального строя, исключающего неравенство людей и несправедливые отношения между ними. Речь идёт о таких мерах, как: «1. Экспроприация земельной собственности и обращение земельной ренты на покрытие государственных расходов, 2. Высокий прогрессивный налог, 3. Отмена права наследования, 4. Конфискация имущества всех эмигрантов и мятежников, 5. Централизация кредита в руках государства посредством национального банка с государственным капиталом и с исключительной монополией, 6. Централизация всего транспорта в руках государства, 7. Увеличение числа государственных фабрик, орудий производства, расчистка под пашню и улучшение земель по общему плану...»² и др. Очевидно, что переход от суждений ценности к суждениям значимости открывает путь к научной критике социальных проектов, рассмотренных с точки зрения их практической осуществимости и эффективности. Сам ход общественного

---

¹ Момджян К. Х. Социальная философия. Деятельностный подход к анализу человека, общества, истории. М., 2013. с. 74.

² Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии. М., 1954 с. 55-56.

развития подтверждает или опровергает конструкции «социальных проповедников»¹.

Мы видели, что одной из наиболее влиятельных трактовок идеологии является предложенная К. Марксом и Ф. Энгельсом концепция «иллюзорного сознания». Действительно, еще с давних времен за идеологией закрепилась дурная слава лжи, обмана, иллюзии. Однако насколько мы показали, вопрос взаимоотношения идеологии и истины сложен и неоднозначен. И только часть идеологического содержания может быть подвергнута процедуре гносеологической верификации (фальсификации). В некотором же смысле к ней вообще не применимы понятия истины или лжи.

Итак, определяя место идеологии в структуре духовной деятельности людей, мы начали с констатации того, что именно ценностное осознание мира, трансформированное в социальные проекты его переустройства, является сердцевинной идеологических доктрин, что отличает их от науки как рефлективной формы ориентации в мире. Вместе с тем очевиден тот факт, что идеология не является единственной из форм ценностной ориентации в мире, что ставит нас перед необходимостью установить важнейшие различия между собственно идеологией и моралью, религией, валюативной философией и др.

Мы связываем это отличие с двумя фундаментальными факторами, первым из которых является органическая, неразрывная связь идеологии с политической активностью людей, её нацеленность на решение проблем властной регуляции общественной жизни.

Множество мыслителей расценивали идеологию в качестве политического явления (существует даже определение идеологии в качестве любого вида пересечения между системами верований и политической

---

¹ См. Босков А., Беккер Г. Современная социологическая теория в её преемственности и изменении. М., 1961.

властью).¹ Действительно, идеология всегда политична по своей природе, она всегда предлагает вариант некоего «хорошего» политического устройства общества. Под политикой же в данной работе мы будем понимать определенный вид социального управления, принадлежащий к организационному типу деятельности - виду общественного производства, создающего и регулирующего «формы общения людей», связи и отношения между ними. Организационная деятельность представлена двумя видами человеческой активности - коммуникативной и управленческой. Первая из них создаёт необходимые связи между субъектами и субъектами, субъектами и объектами, но не регулирует их с использованием властных механизмов.

В отличие от коммуникативной деятельности социальное управление предполагает не только создание связей и отношений между людьми, но и их властную регуляцию (в данной работе мы будем понимать под властью статус социального субъекта, позволяющий ему "присваивать волю других людей", то есть отдавать им распоряжения, обязательные для исполнения).

Существует два вида социального управления, одним из которых является административная деятельность, задача которой состоит в создании и регуляции связей в несамодостаточных человеческих коллективах, образующих общество. Другим видом является политическая деятельность, управляющая делами общества, взятого в целом, то есть создающая и регулирующая связи в самодостаточных человеческих коллективах, представляющих собой именно общества, а не сообщества людей.

Будучи самостоятельной частью общественной жизни, типологически отличной от экономики, культуры, религии и других образующих социальной структуры, политика вступает с ними в отношения композиционного пересечения, придавая политическое значение любым общественным проблемам, используемыми как повод для политического

---

¹ M Seliger, Ideology and Politics, London ,1976, p. 11.

противоборства (включая сюда не только спортивные соревнования, но и компоненты духовной культуры, связанные с интерпретациями минувшей истории, Нобелевскими премиями по литературе и т.д.). Нельзя не упомянуть идеи М. Фуко, который утверждал, что вся наша жизнь пронизана политической властью, что политика связана не только с функционированием государства, а незаметно вплетена в частную жизнь людей и малейшие ее проявления¹ (стоит отметить, что сам Фуко термин «идеология» практически не использует, предпочитая говорить о политическом «дискурсе»).

Верное представление о том, что политика пронизывает все проявления социальной жизни, утверждает себя во всех проявлениях общественной деятельности, не должно приводить к безмерному расширению понятия идеологии, которое фактически приравняло бы её к духовной культуре. В данной работе мы будем исходить из того, что далеко не все в общественной жизни и в общественном сознании является политическим. Поэтому идеология будет для нас являться только частью общественного сознания, её политическим сегментом. Следует различать собственно идеологические компоненты общественного сознания и неидеологические по своей природе духовные значения, лишь ситуативно связанные с политикой, используемые в политической, в том числе и идеологической борьбе.

Мы убеждены в том, что никакие системы идей не могут считаться идеологиями, если они не косвенно, а имманентно, самим своим существом не относятся к сфере политического. Иными словами, утверждение политической природы идеологии позволяет вынести за пределы идеологического сознания вопросы о допустимости аборт, эвтаназии и пр., несмотря на то, что в бытовой лексике подобные вопросы часто называют идеологическими.

---

¹ См.. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.,1999.

Итак, первым признаком, отличающим идеологию от иных форм ценностного осознания мира является её политическая интенциональность, неразрывная связь с проблемами властной регуляции общественных отношений. Второй отличительный признак связан уже не с содержанием идей, образующих идеологические доктрины, а с характером их носителей.

В своё время П.А. Сорокин утверждал, генезис любых духовных значений способен проходить три стадии. Первой из них является фаза логического синтеза, фаза «придумка», когда идея зарождается в голове своего автора, становясь частью его индивидуального сознания. Второй является фаза объективации, на которой придуманная идея, словами Гегеля, "отягощает себя проклятием материи", находит своих предметных носителей, благодаря которым мысль одного становится мыслью для другого. Наконец, третьей фазой является фаза социализации, на которой мысль одного становится мыслью многих, превращается в факт коллективного сознания людей, направляющий и программирующий их совместную деятельность.¹

Именно социализация идей является для нас не исключительным, но важным признаком идеологии, отличающим её от более «камерных» форм общественного сознания, таких как философия или высокое элитарное искусство. Мы полагаем, что политические идеи становятся идеологией лишь тогда, когда "овладевают массами" (то же самое происходит с теологическими идеями, социализация которых превращает их в религию). Идеология является массовым сознанием, выражающим социально-политические интересы определенных социальных групп, заинтересованных в утверждении или ниспровержении определенного социально-политического строя, участвующих - непосредственно или опосредованно - в политической борьбе.

---

¹ См. Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика. М., 2006

Природа таких групп может быть разной, они могут быть представлены как самодостаточными социальными коллективами (обществами), так и сообществами людей, занимающих определенное место в общественном устройстве.

Сторонники марксизма, как известно, рассматривают идеологию, прежде всего, как классовое сознание, носителем которого являются большие группы людей, создаваемые общественным разделением труда, имеющие разное отношение к собственности на средства производства и играющие разную роль в организации производственного процесса. Неудивительно, что во многих марксистских работах идеология рассматривалась как классовый атрибут: «система идей и теорий, ценностей и норм, идеалов и директив действия, выражающих интересы, цели и задачи определенного класса, способствующих закреплению или устранению существующих отношений».¹

Мы признаем объективный характер классовых различий, включая сюда не только разнонаправленность экономических и политических интересов, но и различия в миропонимании, фундирующие классовые идеологии. Вместе с тем мы полагаем, что носителями идеологии являются далеко не только классы как таковые. Достаточно сказать, что идеологические различия могут существовать не только между классами, но и внутри классов (можно вспомнить идеологические противоречия между консерватизмом и либерализмом, носителями которых могут являться представители одного и того же буржуазного класса). Идеологические различия могут иметь также и надклассовый характер - в ситуации, когда носителями идеологии являются самодостаточные человеческие коллективы - общества - сталкивающиеся между собой в политической борьбе (таковой, к примеру, является идеология национализма, приверженцами которой являются представители одной и той же этносоциальной группы, независимо от классовых и прочих различий между ними). Мы показали, что уже в

---

¹ Яковлев М.В. Идеология. М., 1979. с. 9.

рамках марксизма (в частности, в работах Г. Лукача) были предприняты попытки убрать классовую составляющую из идеологии.

Стоит упомянуть, что идеология представляет собой не просто определенную форму сознания, форму духовного производства, ее целью всегда является достижение конкретных общественных целей. Представляя собой духовное образование, идеология всегда имеет сугубо практическое назначение, и в этом ее важное отличие от других форм духовной деятельности. Идеология всегда служит достижению целей людей, воплощается и реализуется через их политическую деятельность, в различных социальных практиках. К примеру, Л. Альтюссер утверждает, что идеология всегда существует в некоем аппарате (государственном, прим. Автора), в его практической деятельности или практиках»¹. Философ отмечает, что каждый человек, имея тот или иной набор ценностей или идей, неминуемо будет действовать в соответствии с ним. Таким образом, он приходит к выводу, что, несмотря на то, что идеология очевидно отлична от объектов физической реальности, в некотором смысле она все-таки обладает материальным существованием. Надо признать, что схожие идеи высказывал еще К. Маркс². Действительно, идеологические идеи создаются для того, чтобы быть воплощенными в жизнь, цели ставятся для того, чтобы быть достигнутыми (что, тем не менее, не является гарантом того, что они действительно будут воплощены и достигнуты).

В данной работе мы будем исходить из того, что для понимания идеологии в качестве феномена общественной жизни наиболее перспективным является выделение ее функций. На функциональном аспекте идеологии делали акцент Т. Парсонс, Н. Луман, О. Лемберг и другие исследователи. Несмотря на то, что ни один социальный феномен не может

---

¹ Альтюссер Л. Идеология и идеологические аппараты государства. <http://magazines.russ.ru/nz/2011/3/al3.html> (дата обращения 01.03.16)

² К. Маркс, Ф.Энгельс. К критике гегелевской философии права. Введение. // Сочинения. Издание второе. Государственное издательство политической литературы. Том 1. Москва, 1954. С. 422.

быть понят вне своих функций, для понимания идеологии функциональный анализ особенно важен. Это связано с тем, что идеология существует в истории в самых различных формах, а часто остается и вовсе невидимой, неинституционализированной общественной силой. К примеру, говорят об идеологическом содержании научных теорий и различных произведений искусства. В данном случае объединяющим эти различные проявления идеологии будет не их форма или строение, а именно функциональная направленность.

Кроме того, часто идеологическое воздействие происходит неявно, некоторые исследователи утверждают сейчас, что идеология может реализовываться через деятельность людей без того, чтобы они отдавали себе сознательный отчет в этом, подчас даже без того, чтобы они осознавали свою приверженность данной идеологии. Р. Барт, к примеру, писал о феномене «анонимной идеологии»¹. Неуловимость идеологии является одной из причин, почему познание этого феномена требует тщательного анализа его социальных функций.

Ключевой определяющей функцией идеологии является функция легитимации социально-экономического и общественно-политического строя и/или программ его изменения. Часто в социальной мысли встречается понимание идеологии в качестве силы, направленной на легитимацию доминирующей в настоящее время власти. В таком смысле система идей, направленная на свержение имеющейся власти и установление нового строя, идеологией не считается. Корни подобных утверждений идут еще к теории К. Мангейма. Именно по признаку отношения к доминирующей власти философ различал идеологию и утопию, получалось, что идеология направлена на поддержание существующей власти, а утопия на ее свержение. В таком случае то или иное политическое движение становится

---

¹ Барт Р. Мифологии. М., 1996. с. 265.

идеологическим или перестает им быть в зависимости от того, удастся ли ему завоевать власть или же оно терпит в этом поражение. Манхейм сам признавал, что идеологии постоянно становятся утопиями и наоборот, поэтому сложно окончательно разграничить эти два понятия. Мы предлагаем вынести вопрос о том, принадлежит та или иная система идей правящему сословию или оппозиции, за скобки, деление на идеологию и утопию кажется нам избыточным.

Форма духовной практики может являться или не являться идеологией, независимо от того, оправдывает она режим уже существующий или же призывает свергнуть его и установить новый. Безусловно, обычно к числу наиболее значимых идеологий относят те, которыми руководствовались господствовавшие в обществе социальные силы. Однако это дает нам основания отказать идеологиям, которые у власти никогда не были (а, возможно, никогда и не будут) в их значительности, но не в праве называться идеологиями.

Подобный подход в отличие от концепции «иллюзорного сознания», делающего акцент на познавательном потенциале идеологии, не ведет к формированию отрицательного, негативного отношения к ней. Понимание социального потенциала идеологии демонстрировал и В.И. Ленин, для которого идеология являлась двигателем творения нового мира. Конечно, философ признает тот факт, что идеологии необходимо суметь и отразить социальную реальность (что лишний раз тесную взаимосвязь этих уровней идеологического сознания), однако делает акцент все-таки на ее преобразовательном потенциале. Мы утверждаем, что определяющей для идеологии является ее способность моделировать социальную реальность в целях ее изменения. Таким образом, мы делаем акцент на ее рассмотрении в качестве организующей общественной силы, способной выступать как апологетом существующего порядка, так и его противником, на ее функциональном понимании.

Таким образом, в данной работе мы предлагаем определение идеологии в качестве определенной формы духовной деятельности людей (и, одновременно, продуктов этой деятельности), имеющей целью легитимацию социально-экономического и общественно-политического строя и/или программ, направленных на его изменение.

2.2 Функции идеологии и ее соотношение с другими формами духовной деятельности.

Существуют разные мнения по поводу времени формирования идеологии в качестве самостоятельной формы духовной деятельности. Согласно марксистской парадигме, идеологии существовали с древнейших времен и всегда были духовной силой в борьбе классов.¹ Согласно другой точке зрения, идеология появилась в Европе XVII-XVIII вв. в период модернизации, становления буржуазного общества. Данную позицию разделяют многие мыслители, в частности представители франкфуртской школы Т. Адорно, Ю. Хабермас. К примеру, Т. Адорно объясняет это тем, что потребности в идеологиях в традиционных обществах, где отношения власти еще простые и непосредственные, нет, а появляется она только при переходе к более сложной индустриальной фазе развития общества².

Мы показали, что в качестве социально-культурного феномена идеология связана с оправданием политической власти, приданием ей легитимности. Власть становится легитимной тогда, когда осуществляется уже не на основе чистого принуждения. Идеология восполняет дефицит легитимности власти. М. Вебер выделяет три вида политической легитимности: 1) традиционный (основой такой формы легитимности является следование сложившимся традициям, обычаям и установлениям); 2) харизматический (основывается на харизме, личных выдающихся качествах вождя); 3) легальный (основывается на подчинении закону). Конечно, Вебер признает, что в действительности эти типы чаще всего существует не в чистом, а в смешанном виде.

В доиндустриальных обществах важную роль в поддержании легитимности политической власти помимо традиций и обычаев играла

---

¹Яковлев М.В. Идеология М.,1979. с.228-229.

²Adorno Th. W. Ideologie. In «Sociologische Exkurse. Frankfurter Beiträge zur Soziologie». Frankfurt am Main, 1967. p. 168.

религия. К примеру, законы Ману являются религиозным памятником, однако, в то же время они содержат в себе обоснование сложившейся к тому моменту кастовой системы. Часто этот этап называют пред-идеологическим. Религия была способна также консолидировать общество, выполнять и другие функции, которые впоследствии взяла на себя идеология: мотивационную, компенсаторную и пр.

Стоит отметить, что в некоторых зачаточных формах идеологическое сознание до буржуазного общества существовала не только в качестве части религиозного. Так, идеологические элементы можно найти в работах философов, которые не мыслили себя в качестве идеологов. В этом смысле, к примеру, в качестве идеологических памятников иногда рассматривается «Государство» Платона, «Государь» Н.Макиавелли и др.

Однако именно в Новое время произошли важные социальные перемены, приведшие к становлению идеологии в качестве отдельной и самостоятельной формы духовной деятельности. В тот период, когда в европейских странах происходили буржуазные революции, означавшие разрыв с традиционным укладом, возникла потребность в возможности влиять на поведение людей путем воздействия на их сознание, мотивировать их к действиям в нужном направлении, а также в разработке концепций, которые бы предлагали объяснение происходящих перемен. Стоит отметить, что, как мы показывали выше, хотя мы говорим о том, что идеология является самостоятельной формой духовной деятельности, она редко существует в чистом виде. К примеру, марксизм как учение обладает одновременно и идеологической и научной составляющей.

Развитие производственных отношений, возникновение науки и научного мировоззрения, распространение образования привели к падению авторитета религии. Церковь лишилась своей духовной монополии, что способствовало развитию свободы выражения различных точек зрения, свободы мысли. Религия и традиция перестают быть достаточным

основанием для легитимации власти. В конечном итоге именно процесс отделения церкви от государства привел к тому, что идеология смогла отделиться от религии.

Формой духовной деятельности, получивший наибольший авторитет, становится наука. Если раньше религия, чтобы доказать что-либо (в том числе обосновать тот или иной социальный уклад) апеллировала к сверхъестественным силам, то теперь идеология стала апеллировать в первую очередь к научным данным, чтобы обосновать себя (стоит отметить, что идеология также сохранила способность апеллировать и к вере в сверхъестественное).

Становление идеологии в качестве отдельной части общественного сознания не означает, что религия уходит с мировой политической арены, напротив, в некоторых странах идеология и религия до сих пор тесно связаны. В современном обществе существуют и обладают большой властью всевозможные религиозные идеологии. Также мы до сих пор можем наблюдать определенные рудиментарные формы и традиционной легитимности (к примеру, как указывает В. С. Малахов, королевская власть в Великобритании, хотя и не является политической, тем не менее, до сих пор служит важным фактором национальной интеграции¹).

Примерно тогда же, когда идеология оформляется в качестве отдельного и самостоятельного вида духовной практики, складываются и наиболее влиятельные впоследствии идеологии. Так, И. Валлерстайн утверждает, что три основные, по его мнению, мировые идеологии: либерализм, социализм и консерватизм сложились в XIX в. как реакция на новое общественное мировоззрение, сформированное в результате Великой

---

¹См. Малахов В. С. Национализм как политическая идеология. М., 2005. с. 129-130.

французской революции.¹ В этот же период, как мы показали выше, впервые был введен в употребление и термин «идеология».

Идеология является одним из видов духовной деятельности человечества наряду с религией, наукой, философией, искусством, моралью. Находясь в сложных отношениях с другими формами духовных практик, она несводима ни к одной из них.

Важнейшей задачей мы считаем выяснение соотношения и связи идеологии с наукой. Фундаментальное отличие между ними определяется различием их социальных функций. Если системообразующим для науки является рефлексивная форма ориентации в мире (или его познание), то неотъемлемой задачей идеологии мы считаем ценностную ориентацию в мире или его осознание. Ценностная сердцевина идеологии, конечные предлагаемые ей цели не подвергаются проверке, применяемой в естественных и гуманитарных науках. Она создает иные продукты, чем наука: не только знания о мире, но также мнения, общественно-политические идеалы, цели, символы, политические программы и пр. Также, стоит отметить, что по сути своей она всегда неотъемлемо ориентирована на практическую деятельность, а не на чистое познание бытия. Научное же знание стремится отображать объективно существующие закономерности реальной действительности. Более того, оно всегда представляет собой теоретическое знание.

Однако это объективное различие не означает наличия непроходимой китайской стены, отделяющей идеологию от науки, не означает неспособности этих форм духовной активности взаимодействовать друг с другом, вступая в сложные отношения взаимоположенности и даже взаимопересечения. Оба феномена социальной жизни появляются в своем современном виде практически одновременно в период становления буржуазного общества. Оба являются продуктами Нового времени. Они до

---

¹Валлерстайн И. После либерализма. М., 2003. с. 74-78.

сих пор они тесно связаны и взаимодействуют друг с другом, могут иметь общие постулаты и точки пересечения.

С распространением научного мировоззрения и ростом научного авторитета наука превратилась в последнюю инстанцию легитимации идеологий, поэтому каждая идеология стремится обосновать себя, доказать свою научность, апеллируя к научным данным и знаниям, строя свои доводы и рассуждения наподобие научных, иногда практически мимикрируя под науку. Именно поэтому об идеологии часто говорят как о «псевдонауке». Наука, в свою очередь, способна делать идеологию предметом своего изучения.

В отличие от науки идеология не стремится ни к непредвзятости, ни к подлинной объективности. Ей важно быть правой, и главное любыми средствами убедить в своей правоте, поэтому, пытаясь дать обоснование и оправдание своих целей и ценностей, она нередко способна перевернуть факты или же делать из них выводы, на самом деле из них не следующие. Как мы показали, идеологии изначально смотрят на мир субъективно, глазами некоторой социальной общности (слоя, класса, народа, этноса), через призму интересов и потребностей этой общности. Таким образом, идеология является социально обусловленным сознанием и не стремится к подлинной объективности.

Конечно, мы не можем утверждать полную объективность науки, неангажированность ученых. Идеология оказывает ответное влияние на развитие науки, на выбор учеными тех или иных тем для изучения, трактовку различных фактов или даже на выводы, которые они делают. К примеру, некоторые ученые считают, что учение Ч. Дарвина о естественном отборе несет отпечаток воззрений Т. Мальтуса, который писал об идущей в обществе борьбе за существование, о неизбежной гибели слабых его членов. В качестве обратного примера говорят о том, что система Ньютона

способствовала обоснованию либеральной идеологии, формированию идей прав и свобод человека, разделения властей, а также рыночной экономики¹.

Кроме того, идеологии формируются не из чисто умозрительных соображений, они опираются на данные различных наук, на факты. У идеологии и науки есть места пересечения, общие постулаты. Однако у идеологии иное отношение даже к фактическим утверждениям. Идеологи в отличие от ученых не вынуждены прислушиваться к фактам, напротив, они стремятся все факты обращать на собственную пользу. Научные данные превращаются в средство манипуляции. Особенно это касается такой удобной для идеологических манипуляций науки как история.

Идеологии способны использовать некоторые научные методы доказательства, если в данный момент времени им это выгодно, и тут же отбрасывать эти методы, если в данный момент они ее целям не служат. Если идеология и стремится к логической правильности своих выводов, то только к внешней, ради того, чтобы ее построения выглядели убедительнее. Чаще всего идеолог заранее знает, к какому выводу необходимо прийти и стремится доказать и обосновать именно его. Однако неверно было бы сказать, будто в идеологических рассуждениях постоянно нарушаются законы логики, так, к примеру, Х. Арендт считала одним из важнейших признаков идеологий их подчеркнутую логическую безупречность². В целом же, арсенал методов идеологии богаче научного – она может использовать как логические так и псевдологические доказательства, вводить любые аксиомы, опираться не только на факты, но и на любые предположения или предрассудки.

Действительно, предлагаемое идеологией описание действительности часто проигрывает научному по степени достоверности. Однако было бы неверно сказать, что идеология ложная будет ложной во всем. Идеологиям,

---

¹ Философия. Учебник для вузов / Под общ. ред. В. В. Миронова М., 2005. с. 793.

² Арендт Х. Истоки тоталитаризма М., 1996. с. 608-610

неадекватным существующей действительности, было бы сложно успешно выполнять свои социальные функции. Как мы показали выше, в состав идеологии входят не только неverified суждения ценности, но и суждения значимости, связанные с выбором средств достижения поставленных целей.

Любая идеология стремится воздействовать на сознание людей, манипулировать им, программировать его. В том числе и поэтому, в ней будут содержаться и истинные суждения. При этом, скорее всего, они будут самоочевидными. Чтобы обладать необходимой силой внушения, идеология, должна обладать минимальной степенью интеллектуальности. Конечно, если бы идеологии чересчур открыто противоречили фактам или слишком грубо нарушали законы логической выводимости, им было бы сложно вербовать себе сторонников. Тем не менее, сила идеологии состоит, в том числе, в ее способности приводить не только рациональные доводы, но и апеллировать к эмоциональной сфере человека, к его иррациональному началу.

Стоит также добавить, что ничто не мешает идеологам неожиданно прийти к истинным выводам там, где наука ошибется. В вопросах методологии, исходя из идеологической установки, можно как открыть новые способы анализа, систематизации данных и пр. В процессе идеологической борьбы часто могут находиться важные аргументы, слабые места в рассуждениях противника. Критикуя тот или иной режим, идеология может находить его реальные недостатки. Таким образом, невольно полученные людьми в процессе идеологической борьбы знания и выводы могут представлять объективную, в том числе научную, ценность. Однако если такое и происходит, то это не является общим правилом. Кроме того, познавательные и реформаторские возможности идеологии ограничены познавательными и реформаторскими возможностями общества, также как это происходит с наукой. Как бы то ни было, научные открытия могут

сыграть решающую роль в идеологической борьбе, а идеологическая борьба подтолкнуть к научным открытиям.

Таким образом, идеология отличается от науки в первую очередь не своими методами и способностью опираться не только на факты, но и на миф и даже на предрассудки и домыслы (в противном случае нам было сложно отличить идеологию от иных форм «псевдонауки» - алхимии, астрономии, нумерологии и т.д.). Идеология от науки в первую очередь отличается своими функциями, предназначением. Действительно, как и наука, идеология выполняет познавательную функцию (и, как мы показали, в этом смысле она менее совершенна). Однако если для науки эта функция является главной и определяющей, то для идеологии лишь служебной. Цели у идеологии и науки разные. Наука стремится к получению объективного и достоверного знания о действительности. Подлинной целью идеологии, повторим, всегда остается легитимировать тот или иной политико-правовой строй и/или программы его изменения. Однако не стоит забывать, что и идеология и наука могут приходить как к истинным так и к ложным выводам. Поэтому, в первую очередь их отличие друг от друга не содержательное, а функциональное, и оно заключается в том, что они ставят перед собой изначально разные цели.

Таким образом, идеология не является наукой ни по своим целям, ни по результатам, ни по используемым методам. Многие исследователи (К. Маркс, Д. Белл и др.) были склонны противопоставлять идеологию и науку. В конечном счете, как мы показали, такая позиция привела к мысли, что научно-технический прогресс в определенный момент способен привести к деидеологизации общества. Однако важно помнить, что идеология отлична от науки вовсе не потому, что представляет собой ложное, «иллюзорное сознание». Кроме того, несмотря на то, что мы можем развести идеологию и науку теоретически, на уровне идеальных типов, в реальной истории они постоянно находятся в отношениях взаимопересечения и взаимопроникновения.

Вопрос о соотношении идеологии и философии, пожалуй, оказывается еще более животрепещущим, чем вопрос о соотношении философии и науки. К примеру, в научной среде до сих пор широко ведутся дискуссии по поводу идеологических воззрений (национал-социализм, антисемитизм) М. Хайдеггера, о том, связаны ли они с его онтологическими построениями. Важной для понимания является проблема: насколько политические взгляды мыслителя сказываются на его философских воззрениях, существует ли некая автономия философского поля от политического и идеологического или же, напротив, та или иная идеология приводит к соответствующей онтологии. И, наоборот, неминуемо ли онтология должна служить обоснованием той или иной идеологии?

Для начала следует отметить, что существует две взаимосвязанных и в то же время различных формы философствования: рефлексивная и валюативная (ценностная).¹ Целью первого типа философии, также как и целью науки, является объективное познание окружающего мира. В этом смысле философские построения, также как и научные, могут служить базой идеологических. В действительности, большинство наиболее влиятельных идеологий опирается на определенную философскую концепцию. К примеру, марксизм – на диалектический и исторический материализм, разработанный К. Марксом и Ф. Энгельсом.

Вторая форма философствования, валюативная, осознает мир в соответствии с нормами ценностной ориентации. Эта традиция, идущая от Сократа, качественно отлична от рефлексивной философии, имеющей своим первоисточником философию Аристотеля. Валюативную философию, в отличие от философии рефлексивной, интересует не мир как таковой, а значение мира для живущих в нем людей. Эта философия ищет смыслы

---

¹ Момджян К.. Х. Социальная философия. Деятельностный подход к анализу человека, общества, истории. М., 2013. с. 102-124.

человеческого существования в мире, а также формы общественного устройства, которые конгениальны этим целям. Стоит отметить, что эти формы ориентации органически связаны между собой, и многие философы практиковали и ту другую форму философской рефлексии.

Мы показали, что идеология также содержит в себе и рефлексивную и ценностную компоненту. Однако не следует считать идеологией различные формы ценностной философской рефлексии, стремящейся, так или иначе, разгадать тайну человеческой «заброшенности в мир». К сфере идеологии, как мы показали, относится лишь определенная часть ценностных суждений, политических по своей природе.

Кроме того, сущность форм философии, так же как и сущность идеологии, определяется их функцией. Главная функция у рефлексивной философии – познание мира, у валюативной – его осознание. Идеология тоже и познает и осознает окружающую действительность, однако лишь в той мере, в которой это способствует достижению ее практических политических целей. Однако, несмотря на то, что философия и идеология, несомненно, представляют собой разные формы духовной деятельности и несводимы друг к другу, на практике часто отличить идеологические построения от философских оказывается крайне трудным.

Неясная эмпирическая база идеологии, пренебрежение логическими методами приводят к тому, что большую роль в них играет вера. И в этом она до сих пор близка с религией. В отличие от науки и идеология, и религия содержат в себе иррациональную компоненту: миф, утопию. И идеология, и религия могут вовсе выдвигать положения, лежащие за пределами логического понимания. Иррациональные идеологии, как мы покажем в дальнейшем, чаще всего пользуются популярностью в странах, переживающих кризисную ситуацию.

Многие мыслители указывали на это сходство между идеологией и религией, К. Маркс часто и вовсе их отождествляет. Важным в понимании идеологии является концепция «религии без Бога»¹ Э. Дюркгейма. А. Грамши пишет: «религия представляет собой идеологию, наиболее устойчивую и распространенную идеологию».² Д. Белл и Р. Арон указывали на сходство общественных функций, выполняемых этими формами культуры, Арон даже называл идеологию «опиумом для интеллигенции».³

И идеология, и религия представляют собой формы общественного сознания, важные звенья культуры. Они обе могут участвовать в приобщении людей к высоким ценностям и идеалам. Стоит отметить, что религии существовали задолго до формирования идеологии в качестве самостоятельной формы духовной деятельности. Идеология формируется в Европе Нового времени в связи с потерей религией авторитета. Идеология во многом является наследницей религии и до сих пор можно найти множество сходств в их механизмах воздействия на массовое сознание. Религия выполняла и до сих пор выполняет многие функции идеологии: компенсаторную, консолидирующую, мотивационную, воспитательную, познавательную и даже функцию легитимации политического режима. С появлением идеологии религия вовсе не уходит на второй план. Во многих современных обществах она до сих пор играет важную, в том числе политическую, роль. В таких случаях говорят о «религиозной идеологии». Также идеология и религия могут содержать общие постулаты.

Это совершенно разные формы духовной деятельности. Важнейшим признаком религиозного сознания является то, что оно осмысливает мир с позиций виртуальной трансцендентной реальности (Бог). Однако было бы

---

¹ См. Durkheim E. *The elementary forms of the religious life*. London, 1964.

² Грамши А. *Тюремные тетради*. М., 1991. с. 80.

³ Арон Р. *Опиум для интеллигенции*. Мюнхен, 1960.

неверным сказать, что идеология является современным видом религии, опирающимся уже не на веру, а на науку. Тем более что идеология до сих пор способна опираться не только на научные данные, но и на религиозные и иные верования. Религия в отличие от идеологии не обязательно имманентно связана с политикой. В то время как идеология может, как опираться на представление о трансцендентной реальности, так и обходиться без нее. Несмотря на то, что религия способна выполнять функцию легитимации определенного политико-правового режима, эта функция остается для нее побочной, а не определяющей, как в случае идеологии. Главным институтом поддержки религии является церковь, институтом поддержки идеологии – различные политические организации (политические партии, государство и т.д.).

Право относится в первую очередь к проектной системе сознания. Мы часто встречаем термин «законотворчество», показывающий, что новые нормы и предписания создаются, придумываются, творятся. Идеология обладает сложным строением, и также включает в себя проектную часть. Правовые нормы, в отличие от идеологических, непременно поддерживаются силой государства и являются выражением его воли. Идеология же, как мы показали, может существовать и без поддержки государства и иметь целью, напротив, свержение господствующего режима. И, в то же время, если мы говорим об идеологии господствующей группы, то право используется в качестве служебного обеспечения идеологических целей. Основные идеологические постулаты могут закрепляться в законодательстве, законы могут выступать в качестве своеобразного средства «впрыскивания» идеологии. К примеру, Конституцию Российской Федерации мы можем рассматривать как выражение определенных идеологических ценностей и норм. На уровне индивида право воспринимается как более эмоционально нейтральная конструкция, в отличие от идеологии, которая стремится быть значимой для индивидов, порождать эмоциональные привязанности.

Цель идеологии – воздействовать на индивида, программировать его сознание. Не стоит забывать, что в этом смысле огромным потенциалом обладают различные формы художественной культуры. Они способны апеллировать не только к рациональному началу человека, но и к его эмоциональной сфере. С искусством, так или иначе, взаимодействуют практически все звенья духовного производства, все элементы общественного сознания. И идеология, конечно, здесь не исключение. Искусство (особенно массовое) часто служит средством идеологической пропаганды. Идеология проникает во все его жанры: литературу, кино, живопись, фотографию и даже в музыку (что отмечают, к примеру, Т. Роуз¹ и Т. Адорно)².

Искусство необязательно используется в качестве орудия пропаганды осознанно – часто художник просто привносит в творчество свои собственные убеждения (в том числе, идеологические), тем более что, в отличие от науки или философии, искусство глубоко субъективно.

Мы понимаем идеологию в качестве определенной формы духовной деятельности, части культуры как системной совокупности символических программ и продуктов мышления, чувствования и практического поведения людей. Культура является более широким понятием, чем идеология. Однако, к примеру, Р. Барт, напротив, утверждает, что любая культура, в конечном счете, является идеологией³. Другие мыслители (в частности, Л. Склэир, А. А. Богданов) также были склонны отождествлять идеологию и культуру. Однако, как мы показали выше, идеология является только составной частью общественного сознания, культуры. В частности, в отличие от культуры, она всегда политична по своему содержанию. Расширение понятия идеологии до понятия культуры приводит к представлению о пронизывающей всю социальную жизнь, вездесущей борьбе за политическое влияние.

---

¹См. Rose T. Black Noise. Hanover, 1994.

²См. Adorno Th.W. Philosophy of New Music. Minneapolis, 2006.

³Барт Р. Мифологии М. 1996. с. 186.

Безусловно, идеология способна проникать во все сферы культуры, как это отмечает Барт, однако это вовсе необязательно значит, что культура полностью утрачивает свою автономию по отношению к идеологии. Степень независимости различных форм культуры и культуры в целом от идеологии является самостоятельной сложной проблемой, детальная разработка которой выходит за рамки данного исследования, и, тем не менее, большинство исследователей сходятся в том, что в определенной степени эта автономия существует.

Соотношению идеологии с такой формой общественного сознания как мораль редко уделяют внимание. И идеология и мораль представляют собой некую систему взглядов, идей, ценностей и норм. Однако не стоит отождествлять идеологическое и моральное сознание, которое конструирует универсальные нормы поведения человека в обществе (выраженные, к примеру, в знаменитой Нагорной проповеди). Мораль, в отличие от идеологии, не ограничивается политической сферой. С другой стороны – даже политическая мораль не равноценна идеологии. Они выполняют разные функции в обществе и имеют разные цели. Мораль стремится к осознанию понятия «добро» и реализации собственных ценностей. Безусловно, у морали и идеологии есть сфера пересечения, в конечном итоге, каждая идеология опирается на определенную систему морали, «заимствует» ее ценности – к примеру, ценность свободы или справедливости. Идеология может и использовать мораль в качестве одной из инстанций собственной легитимации.

При этом, с точки зрения морали, идеология не может быть однозначно оценена. Она способна играть как созидательную, так и деструктивную роль в обществе. Тоталитарные государства в XX в. продемонстрировали, что идеология может легитимировать насилие и массовый террор. И, в то же время, она, наряду с другими формами духовной деятельности, может выполнять множество общественно-полезных функций. Действительно, как

мы писали выше, легитимация политической власти является системообразующей, но не единственной функцией идеологии.

Важнейшей полезной функцией идеологии является интегративная или консолидирующая функция. Именно анализу этой ее функции особое внимание в своих работах уделял, к примеру, Э. Дюркгейм. Стоит отметить, что важным консолидирующим фактором может являться и религия, и наличие общего культурного пространства в целом. Люди, соединенные этим пространством, ощущают единство друг с другом. К примеру, С. Хантингтон утверждает, что в современном мире культурные различия значат гораздо больше политических, идеологических и даже экономических¹. Впрочем, стоит отметить, что проводимая многими европейскими странами политика мультикультурализма исходила из прямо противоположного допущения о том, что культурные различия могут быть нивелированы наличием общих политических, идеологических интересов и ценностей. По сути, наличие любых ценностей, разделяемых членами общества, позволяет людям понимать друг друга и ощущать свое единство.

Когда в современной России говорят о том, что стране необходима идеология, чаще всего имеют в виду необходимость поиска путей консолидации. Однако, как мы уже показали, данная функция не является специфически идеологической. С не меньшим успехом ее способны выполнять, к примеру, религия или мораль. Поэтому важно не смешивать понятия «национальной идеи» как объединяющего начала и идеологии как типа духовной практики, служащего легитимации определенного режима. Следует помнить, что, когда речь идет о дезинтегрированности общества, о необходимости поиска общенациональных ценностей, речь вовсе необязательно идет о поиске идеологии.

---

¹ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М. 2003. с. 17.

Также важно, что для успешной интеграции общества или группы вовсе необязательно навязывать полное тотальное единомыслие по поводу набора главных ценностей. Именно так поступают тоталитарные режимы. В их случае консолидация связана не с вопросом построения личных эмоциональных связей, а лишь с тем, чтобы нация выступала в качестве единой силы. В эмоциональном же отношении люди все больше отчуждаются друг от друга, что приводит к формированию так называемого «атомизированного» индивида. Таким образом, наличие общих ценностей вовсе не равносильно тотальному навязанному единомыслию.

Кроме того, мы, в целом, не можем оценить способность идеологии объединять индивидов как однозначно общественно-полезную – идеология способна с одинаковым успехом объединить как ту или иную нацию, так и, к примеру, террористические организации.

Способность идеологии объединять людей является залогом ее силы. При этом она объединяет не только людей, вступающих в непосредственное взаимодействие, но и, говоря языком Б. Андерсона, создает так называемые «воображаемые сообщества». Консолидируя общество, она объединяет людей не просто так, а для определенной деятельности, направленной на достижение поставленных целей. Этим она выполняет мотивационную, мобилизующую функцию.

Именно в способности идеологии выполнять мотивационную функцию проявляется ее активная социальная роль, практическая направленность. Многие исследователи делали акцент именно на этой функции идеологии, в частности, В. И. Ленин показывал, какую важную роль играет она в построении коммунистического общества.

Правда, стоит отметить, что мотивационную функцию идеологии не следует понимать слишком упрощенно. Действительно, идеология способна

давать людям смыслы и цели, мотивировать их к активной деятельности. Однако, иногда, если идеология служит цели поддержания имеющегося режима, она будет стремиться формировать в людях пассивность и конформизм. Подобное свойство идеологии отмечали, к примеру, М. Хоркхаймер и Т. Адорно. Тем не менее, и в этом случае речь идет о достижении конкретных социальных целей, ведь конформистский тип поведения населения позволяет сохранить имеющийся социальный режим.

Мотивируя людей, идеология ориентирована на будущее, а потому содержит в себе цели и прогнозы. Важно отметить, что тот факт, что она способна направлять деятельность людей к достижению тех или иных целей, еще не является гарантом их достижения. Идеология может успешно сыграть свою мотивационную роль, но это вовсе не значит, что идеологи, способны предугадать все последствия действий людей или же обойти объективные социальные связи и закономерности. Фашистская идеология в Германии 30-х гг. была успешна в том смысле, что смогла мобилизовать множество людей на то, чтобы начать войну, но в конечном итоге война была проиграна, Германия потерпела крах. Также путем активной пропаганды и даже насилия мы можем создать общество, строящее советскую модель коммунизма, но независимо от того, что мы смогли мобилизовать население целой страны на достижение этой цели, идеология не может обойти объективные социальные, экономические и исторические закономерности, из-за которых весь проект в итоге окажется неуспешным.

Это связано с необходимостью выполнения идеологией познавательной функции. Действительно, чтобы преобразовывать социальную действительность, нужно сначала предложить описание имеющейся ситуации. Однако познание действительности как таковое никогда самостоятельной целью идеологии (в отличие от науки) не является, данная функция для нее оказывается только служебной. Тем не менее, даже утверждая, что познание реальности не является системообразующим

основанием для идеологии, мы должны признать, что полностью убрать эту компоненту из идеологии невозможно.

С одной стороны, идеологии, действительно, не так важны объективные факты, она всегда готова их подгонять под свои цели. Беря на себя задачу описания действительности и трактовки различных событий, она часто предлагает в итоге не соответствующее действительности описание. Однако идеология, оценивающая действительность, создающая различного рода проекты и в то же время радикально отрицающая объективные социальные данности, потерпит крах. Скорее всего, она будет не успешна в реализации собственных целей.

Важно помнить, что, даже если мы называем идеологию иллюзией, ее иллюзорность будет особенной. Она никогда не «повисает в пустоте», не оказывается случайной, производной, потому что содержание идеологии всегда обусловлено в конечном итоге объективными социальными нуждами той или иной социальной группы или класса.

Причина иллюзорности идеологического сознания является сложным вопросом. Многие исследователи по-разному на него отвечали. К.Маркс, к примеру, видел ее в объективных социальных условиях. Т. Адорно видит ее в объективно-исторической констелляции. Барт считает, что идеология фактически обречена быть ложной в качестве познавательной установки.¹ Важно, что достижение объективной истины самостоятельной целью идеологии никогда и не являлось. Научная теория же в идеале не обязана обосновывать правомерность каких-либо социальных действий, призывать к их осуществлению.

В целом же, в исторической перспективе можно заключить, что именно сосредоточение на идеологии как части рефлексивного сознания, на ее попытках дать свое описание и трактовку социальной реальности (подчас,

---

¹ См. Барт Р. Мифологии М. 1996.

действительно, далекую от объективности), сравнение науки и идеологии (не в пользу последней), в конечном итоге, привело к появлению концепций деидеологизации. Действительно, некоторые ученые предполагали, что, постепенно развиваясь, наука как объективное и независимое знание постепенно вытеснит предвзятый и ангажированный взгляд на мир, характерный для идеологии. Однако, если мы обращаем внимание на другой, ценностный, аспект этого феномена, то видим, что каждый раз принимая те или иные решения, политики опираются на различные системы оценок и ценностей, что в каждом обществе всегда ставятся те или иные цели и формулируются программы по их достижению. В этом смысле мы говорим об идеологии как о содержащей в себе программу действий, совокупность целей и ценностей, которые управляют поведением ее приверженцев.

На уровне субъекта крайне важна способность идеологии придавать смысл непонятым социальным ситуациям и показывать образ действий, в этих ситуациях необходимый. Также, выполняя мотивационную функцию, ставя перед человеком цели, к достижению которых надо стремиться, идеология нередко дает людям смысл жизни, «заполняет пустоту в душе», устраняет дефицит жизненных смыслов, помогает смириться с тяжелой социальной реальностью. Таким образом, идеология выполняет важные психологические (компенсаторные) функции. Л. Болтански и Э. Кьяпелло указывают, что идеология «способствует тому, что люди не воспринимают свое повседневное существование нестерпимым»¹. М. Хоркхаймер и Т. Адорно отмечают, что, даря людям доступные удовольствия, культуриндустрия в качестве идеологии выполняет и компенсаторную функцию, делая повседневную жизнь людей более приятной.² Стоит отметить, что, опять же, эту функцию способна выполнять не только идеология. К примеру, Д. Белл и Р. Арон, делая акцент на психологической

---

¹ Болтански Л., Кьяпелло Э. Новый дух капитализма. М., 2011. с. 45

² Хоркхаймер М., Адорно Т. В. Диалектика просвещения. Философские фрагменты. М., 1997. с. 181

функции идеологии, ее способности направлять эмоциональную энергию, отмечали, что в этом отношении идеология очень близка с религией.

Способность идеологии выполнять психологическую функцию делает ее объектом интереса не только социальных исследователей, но и психологов и психоаналитиков, таких как В. Райх, Э. Фромм, О. Кернберг и другие. Некоторые исследователи предполагали, что существует зависимость между психологическим состоянием общества и доминирующими в нем идеологиями. С одной стороны, индивиды, обладающими определенными особенностями личности и характера, склонны предпочитать обладающие некоторыми характеристиками идеологиями. С другой, идеология, как отмечает В. Райх, желая легитимировать тот или иной режим, путем пропаганды стремится «внедрить его основные принципы в структуру характера людей, живущих в таком обществе».¹

Так, О. Кернберг в своем труде «Идеология, конфликт и лидерство в группах и организациях» ищет связи между идеологическими и психологическими процессами в обществе, занимается изучением природы индивидуальной и коллективной приверженности к идеологии. Большой интерес представляет его попытка обозначить взаимозависимость между различными типами психических расстройств индивидов и их идеологическими воззрениями. Важно отметить, что социальную потребность в идеологии как таковой психоаналитик не связывает с наличием никаких расстройств, указывая на то, что она способна выполнять важную социальную функцию консолидации. Психические особенности индивидов будут влиять на **тип** избираемой ими идеологии.

Связь между типом личностного расстройства людей и их политическими взглядами Кернберг иллюстрирует множеством примеров. Так, невозможность человека разделить систему ценностей, включающую в

---

¹ Райх В. Психология масс и фашизм. Спб., 1997.

себя нечто большее, чем удовлетворение его личных нужд, указывает, по его мнению, на тяжелое нарциссическое расстройство, достигшее формы патологии. Однозначность и категоричность суждений, деление всех ценностей на однозначно позитивные и совершенно неприемлемые, абсолютизация идеалов, агрессия и ненависть по отношению ко всему, что не соответствует этим идеалам, по мнению психоаналитика, характеризует одновременно тяжелую патологию характера, и особенности некоторых идеологий. В таком случае приверженность может характеризоваться настолько сильным стремлением к воплощению своих идеалов, что будет принимать формы фанатизма и даже садизма. Напротив, идентификация с более дифференцированной и открытой для изменений идеологией, уважающей индивидуальные отличия людей, их независимость и свободу, идеологией, которая не будет поощрять выражение агрессии по отношению к чему-либо, свойственна, утверждает Кернберг, зрелому и здоровому человеку. Совершенная идеология, по его мнению, никогда не будет призывать к жестокости и насилию. Кернберг описывает подобную идеологию как одновременно широкую и универсальную (именно такой она должна быть, чтобы смочь послужить основой объединения группы), и в то же время открытую и гибкую, уважающей индивидуальные особенности людей. Более того, она непременно должна быть проблемно-ориентирована, то есть будет ставить перед своими последователями конкретные задачи по улучшению общественной жизни и мотивировать к их решению¹.

В качестве движений, обладающих идеологией со сходными качествами, Кернберг называет организацию отрядов гражданской обороны в Лондоне во время Второй мировой войны, а также Корпус мира. Это является примером того, как трагичные события общественной жизни порой вызывают ко всему самому лучшему в каждом человеке, позволяя ему

---

¹ Kernberg O. F. Ideology, Conflict, and Leadership in Groups and Organizations. London, 1998.p. 23-36

действовать и рассуждать более осознанно и ответственно, чем в спокойной мирной обстановке.

Таким образом, несмотря на то, что во многом интерес психоаналитиков к изучению идеологии был связан именно с анализом деструктивных социальных явлений, это не значит, что они рассматривали идеологию саму по себе в качестве негативного явления.

К примеру, можно вспомнить проект «здорового общества» Э. Фромма (психоаналитик развивал идеи гуманистического социализма).¹ Исследователь описывает человека «нездорового» как отчужденного, не смогшего достигнуть свободы, спонтанности и подлинного самовыражения. Различные учения (в том числе идеологии) способствуют формированию различных качеств индивида. В качестве примера он приводит учение Кальвина и воздействие его системы на своих приверженцев. Типичного кальвиниста психоаналитик описывает как преисполненного чувства собственного бессилия и ничтожества, мучимого сомнениями и неспособного на подлинную радость, что позволяет считать его глубоко ущербным. Однако он показывает, что подобное состояние не просто порождалось тем обществом, но и крайне высоко в нем ценилось.

Стоит отметить, что, говоря о совершенном обществе и совершенной идеологии, Кернберг приходит к противоречию, и сам это признает. Согласно его взглядам, открытое и толерантное общество, будет открытым и толерантным, в том числе и по отношению к нездоровым тенденциям. Подобные тенденции, не встречая сопротивления, смогут развиваться и укрепиться, начать насаждать и навязывать собственные идеи. Так постепенно идеология открытости и взаимного уважения может смениться иной идеологией, порождающей взаимную вражду и ненависть. Более того, как указывает психоаналитик, люди с нарциссическим типом расстройства по природе своей стремятся занимать лидерские позиции. Они будут

---

¹ Фромм Э. Здоровое общество. Догмат о Христе. М., 2005.

стремиться реализовывать себя в качестве директоров школ, заводов, на руководящих должностях в общественных организациях любого типа и в государстве. Занимая подобные позиции, они, в свою очередь, будут оказывать влияние на жизнь общества и, в том числе, на формирование и становление разнообразных идеологий. Получается, что, с одной стороны, принципы открытости и толерантности помогают избежать насилия и жестокости, а, с другой, могут, хоть и косвенно, поспособствовать их распространению.

Интересно, что Фромм определяет «здоровое» общество, по сути, прямо противоположным образом: как «общество, в котором такие качества, как алчность, склонность к эксплуатации и обладанию, самолюбование невозможно использовать для материальной выгоды и личного престижа»¹. Далее он пытается предложить модель как раз такого типа общественного устройства. И снова, в противовес Кернбергу, он полагает, что для «здорового» общества обязательно неукоснительное следование неким определенным нравственным законам и правилам, а любого рода «беспринципность» и отступление от этих норм должно осуждаться как асоциальное и караться, а не встречать терпимое и толерантное отношение. Однако, можно заметить, что подобный подход, не дает гарантии, что обвинения в аморальности кого-либо всегда будут адекватны и справедливы и не смогут послужить оправданием притеснений и жестокости. Таким образом, мы видим, что, пытаясь построить свои модели идеального общественного устройства и соответствующей ему идеологии, оба психоаналитика пришли к противоречиям.

Выполняя психологическую, мотивационную и познавательную функции, идеология играет большую роль в формировании индивидов в обществе. Часто в качестве отдельной функции идеологии отмечают воспитательную функцию или функцию социализации. Действительно,

---

¹ Фромм Э. Здоровое общество. Догмат о Христе. М., 2005. с. 315.

предлагая подрастающему поколению ту или иную трактовку социальной реальности, идеология помогает ему сориентироваться в ней, осознать в ней собственное место и роль. Таким образом, идеология способствует самоидентификации индивидов и групп в социальном и политическом пространстве. К примеру, Л. Альтюссер говорит, что идеология делает индивидуума субъектом¹.

Идеология, действительно, играет интегрирующую, мобилизующую, регулирующую и организующую роль в обществе, а на уровне индивида способствует возникновению чувства уверенности, социального благополучия. Таким образом, несмотря на то, что она зачастую предлагает описание действительности далекое от истины, ее не следует воспринимать исключительно в негативном ключе. Стоит повторить, что большинство вышеуказанных функций не являются определяющими для идеологии, их с таким же или даже большим успехом могут выполнять и другие формы духовной деятельности людей.

Советский ученый М.В. Яковлев утверждает, что «Ограничение понятия идеологии исключительно ее функциональной ролью с самого начала снимает вопрос о ее теоретическом содержании. При таком подходе оказываются равнозначными любые идеологии, как прогрессивные, так и реакционные»². Однако это неверно. Идеологии не оказываются равнозначными, даже если вопрос о ее теоретическом содержании выносится за скобки. Во-первых, как раз имея представление о социальной функции идеологии, мы можем оценить, насколько успешно она с ней справляется, оценить «хороша» в этом смысле идеология или «плоха». Кроме того, как мы уже показывали выше, можно сравнивать идеологии по степени их эффективности, продуктивности в решении тех или иных социальных задач и

---

¹ Альтюссер Л. Идеология и идеологические аппараты государства <http://magazines.russ.ru/nz/2011/3/al3.html> (дата обращения 01.03.2016)

² Яковлев М.В. Идеология М., 1979. с. 23.

выражении интересов различных социальных групп. Не все идеологии одинаково успешны в этом смысле.

Методы, предлагаемые идеологией, могут способствовать или не способствовать достижению ею же поставленных целей. Примечательно, что если использовать представление о некоем «общественном благе», то соответствие этим целям не стоит путать с моментом подобной «субъективной успешности» идеологии. Идеология может ставить конкретные цели и достигать или не достигать их. Но в то же время, поставленные ею цели в конечном итоге могут способствовать или не способствовать достижению общественного благополучия (в этом смысле, к примеру, Г. Лукач говорил о необходимости разделения вопроса о правомерности идеологии с точки зрения субъективной воли и относительно общественного бытия).¹ Теоретически возможна ситуация, когда идеология, ставя какие-либо цели, и не достигая их, в то же время оказывалась полезной для общества. Важно разделять собственные конкретные цели идеологии и более глобальные общественные задачи. Сама того не желая, идеология, к примеру, может внести вклад в развитие науки или культуры в то время как она разрабатывала пути обоснования своих целей или же возможности критики идей конкурентов.

Если воспользоваться терминологией марксизма, идеология как элемент надстройки может гармонизировать с базисом конкретного общества или же быть совершенно произвольной по отношению к нему. Для обозначения подобных систем взглядов А. Грамши вводит понятие исторически органичных (органических) и неорганичных идеологий. Исторически органичные для Грамши – значит адекватные тому базису в марксистском понимании: «Необходимо, следовательно, различать исторически органичные идеологии, то есть идеологии, необходимые

---

¹ См. Лукач Д. К онтологии общественного бытия. Прологомены, М., 1991

определенному базису, и идеологии произвольные, рационалистические, "надуманные"»¹.

Идеология может гармонировать или не гармонировать не только с материальным «базисом» общества, но и с его менталитетом, культурными и историческими традициями, сформировавшимися в общественном сознании ценностями и предрасположенностями и т.д. К примеру, в современной России часто говорят, что либеральные ценности не соответствуют русскому менталитету, русским традициям и поэтому предлагают их отбросить, независимо от вопроса о том, насколько они могут быть продуктивны при построении общественной системы. Конечно, идеология не вынуждена всегда слепо стремиться соответствовать культурным реальностям имеющегося общества. Она способна в свою очередь влиять на культуру. Важно, что в этом отношении мы опять-таки не оказываемся вынуждены рассматривать различные идеологии как равноценные.

Кроме того, мы имеем возможность оценивать и сравнивать идеологии с точки зрения их соответствия другим, более общим и постоянным системам ценностей, например, морали. Так, в частности, идеология, призывающая, к примеру, совершать массовые убийства людей, хотя и не может быть оценена как ложная, может быть названа аморальной.

Таким образом, идеология представляет собой форму духовной деятельности (а также совокупность ее продуктов), целью которой является легитимация того или иного социально-экономического и общественно-политического строя и/или программ его изменения. Идеология может иметь пересечения с другими видами духовной деятельности, включать в себя их постулаты. Может, в свою очередь, оказывать на них влияние. Наряду с другими видами духовной деятельности, она выполняет множество общественно полезных функций: консолидирующую, мотивационную,

---

¹ Грамши А. Тюремные тетради. Часть 1. М., 1991. с. 75.

компенсаторную, познавательную, а также функцию социализации. В той мере, в какой другие формы духовной деятельности (например, религия или философия) будут выполнять главную функцию идеологии, мы будем говорить об их идеологичности.

3.1 Особенности функционирования идеологии в современном мире.

Мы показали, что большинство исследователей сходятся в том, что в XX и XXI вв. роль идеологии не падает. Конечно, это не значит, что идеология сохранилась точь-в-точь в своем прежнем виде: развитие науки и техники, средств массовой информации, формирование массовой культуры и искусства, глобализация – все это повлияло на идеологию, сильно изменило способы ее бытования, однако, вовсе не привело к ее упразднению.

Когда говорят о XX в. как о «веке идеологий» имеют в виду в первую очередь расцвет тоталитарных идеологий. Самыми их яркими примерами, пожалуй, можно признать социализм и фашизм. Тоталитаризм является одним из самых сложных и неоднозначных явлений XX в. Идеология в подобных обществах играла значительную роль, что впоследствии привело к тому, что некоторые исследователи стали считать само наличие идеологии признаком несвободного и недемократического общества. Вопрос о соотношении идеологии и тоталитаризма требует уточнения.

Политический теоретик Х. Арндт утверждает: «Все идеологии содержат тоталитарные элементы»¹, а не только расизм и коммунизм. Сам феномен идеологии она определяет следующим образом: «всяческие «измы», могущие, к удовольствию своих приверженцев, объяснить все и вся, выводя любое событие из единственной предпосылки»², а потому слепые и к новым доказательствам и к новому опыту.

Арндт выделяет три специфические тоталитарные свойства любого идеологического мышления:

1) «Идеологии склонны объяснять не то, что есть, а то, что находится в становлении»³, то есть интересуются исключительно движением,

---

¹ Арндт Х. Истоки тоталитаризма. М., 1996. с. 610

² Там же. с. 608.

³ Там же. с. 610.

историчны. Важным следствием свойства историчности является возможность представить возникающие по ходу рассуждения противоречия как разные стадии одного процесса.

2) Идеологии не зависят от опыта, ничему не способны у него научиться, они «освобождаются» от реальности, которую мы независимо воспринимаем, и настаивают на некой иной, якобы более истинной реальности, скрывающейся за всеми воспринимаемыми явлениями. Это является важным свойством идеологии, благодаря которому она не может быть опровергнута фактическими доводами

3) Наконец, все идеологии, по утверждению Арендт, оперируют определенными методами доказательства. Они применяют логическую процедуру, аксиоматически принимая одну посылку и выводя из нее все остальное.

Разворачивая всю свою систему построений из одной единственной посылки, идеологии, тем не менее, по утверждению Арендт, с логической точки зрения совершенно безупречны. Потому ложность окончательных их выводов является следствием исключительно неправомерности выбора той самой аксиомы. Арендт отмечает, что до Гитлера и Сталина не был известен огромный политический потенциал идеологий. А оба тоталитарных правителя, по ее наблюдению, как раз всегда гордились последовательностью и логической четкостью своей мысли.

Таким образом, Арендт утверждает, что, хотя не все идеологии неизбежно являются тоталитарными полностью, все они содержат в себе определенные тоталитарные элементы. И целиком реализовать весь свой политический потенциал они могут только в соответствующих режимах.

В этом с ней согласен австрийский экономист и философ Ф. фон Хайек. Ученый подчеркивает особую важность идеологий для стран с экономическим планированием. При этом идеология для него – это «особая

форма теоретической интерпретации фактов, оправдывающая априорные мнения или предрассудки»¹.

Фон Хайек уделяет большое внимание анализу методов идеологической пропаганды в тоталитарных обществах, показывает, как политическая партия охватывает все стороны жизни человека – от колыбели до могилы - руководит всеми его действиями, формирует его взгляды и всегда готова «превратить решительно любую проблему в вопрос партийной идеологии».² Такой тотальный контроль позволяет вырастить поколение, полностью разделяющее позицию партии. Последним этапом пропаганды, по мнению Хайека, оказывается необходимость заставить молчать меньшинство, сохранившее волю к разумной критике (ради достижения этой цели тоталитарная идеология допускает любые средства, в том числе, массовый террор).

Хайек показывает, что целью идеологии является оправдание решений руководящих лиц государства, какими бы они ни были, при этом реальные причины этих решений остаются в тайне³. Арендт также сравнивает тоталитарную пропаганду с ложью для непосвященных, показывает, что она может очень сильно отличаться от реальной идеологической доктрины, доступной только избранным членам партии. Именно за этим создаются различные частные теории, которые впоследствии складываются в одну общую идеологическую доктрину. Важно, что процесс создания такого мифа необязательно происходит полностью сознательно.

И, наконец, Хайек раскрывает еще одну тонкость идеологического внушения: чтобы навязать людям новые ценности «лучше всего убедить их, что это те самые ценности, которых они (по крайней мере, самые достойные из них) придерживались всегда, только до сих пор интерпретация этих

---

¹ Хайек фон Ф. А. Дорога к рабству. М., 2005, с.159.

² Там же с. 124

³ Там же с. 158

ценностей была неверной».¹ Самым простым приемом в данном случае становится использование старых слов в новых значениях. Интересно, что такое изменение значений слов может происходить не единожды, и, опять же, как осознанно, так и бессознательно.

Оба теоретика поднимают вопрос и том, каким должен быть человек в тоталитарном государстве. Арендт вводит понятие «атомизированного индивида». Человека, изолированного от всех окружающих, которому некому доверять и не на кого положиться. Хайек подчеркивает, что в тоталитарном государстве, если мы хотим добиться успеха идеологии, должны преобладать люди малообразованные («чем более образованны и интеллигентны люди, тем более разнообразны их взгляды и вкусы и тем труднее ждать от них единодушия по поводу любой конкретной системы ценностей»²), легковверные и послушные. Действительно, проект тотального господства государства предполагает формирование определенных личных качеств населения. Психолог О. Кернберг также уделял внимание этому вопросу. Жесткая общественная структура, свойственная тоталитаризму, по его утверждению, оглушает человека. Она неминуемо ведет к высочайшей бюрократизации различных сфер общественной жизни, а в этих условиях возможны лишь крайне упрощенные и категоричные суждения. Чем строже требования к индивиду, чем четче деление на хорошее и плохое, чем больше клише, чем меньше открытость к новому, тем, по утверждению Кернберга, более инфантильным личностям подходят эти взгляды.³ Соответственно, задачей государства становится формирование именно такого индивида.

Важным для формирования подобного режима становится поиск способа канализировать агрессию масс. Большое значение здесь играет образ врага (еврея, кулака, капиталиста и др.). Хайек связывает это с

---

¹ Хайек фон Ф. А. Дорога к рабству. М., 2005, с. 159.

² Там же. с. 144.

³ Kernberg O. F. Ideology, Conflict, and Leadership in Groups and Organizations. London, 1998.

особенностями человеческой природы: «люди гораздо легче приходят к согласию на основе негативной программы — будь то ненависть к врагу или зависть к преуспевающим соседям, чем на основе программы, утверждающей позитивные задачи и ценности».¹ Причем образ внутреннего врага оказывается более перспективным, чем внешнего — помимо прочего, он способствует росту подозрительности людей в отношении друг друга, отчуждения, в конечном итоге все большей атомизации. В. С. Малахов показывает, что антисемитизм имел место в обоих крупнейших тоталитарных режимах XX века: в фашистской Германии он был явно положен в основу идеологии, в сталинском СССР существовал в более скрытых формах.² Х. Арндт отмечает, что сама категория врага сохраняется даже после уничтожения первых идеологически определенных врагов, к примеру, «нацисты, предвидя завершение уничтожения евреев, уже предпринимали необходимые предварительные шаги для ликвидации польского народа, тогда как Гитлер планировал даже казнь некоторых категорий немцев».³

Как мы уже упоминали, идеология является неоднозначным явлением с точки зрения морали. Выше мы показывали, что она может выполнять множество общественно полезных функций. Тоталитарные государства в XX в. продемонстрировали, что она также способна играть деструктивную роль в обществе и истории, может легитимировать насилие и жестокость. Тоталитарные идеологии — это только частный пример деструктивных идеологий. Идеология, например, играет важную роль и в деятельности террористических организаций. В сложные периоды жизни человечества: во время войн, затяжных экономических кризисов, крупных природных или техногенных катастроф значение иррационального начала в людях усиливается, в такие времена часто ценности научного познания, гуманизма, демократии теряют свою привлекательность. Как пишет Ю.Н. Солодухин,

---

¹ Хайек фон Ф. А. Дорога к рабству. М., с. 145

² Малахов В. С. Национализм как политическая идеология. М. 2005. с. 198-199.

³ Арндт Х. Истоки тоталитаризма. М., 1996. с. 551.

«наступает время кризисных, «сумеречных» идеологий, обращенных ко всему темному, тревожному, невыразимому разумно, что всегда присутствует в глубинах человеческой психики, на бессознательном уровне»¹.

Психоаналитик В. Райх в своих работах показывал, как экономический кризис, гиперинфляция и социальные невзгоды в Германии 30-х гг. формировали психологическую почву для развития фашизма. Исследователь утверждает, что в условиях нестабильности вышли на поверхность дотоле скрытые садистские наклонности среднего человека. Иррациональное начало победило разум в одной из самых просвещенных на тот момент стран Европы, имеющей богатое культурное и философское наследие, внесшей немалый вклад в развитие гуманизма. Нацистская идеология еще более усилила эти проявившиеся черты характера и направила их на достижение своих целей.²

Что касается вопроса о том, являются ли все идеологии тоталитарными по своей сути, с одной стороны, можно утверждать, что, действительно, все идеологии имеют универалистские претензии, предлагая всеохватывающее объяснение социальной реальности в ее тотальности и претендуя на истинность. Однако это не значит, что они тоталитарны по своей природе. Тоталитарная идеология – это идеология, навязываемая государством. Более того, подобные идеологии резервируют за собой право подавления оппонента (начиная с введения жесткой цензуры и заканчивая массовым террором). Другие идеологии могут быть достаточно гибкими и лояльными по отношению к несогласным с ними. К примеру, О. Кернберг предлагал проект терпимой к инакомыслию идеологии.³

Несмотря на то, что фон Хайек утверждает, что от остальных идеологий тоталитарные отличаются лишь размахом, можно заключить, что

---

¹ Философия. Учебник для вузов / Под общ. ред. В. В. Миронова М., 2005. с. 803.

² См. Райх В. Психология масс и фашизм. Спб., 1997

³ Kernberg O. F. Ideology, Conflict, and Leadership in Groups and Organizations. London, 1998.

крайне важно, что идеологии тоталитарные и не тоталитарные отличаются по своим методам. Можно говорить о радикальном различии между идеологиями, которые навязываются государством, и негосударственными идеологиями, фундирующими массовый террор и не допускающими его для достижения своих целей. Способы пропаганды тоталитарных и не тоталитарных идеологий также порой отличаются – в тоталитарных обществах она часто происходит явно, идеологические инструменты в подобных обществах могут быть обособлены в виде отдельных институтов. В демократических же обществах идеологическое воздействие происходит более скрыто.

Примечательно, что практически все западные исследователи сходятся во мнении, что в СССР была тоталитарная идеология. Однако советские ученые отрицали тот факт, что социализм подразумевает хоть какую-то манипуляцию сознанием, утверждая, что подобное происходит только в буржуазных обществах на Западе.¹ Как мы показывали выше, марксистско-ленинская парадигма позиционировала себя как «научную идеологию», причем истинную.

Критика тоталитарных интенций любой идеологии необходима. Идеология, не оставляющая места для самостоятельных духовных поисков, несостоятельна. Дезориентация в системе ценностей, поразившая постсоветское общество, была вызвана во многом обвалом всей структуры социалистических ценностей, на которых выросло не одно поколение советских людей. В то время как привычка к свободному самоопределению у населения, привыкшего к тотальному контролю духовной сферы, выработана не была.

Тоталитарные режимы в XX в. не только раскрыли политическую мощь идеологий, показали их разрушительный потенциал, но и привели к появлению представления, будто бы, если идеология правит в обществе, то

---

¹ См., например, Яковлев М.В. Идеология. М., 1979. с. 227.

не заметить этого невозможно. А потому падение тоталитарных государств создало иллюзию формирования постидеологических обществ. Таким образом, ассоциация между идеологией и тоталитаризмом является одной из причин формирования в XX в. концепций деидеологизации. Однако считать, что это означает смерть идеологий как таковых слишком поспешно. Представление о том, что в демократическом обществе, где нет массового террора и явного контроля государства, нет и идеологии, является ложным. Во-первых, как мы указали, далеко не все идеологии являются тоталитарными. Во-вторых, современные СМИ очень сильно изменили способы идеологического воздействия, позволяя ей функционировать очень тонко и практически незаметно.

Действительно, появление средств массовой коммуникации оказало наибольшее влияние на способы функционирования идеологии. Ведь для успеха любой идеологии крайне важны механизмы ее пропаганды, воздействия. Именно благодаря современным масс-медиа идеология достигла доселе невиданной мощи. Радиовещание, кинематограф, телевидение, Интернет – появление каждого из них увеличивало размах идеологической агитации и пропаганды. Если раньше идеология существовала в виде рационально обоснованной политической доктрины, теперь говорят о том, что она представляет собой инструмент массового обмана. Идеологические инструменты в современном обществе не обособлены в виде отдельных институтов (как, например, в Советском союзе, где в ЦК КПСС был специальный секретарь по идеологии), они расплывены. Поэтому ее гораздо труднее заметить, что вовсе не означает, будто она прекратила свое существование, напротив, возможность функционировать «скрыто» позволяет идеологии только укрепить свои позиции.

Иногда даже, в связи с этими процессами, выделяют третий этап становления идеологии в обществе. В таком случае, первым этапом является период до Нового времени, его называют пред-идеологическим. Функции

идеологии в это время в основном брала на себя религия. На втором этапе идеология уже выделяется в качестве самостоятельной формы духовной деятельности, но идеологическая пропаганда еще не становится настолько всеохватывающей и всеобъемлющей. Долгое время на массы доминирующее влияние оказывала по-прежнему религия, однако современные средства массовой коммуникации изменили это. На третьем этапе идеология больше не существует как политическая доктрина XIX века в соответствующих ей связях и представлениях, а являет собой систему повседневного воздействия на массы.

Развитие психологии также внесло свой вклад в усовершенствование методов идеологического воздействия, в возможности программирования сознания людей. В современном обществе существует целая индустрия, занимающаяся разработкой данных методик. В частности, сформировалась отдельная специальность «Public relations» – «Связи с общественностью» и специалисты в этой области работают, в том числе, и в политической сфере, наряду с имиджмейкерами, создающие образы тех или иных политических чиновников. В этих областях работает множество профессионалов. Разрабатываются и внедряются различные убеждения, стереотипы, модели и программы поведения, модели восприятия. Изобретаются все новые технологии манипуляции сознанием, создается множество образов, логотипов, эмблем, символов. Конечно, манипулирование сознанием являлось неотъемлемой частью любого общества и государства, манипуляция и политическая пропаганда появились не в XX в. В XX веке она лишь получила в свое распоряжение новые мощные инструменты

Всю свою жизнь человек практически постоянно находится под воздействием СМИ, формирующих у него картину мира и происходящего в нем. Некоторые исследователи считают, что, воздействуя на человека практически круглосуточно, постоянно формируя большое количество образов, СМИ тем самым формируют для него некую виртуальную

реальность. Ж. Батаем был введен в оборот термин «симулякр». Ж. Бодрийяр разработал его в своей работе «Симулякры и симуляция». В ней философ подразумевает под симулякром некий отвлеченный и отчужденный образ, «копию без оригинала». В своей же работе 1976 года «Символический обмен и смерть» Бодрийяр, недвусмысленно постулирует уже смерть идеологии в эпоху симулякров: «Целевые установки исчезли, теперь нас порождают модели. Больше нет идеологии, остались одни симулякры»¹. Получается, что, по его мнению, идеология предполагает убеждение в том, что существует нечто помимо символов, но в современном обществе символы живут автономной жизнью и не нуждаются в соотнесении ни с какой «материальной реальностью». Идеологии как чего-то связанного с наличием объективной реальности, утверждает Бодрийяр, больше нет.

Однако, несмотря на то, что СМИ действительно фактически создают некую виртуальную реальность для индивида, погружая его в мир конструктов и образов, говорить о конце идеологии в связи с наступлением эры симулякров рано. Погружая человека в потоки огромного количества различной информации, СМИ усыпляют его, при этом отвлекая от реально происходящих вокруг событий, от участия в политической жизни. Важно, что, воздействуя на человека таким образом, масс-медиа преследует вполне конкретные, объективные политические и экономические цели. Еще в 1948 году американские социологи П. Лазарсфельд и Р. Мертон показывали, что «доступность информационных потоков для рядового слушателя или читателя в зачастую способствует их усыплению, наркотизации»², которая способствует формированию конформизма и используется в целях поддержания доминирующей идеологии.

Представители франкфуртской школы М. Хоркхаймер и Т. Адорно отмечают, что современное общество предоставляет людям различные

¹ Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М., 2000. с. 45.

² Лазарсфельд П., Мертон Р. Массовая коммуникация, массовые вкусы и организованное социальное действие// Назаров М. М. Массовая коммуникация в современном мире: методология анализа и практика исследований. Хрестоматия. М., 2002. с. 144

варианты легкодоступных удовольствий (к примеру, такой популярный вид досуга как просмотр по вечерам телепередач). Но в то же время, философы утверждают, что это «освобождение, обещаемое развлечением, является освобождением от мышления».¹ Действительно, в результате постоянного просмотра телевидения и слушания радио происходит «программирование» людей. Когда их свободное время заполнено удовольствиями такого рода, это приводит, в том числе, к их изоляции от социального процесса. Соответственно, таким людям становится гораздо проще навязать любую идеологию.

Именно поэтому, отмечают франкфуртцы, массовая культура убеждает людей, что им не надо ничего менять в своей жизни, а просто ждать удачи (то есть, по сути, подчиняться существующему порядку). Поэтому популярными становятся, в частности, передачи, участники которых выигрывают крупные суммы денег. Ведь для сохранения власти важно увести людей от мысли о том, что при ее смене их жизнь бы улучшилась, и от желания самостоятельно этому поспособствовать. Здесь мы видим, как навязанный конформизм может служить основанием идеологии. Действительно, раньше мы говорили, что идеология, напротив, способна давать людям смыслы и цели, мотивировать их к активной деятельности. Однако если целью идеологии является сохранение уже имеющегося режима, иногда наиболее разумным решением может представляться именно формирование пассивного, конформистского типа поведения для большинства членов общества. Даря людям доступные удовольствия, культуриндустрия в качестве идеологии выполняет и компенсаторную функцию, делая повседневную жизнь людей более приятной.

Хоркхаймер и Адорно утверждают, что массовая культура не просто манипулирует сознанием людей, но и превращает их в объекты. Идеология, по их мнению, всегда «интересуется человеком исключительно лишь как

---

¹ Хоркхаймер М., Адорно Т. В. Диалектика просвещения. Философские фрагменты. М., 1997. с. 181.

своим клиентом и как своим служащим... Объектами они (люди. Прим.автора) остаются и в том и в другом случае»¹. Примечательно, что, как мы уже показывали, Л. Альтюссер говорил о прямо противоположном свойстве идеологий – делать из индивидов субъектов, что лишний раз показывает, насколько сложной и противоречивой является проблематика идеологии.

Представляется, что большой иллюзией демократического общества является вера в свободные и независимые СМИ. Британский теоретик С. Холл наглядно демонстрировал, как СМИ могут навязывать ту или иную интерпретацию событий, которые освещают.² Мнимое разнообразие идей в демократических обществах также создает иллюзию, будто идеологии больше нет. С одной стороны, можно сказать, что, действительно, имеет место идеологическое многообразие. Так, британские исследователи П. Голдинг и Г. Мэрдок в статье «Культура, коммуникации и политическая экономия» утверждают, что в современном мире на арене масс-медиа происходит ожесточенная борьба различных идеологий за господство. Систему коммуникаций они описывают в виде «поля или пространства, в котором конкурирующие дискурсы, предлагающие различные способы «говорения» и «смотрения», борются за их принятие и легитимность».³ Однако представление о том, будто бы посредством СМИ на равных выражают себя представители всех политических партий, было бы утопичным. Такой исследователь как Дж. Курран в статье 1991 года «Медиа и демократия: переосмысление анализирует взаимоотношения идеологии и плюрализма мнений в эпоху масс-медиа. Он приводит многочисленные наблюдения, показывающие, что современные «организации общественного вещания испытывают в тенденции

---

¹ Хоркхаймер М., Адорно Т. В. Диалектика просвещения. Философские фрагменты. М., 1997. с. 184

² Hall S. The rediscovery of «Ideology»: return of the repressed in media studies// Gurevitch M, Bennet T, Curran J. and Woollacott J. Culture, Society and Media. London, 1982. с. 77.

³ Голдинг П., Мэрдок Г. Культура, коммуникации и политическая экономия// Назаров М. М. Массовая коммуникация в современном мире: методология анализа и практика исследований. Хрестоматия. М. 2002. с. 211

доминирующее воздействие элит».¹ К примеру, «материалы британского вещания имеют тенденцию к структурированию в соответствии с тем, что допускается доминирующими группами власти».²

Подобное навязывание оценки событий происходит неявно. М. Хоркхаймер и Т. Адорно, к примеру, пишут о том, что идеология проявляется через СМИ как «совокупность протокольных предложений»³. Это значит, что средства массовой информации, казалось бы, просто описывают происходящее в мире, но, тем не менее, скрыто навязывают трактовку этих событий. Получается, что идеология в эпоху массовых коммуникаций не проявляет себя явно, маскируясь, в том числе, за простым описанием действительности. Невозможность распознать идеологию добавляет ей силы: «Идеология расщепляется на фотографическое воспроизведение своенравного бытия и на ничем не прикрытую ложь о его смысле, не открыто высказываемую, но суггестивно внушаемую и вдалбливаемую в головы».⁴ Р. Барт пишет о том, что идеологический обман скрывается за «пышной выставкой само-собой-разумеющегося» в том, как СМИ представляют реальность.⁵ Постоянно описывая происходящее в мире, идеология его фотографически воспроизводит, только полученная «копия» уже несет в себе необходимые для идеологии смыслы. Манипулирование сознанием, как отмечают философы франкфуртской школы, осуществляется даже с помощью человеческой речи. Т. Адорно написал специальную работу о роли языковых штампов и стереотипов в современной буржуазной идеологии.⁶ Стандартизированный язык является орудием идеологического манипулирования, утверждает философ. С помощью языковых клише осуществляется приспособление к наличному строю.

¹ Курран Дж. Медиа и демократия: переосмысление // Назаров М. М. Массовая коммуникация в современном мире: методология анализа и практика исследований. Хрестоматия. М., 2002. с. 193.

² Там же с. 193

³ Хоркхаймер М., Адорно Т. В. Диалектика просвещения. Философские фрагменты. М., 1997. с. 185

⁴ Там же. с. 185

⁵ Барт Р. Мифологии М. 1996. с. 55.

⁶ Adorno Th.W. The Jargon of Authenticity. Evanston, 1973.

Получается, что воздействие идеологии становится незаметным, а, потому, освободиться от ее влияния практически невозможно. Люди, не подверженные постоянному внушению со стороны радио и телевидения (или намеренно его избегающие), по утверждению представителей франкфуртской школы, «политически оказываются уже там, куда загоняет своих адептов массовая культура»¹. Чаще всего они попросту не в курсе дел. Ведь единственный способ получать полную информацию обо всем происходящем в политике – через средства массовой информации, а именно они и являются главными проводниками идеологии. Выходит, что единственный выбор, который предоставляет людям идеология «это либо соучаствовать, либо остаться не у дел»².

Впрочем, стоит отметить, что в современном обществе ситуация несколько изменилась: с появлением сети Интернет человеку стало проще получить доступ к информации, представленной с различных точек зрения. Интернет стоит особняком среди других СМИ – его наиболее тяжело подвергнуть цензуре. Если радио, телевидение, газеты и журналы, по мнению многих исследователей, подвергаются влиянию со стороны находящейся у власти политической элиты, то в сети Интернет максимально проявляется идеологическое противостояние. К примеру, в ситуации международного противостояния пользователь сети имеет возможность получить доступ к ресурсам, где излагаются различные противоположные точки зрения на ситуацию. И это сильно сказывается на специфике идеологических процессов в обществе.

Научно-технический прогресс, появление все более совершенных средств коммуникации создает технологическую базу для такого процесса в современном обществе как глобализация. Появляются транснациональные медиа-империи, создаются глобальные международные телевизионные службы, такие как ВВС, CNN и др., формирующие дискурс глобализации.

¹ Хоркхаймер М., Адорно Т. В. Диалектика просвещения. Философские фрагменты. М., 1997. с. 185

² Там же. с. 185

Растет число транснациональных корпораций и разного рода международных организаций. Международные структуры также участвуют в идеологической борьбе. Появляется, в том числе, и идеология, легитимирующая сам процесс глобализации – глобализм, а также противоборствующее с ней течение антиглобализма.

В контексте глобализации проблема идеологии становится международной. Государство вынуждено заботиться о своем имидже не только перед лицом своих граждан, но и на международной арене. На межнациональном уровне интересы различных государств представлены в неравной степени. Можно предположить, что из всего множества противоборствующих идеологий на Западе выделяется одна, главная. Политика большинства европейских стран характеризуется стабильностью и последовательностью. Смена курса (чаще – корректировка) происходит не так часто. Представляется, что наиболее влиятельной идеологией на западе, которая стабилизирует имеющуюся систему власти, является неолиберализм. Доминирование этой идеологии достаточно стабильно. Другое дело, что эта политическая система может допускать в той или иной степени плюрализм мнений. Говоря о доминирующей роли этой идеологии мы, тем не менее, не утверждаем отсутствие у нее каких-либо серьезных недостатков или окончательное наступление конца идеологической борьбы, как пытался доказать Ф. Фукуяма.

Одним из следствий научно-технического прогресса в XX в. является небывалое до сих пор развитие производительных сил, позволяющее производить с избытком большое количество разнообразных товаров. Уровень жизни и уровень потребления, особенно в европейских странах и США, радикально растет.

Также в эпоху позднего капитализма возрастает количество монополий по сравнению с эпохой раннекапиталистических буржуазных отношений,

когда идеология только возникла. Крупные транснациональные корпорации выходят на политическую арену в качестве официальных или неофициальных акторов. Имея большую экономическую власть, они получают, в том числе, и власть политическую. Об этом пишет, например, Л. Склэр, утверждая, что уже в 80-90е гг. ведущие ТНК США, Западной Европы и Японии «разработали глобальные стратегии, ориентированные на реализацию различных практик гегемонистского характера»¹. Также он отмечает, что подобные притязания за несколько десятилетий до этого были технически невозможными и даже трудно представимыми.

Крупные международные корпорации создают рекламу, чтобы увеличить спрос на свою продукцию. Методы рекламы и идеологической пропаганды во многом схожи. Они обе стремятся использовать новейшие достижения в области воздействия на человеческое сознание. На одном и том же рекламном щите мы можем увидеть, как призыв голосовать за ту или иную партию, так и объявление о распродаже в магазине. И реклама, и идеология стараются формировать привлекательные образы и символы. Тем не менее, цели рекламы и идеологии различны². Одна из них ставит перед собой политические цели, другая экономические. Цель одной – продать товар, цель другой – легитимировать ту или иную политическую власть.

Каждая крупная компания создает нечто вроде собственной «идеологии» – системы взглядов, образов, идей, некоторым образом легитимирующих право этой компании на существование и на успех. Корпорации стараются дать людям ценности, заполнить их душевную пустоту – если речь идет об их сотрудниках, это может быть прекрасным мотиватором для продуктивного труда. Реклама формирует у людей желание купить ту или иную вещь. Обладание определенными вещами рассматривается как гарант

---

¹ Склэр Л. Социология глобальной системы// Назаров М. М. Массовая коммуникация в современном мире: методология анализа и практика исследований. Хрестоматия. М. 2002 С. 217

² Стоит отметить также, что появляется феномен социальной (некоммерческой) рекламы, которая выполняет в первую очередь воспитательную функцию. Тем не менее, в данном случае мы проводим в первую очередь сравнение идеологии и коммерческой рекламы.

счастья. Можно вспомнить такого исследователя современных медиа, как Д. Крото, утверждавшего, что любая реклама, независимо от ее коммерческой успешности, преуспевает в первую очередь в распространении идеологии консьюмеризма, потребления.¹

Термин «общество потребления» был введен в начале XX века Э. Фроммом с целью критики современного ему капитализма. Ж. Бодрийяр утверждал, что в современном обществе потребление играет ключевую роль. Разработке данной проблематики посвящена его работа 1970 года «Общество потребления». В ней он пишет: «Именно таким образом потребление может заменить собой все идеологии и полностью взять на себя ответственность за интеграцию любого общества, как это делали иерархические или религиозные ритуалы в первобытных обществах». ² Таким образом, по его мнению, потребление способно выполнять консолидирующую функцию в обществе, которая, как мы показали, является одной из важнейших (хотя и не системообразующей) функций идеологии. Л. Склэйр также характеризует современную ему культуру как культуру консьюмеризма, или потребления³. Он указывает, что реклама потребительских товаров распространена даже в странах третьего мира, где эти самые товары может себе позволить только небольшая прослойка населения.

Стоит отметить, что консьюмеризм сам по себе не является идеологией, однако может служить идеологическим целям. Политический смысл консьюмеризма состоит в том, что человек, занятый покупкой вещей, мало внимания уделяет политике. В обществе потребления внимание людей переместилось из политики в экономику (конечно, не полностью, некоторые политические события и проблемы до сих пор широко волнуют население). Кроме того, человек общества потребления, которому удастся купить желанные вещи, будет чувствовать себя счастливым, независимо от

¹ Croteau D. Media/Society: Industries, Images, and Audiences. London, 2000, p. 184

² Бодрийяр Ж. Общество потребления. М., 2006 . 126 с.

³ Склэйр Л. Социология глобальной системы// Назаров М. М.Массовая коммуникация в современном мире: методология анализа и практика исследований. Хрестоматия. с. 224

политических событий в стране. Подобное состояние дел позволяет обеспечить стабильность политической системы.

Развитие масс-медиа в XX в. сделало средства идеологической пропаганды как никогда совершенными, но также привело к установлению качественно новых отношений между культурой и идеологией. Изучая функционирование идеологии в эпоху современных средств коммуникации, нельзя обойти вниманием даже феномены современного общества, казалось бы, напрямую с идеологией не связанные. Распылившись в обществе, идеология проникла в различные сферы культуры: кино, музыку, фотографию. В XX в. искусство становится массовым товаром, продолжая при этом выполнять функции идеологической пропаганды. Отчасти с этим связаны также проблемы унификации и отчуждения.

Общественно обусловленное «фальшивое сознание» осуществляется производством индустрии культуры, фильмов, журналов, иллюстрированных газет, радио, телевидения, различного типа бестселлеров. М. Хоркхаймер и Т. Адорно вводят в своей работе 1947 года «Диалектика просвещения» понятие «культуриндустрии» или «индустрии удовольствий». Критике данного феномена и посвящена их работа. Основной функцией культуриндустрии, по их мнению, является осуществление контроля над сознанием людей с целью подчинения их идеологии. С помощью массовой культуры, писали франкфуртцы, сознательно фабрикуется различного рода пропагандистская продукция, которая усиленно распространяется по густой сети каналов многочисленных средств массовой коммуникации. «Массовое искусство» играет значительную роль в данном диктате.

Мы показали, что в современном обществе идеология не обязана существовать в виде законченной систематизированной политической доктрины. С появлением телевидения и фото, идеология вообще больше не обязана орудовать исключительно посредством текстовой пропаганды – она проявляет себя в виде образов. Идеологичными могут быть и фотографии и

видеоряд. Она проявляет себя в произведениях искусства всех жанров, даже музыки. Т. Роуз изучала идеологическую силу музыки, на примере рэпа.¹ Т. Адорно также указывает на идеологическое перерождение музыки. Современная музыка часто, по его утверждению, загрязняется внехудожественными моментами и начинает служить политическим интересам. Музыка, отмечает философ, сама по себе не является идеологией, но ее пропитали идеологией².

Не остался без внимания и анализ идеологической составляющей современных фильмов и телесериалов. Так, Г. Марчетти продемонстрировала на примере таких фильмов как «Индиана Джонс», «Крепкий орешек» и «Скорость» процесс формирования образов «своих» и «чужих», «хороших» и «плохих», которые активно задействуются в идеологической пропаганде.³ Э. Тэйлор и Д. Крото ставили вопрос об идеологической нагрузке телесериалов, где чаще всего демонстрируются некие «обычные», «среднестатистические» люди и через это утверждаются «нормальные» жизненные ценности и образ жизни.⁴

Для изучения идеологии в ее связи с массовым искусством может быть перспективным семиотический метод. К примеру, французский философ Р. Барт также занимался анализом феномена идеологии. В работе 1957 года «Мифологии» он концептуализирует идеологию через понятие мифа. В его представлении, она представляет собой современный метаязыковой миф, коннотативную систему, приписывающую объектам непрямые значения.

Стоит отметить, что наш русский философ М. М. Бахтин еще в 20-30е гг. XX века, задолго до Р. Барта обосновал значение знакового, семиотического для изучения идеологических явлений. Ученый разрабатывал собственную семиотическую концепцию идеологии: «Область

¹ Rose T. Black Noise. Hanover, 1994.

² См. Adorno Th.W. Philosophy of New Music. Minneapolis, 2006.

³ Marchetti G. Action-Adventure as Ideology// Angus I. and Jhally S., Ccultural politics in Contemporary America. New York, 1989.

⁴ См. Taylor E. Prime Time Families. Berkley, 1989.

идеологии совпадает с областью знаков. Между ними можно поставить знак равенства. Где знак – там и идеология. Всему идеологическому принадлежит знаковое значение»¹. Идеологическое, таким образом, для Бахтина – синоним семиотического.

Бахтин утверждает, что идеологическое нельзя вывести ни из природного, ни из трансцендентного, а его действительное место в бытии – «в особом социальном, человеком созданном, *знаковом материале*²». Он выступает с критикой идеалистического и психологического подходов к социальной мысли, помещающих идеологию в сознание, утверждая, что идеологические явления «отнюдь не могут быть сведены к особенностям субъективного сознания и психики»³. Даже более того, Бахтин утверждает, что «сознание становится сознанием, только наполняясь идеологическим... содержанием»⁴. Будто предвосхищая будущие построения Барта, философ показывает, как в идеологические знаки могут превратиться любые предметы: в том числе, продукты потребления и орудия производства (серп и молот).

Сопоставляя понятия идеологии и мифа, Барт утверждает, что у них одна задача – создавать «перевернутые образы», удалять реальность из вещей. Наряду с мифом идеология является «метаязыком», «вторичной семиологической системой». Первичная система, по утверждению французского философа, состоит из означаемого, выражающего его означаемого и знака как итога ассоциации первых двух членов системы. Барт приводит пример с букетом роз, где означаемое – это любовь, означаемое – сами цветы, а сам букет как выражение чувств - знак. Во вторичной же системе то, что было знаком (итоном ассоциации понятия и образа) в первичной, оказывается всего лишь означаемым. К примеру,

---

¹ Бахтин М.М. Фрейдизм. Формальный метод в литературоведении. Марксизм и философия языка. М.,2000. С. 354

² Там же. с. 356

³ Там же. с. 350

⁴ Там же. с. 356

фотография одетого в французскую военную форму чернокожего солдата, отдающего честь, даже при наивном рассмотрении, означает не только преданность Франции этого конкретного человека. Она подразумевает, что Франция – великая Империя, что «все ее сыны, без различия цвета кожи, верно служат под ее знаменем и что лучший ответ хулителям так называемого колониализма — то рвение, с каким этот чернокожий служит своим "угнетателям"»¹. Итоговый элемент первой системы (знак) в данном случае становится лишь начальным элементом второй, миф и идеология как бы надстраиваются над формальной системой первичных значений, тем самым, по сути, уходя все дальше от их исконного содержания, лишая используемые образы жизни. Таким образом, как мы видим, по Барту, идеология способна реализовываться не только посредством текстов, но и в картинах, фотографиях и т.п. – ее носителем может стать практически все, что угодно.

Будучи метаязыком, идеология обречена на некоторого рода «отверженность», отчужденность от объективной реальности. Когда механик или инженер «говорит» о действительности, он взаимодействует с реальными объектами, мифолог же обречен на метаязык. Этой отверженности Барт дает имя «идеологизм». Подлинная реальность для идеологизма недоступна. У идеологии как мифа нет доступа к реальным объектам. В этом «виновата» особенность мифа как метаязыка. Получается, по Барту, идеология не столько «ложна», сколько отчужденна от реальности особенностями своего языкового построения. Мы можем увидеть здесь некое сходство идей Барта и Бодрийера. Только у Барта отчужденной от реальности оказывается сама идеология, для Бодрийера же, как мы указывали выше, идеология, напротив, сохраняет связь с реальностью, а потому в эпоху симулякров существовать больше не может. Причем, мы видим, что философы приходят к противоположным выводам: Бодрийер

---

¹ Барт Р. Мифологии. М., 1996. с. 259.

утверждает, что «идеологии больше нет», Барт же, напротив, отмечает тот факт, что она лишь укрепила свои позиции в обществе.

Таким образом, можно заключить, что идеологии в современном мире продолжают существовать благодаря планомерному и систематическому контролю над средствами массовой информации. Полностью устранить ангажированность СМИ в рамках данной системы пока не представляется возможным. Развитие средств массовой информации играет двойную роль. С одной стороны, их усовершенствование позволяет максимально эффективно производить навязывание идеологии. С другой – некоторые средства коммуникации (в первую очередь, Интернет) очень сложно подвергнуть цензуре, поэтому становится практически невозможным оградить людей от поступления к ним информации, противоречащей основной идеологии.

Современная идеология сражается со средствами массовой коммуникации. Благодаря им идеологическая пропаганда достигает доселе невиданного размаха. Мы показали, что развитие масс-медиа является ключевым фактором, оказавшим влияние на изменения способа бытования идеологии в современном мире: они позволили ей усовершенствовать средства своей пропаганды и расширить ее охват. Одновременно те же самые средства коммуникации позволяют идеологии функционировать менее заметно, чем раньше. Ведь через СМИ господство осуществляется не напрямую, а косвенно. Став по-настоящему вездесущей, идеология становится вместе с тем практически невидимой. И это увеличивает ее силу. Весь арсенал ее средств можно использовать практически без риска быть замеченным. «Идейное овладение массами» стало происходить повсеместно и в самых разнообразных формах.

Мы показали, что масс-медиа задает людям образцы поведения, формирует их ценности. Легитимация имеющейся власти часто происходит через отвлечение людей от проблем политики, формирование

конформистского типа поведения. Одним из способов отвлечения населения сосредоточение его внимания на стремление к потреблению материальных благ, консьюмеризм. Идеология проникает и в массовую культуру и искусство: кино, телепередачи и даже музыку.

Заключение.

Можно заключить, что в исследовании выявлены исторические причины и эпистемологические основания генезиса концепта идеологии, в частности, осознание социальной обусловленности мышления, рост авторитета научного познания. Кроме того, указаны теоретические и социальные истоки появившихся в середине XX в. концепций деидеологизации, такие как трактовка идеологии как «иллюзорного сознания», противостоящего науке, представление об идеологии как об атрибуте «закрытости» и несвободы общества.

В диссертационной работе сформулированы системообразующие признаки идеологии, отмечено, что к сфере идеологического сознания относятся лишь те компоненты ценностного сознания, которые связаны с решением политических задач. Показано, что как социальный феномен идеология определяется выполнением своей основной функции - легитимации социально-экономического и общественно-политического строя и/или программ его изменения. Выявлены следующие социальные функции идеологии: интегративная (консолидирующая), познавательная, мотивационная, компенсаторная, а также функция социализации. Показано, что идеология является одновременно частью проектного и ориентационного (ценностного и рефлексивного) сознания.

И, наконец, в работе рассмотрены изменения способов бытования идеологии в контексте научно-технического прогресса и развития масс-медиа, включая усовершенствование средств идеологической пропаганды, увеличение ее масштаба, проникновение идеологии в массовую культуру и искусство.

В 90-е гг. в нашей стране прошли глубокие реформы, в первую очередь в рыночной сфере. Экономические преобразования Е. Т. Гайдара, А. Н. Яковлева и др. повлекли за собой очень большие трудности и издержки.

Чтобы обосновать необходимость реформ их сторонники сосредоточились на критике советской системы. Была отброшена идеология коммунизма. А так как в советское время идеология проникала во все сферы культуры, по сути, были отвергнуты все советские идеалы и ценности. Более того, сбросив иго социалистической идеологии, люди порой хотели освободиться от любой идеологии вообще, рассматривали ее как зло.

И вот страна, несколько десятилетий жившая под игом тотальной идеологии, осталась без нее. Кроме того, произошел отказ от создания и насильного насаждения новой государственной идеологии. Казалось бы, население получило возможность свободно творить и выбирать ценности и идеалы, однако привычка к подобному самоопределению за десятилетия Советского союза с государственной идеологией у народа сформирована не была.

Различные исследователи стали говорить о наличии некоего духовного кризиса, «ценностного вакуума» в стране, который необходимо заполнить. Тем не менее, в данной работе мы показали, что ценностное сознание не ограничено идеологией. Ценности религиозные, моральные и др. в равной степени способны объединить общество и решить проблему духовного кризиса. Создание идеологии лишь один из возможных путей решения данной проблемы. Идеология выполняет важные общественные функции – консолидирующую, мотивационную, компенсаторную и др., но эти же функции способны выполнять и другие виды духовной деятельности, например, мораль и религия.

Имеет место неоправданное отождествление понятий идеологии и национальной идеи, которые употребляются в качестве синонимов. В таких случаях имеются в виду цели и ценности, которые сплотили бы общество и способствовали процветанию страны, желание обогатить народ некой объединяющей идеей. Понятие национальной идеи не синонимично понятию идеологии, в том числе, общенациональной. Также как и идеология

национальная идея может служить основой интеграции нации, но в отличие от нее необязательно политична по своей природе. Эти два понятия следует разводить. Важно понимать, что когда идет речь о поисках общих ценностей для страны, речь необязательно идет о поиске идеологии.

Важно также не смешивать понятия общенациональной и государственной идеологии. Идеология, даже будучи общенациональной, необязательно будет поддерживаться принуждающей силой государства, как это происходит в тоталитарных режимах. Государственная идеология представляет собой набор ценностей и ориентиров, навязываемых государством гражданам. Общенациональная – наличие духовного единства, согласия людей по поводу необходимости той или иной формы правления. Большая часть населения может на добровольных началах разделять общие идеалы и ценности. Общенациональная идеология, безусловно, способна выступать в качестве мощного консолидирующего социального фактора, в то время как создание государственной идеологии противоречит демократическим принципам.

Поэтому статью 13 Конституции РФ не стоит понимать в негативном ключе. Там написано «1. В Российской Федерации признается идеологическое многообразие. 2. Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной». Как мы уже показали, отсутствие государственной общеобязательной идеологии не означает отсутствие идеологии как таковой. Это означает отказ от насильного ее насаждения, а не призыв к деидеологизации общества. Тем не менее, часто при упоминании данного постулата можно встретить его негативную оценку в качестве отражения имеющего место в России духовного кризиса.¹ Также важно понимать, что Конституция уже является

---

¹ См., например, Царегородцев С. Механизм управления обществом. М., 2014. с. 10.

правовым выражением определенных, в том числе, идеологических ценностей, положенных в основу государственной формы правления.

Кроме того, многообразие само по себе также не влечет за собой полного отсутствия ценностей. Политический плюрализм означает терпимость к тем, кто разделяет другие взгляды, а не апатичное равнодушие к судьбе общества. Что касается западных стран, там также запрещено насильно насаждение идеологий. И, тем не менее, можно отметить, что неолиберализм, хотя и не заявлен документально в качестве государственной идеологии, все-таки явно главенствует. Большая часть населения, разделяет общие ценности, такие как демократия, гуманизм, незыблемость прав и свобод личности, а также права частной собственности.

Отсутствие консолидирующей системы ценностей в России не является следствием отсутствия работы по поиску или созданию такой системы или отсутствия в стране интеллектуалов, способных ее создать, тем более, что на эту тему широко ведутся дискуссии по всей стране. Скорее это следствие объективных социальных причин, условий, связанных с сильным кризисом в связи с распадом СССР, переходом страны на непривычную рыночную экономику. Полное отрицание советского опыта также играет свою роль.

Проблему ценностного вакуума в стране нельзя решить созданием и насаждением государственной идеологии, как в тоталитарных режимах. Перспектива реанимации советских идеалов представляется несостоятельной. В настоящий момент они дискредитированы и непривлекательны для большинства населения. В современной России на идеологическое лидерство претендует Российская Православная Церковь. Однако подобное лидерство является проблематичным для многонациональной и многоконфессиональной светской страны. Кроме того, подчас предпринимаются попытки перенять западные либеральные ценности. Некоторые исследователи, к примеру, историк Е. Бества, крайне

негативно оценивают подобные перспективы.¹ Действительно, слепое заимствование западных ценностей вряд ли стало бы правильным решением для России. При создании идеологии важно учитывать специфику национальной культуры. И, что, возможно, еще важнее - объективные социальные и экономические реалии.

Таким образом, можно заключить, что проблема «ценностного вакуума» в России связана не с отсутствием идеологии, и, тем более, не с отсутствием идеологии государственной, а с неимением идеалов, целей и ценностей, общих для страны. При этом ни в коем случае не стоит насильно насаждать ту или иную, даже, казалось бы, «правильную» идеологию или систему ценностей. Государственное регулирование общественного сознания уже показало свою несостоятельность. Россия является многонациональной и многоконфессиональной страной, состоит из множества социальных групп, обладающих различными интересами. Каждая из этих групп имеет право на то, чтобы ее интересы были представлены и в идеологии, и в политике. И, тем не менее, нация должна сохранять свое идейное и ценностное единство, которое поможет ей избежать раздробленности. Важную роль здесь играет Конституция РФ, которая представляет собой не только правовой документ. В ней содержатся, в том числе, идеологические ценности и принципы, положенные в основу политического устройства России.

---

¹ См., например, Бества Е. Грех ненависти // Советская Россия. 24 января 1999.

Список литературы:

1. Абдуллин Р. З. Российская национальная идея: от утопии к реальности. Спб., 2010.
2. Адорно Т. Негативная диалектика. М., 2014.
3. Адорно Т. Философия новой музыки. М., 2001.
4. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001.
5. Арндт Х. Истоки тоталитаризма. М., 1996.
6. Арон Р. Опиум для интеллигенции. Мюнхен, 1960.
7. Ашкеров А. Ю. Сурковская пропаганда. М., 2013.
8. Барт Р. Мифологии. М., 1996.
9. Бахтин М. М. Фрейдизм. Формальный метод в литературоведении. Марксизм и философия языка. М., 2000.
10. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М., 2004.
11. Бернштейн Э. Возможен ли научный социализм? Одесса, 1906.
12. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995.
13. Бества Е. Грех ненависти/ / Советская Россия. 24 января 1999
14. Бжезинский З. Большой провал: Рождение и смерть коммунизма в двадцатом веке. Нью-Йорк, 1989.
15. Биккенин Н.Б. Социалистическая идеология. М., 1983.

16. Богданов А. А. Наука об общественном сознании. Краткий курс идеологической науки в вопросах и ответах. М., 1914.
17. Бодрийяр Ж. Общество потребления. М., 2006.
18. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. Тула, 2013.
19. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М., 2000.
20. Болтански Л., Кьяпелло Э. Новый дух капитализма. М., 2011.
21. Босков А., Беккер Г. Современная социологическая теория в её преемственности и изменении. М., 1961.
22. Будницкий О. В. Идеология терроризма// Вопросы философии. 2004 №5.
23. Будон Р. Место беспорядка. Критика теорий социальных изменений. М., 1998.
24. Бутенко А. П. Социализм как общественный строй. М., 1974.
25. Бхаскар Р. Общества.//Социологос. М., 1991.
26. Бэкон Ф. Соч. в 2 т. том 1. М., 1971.
27. Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб., 2001.
28. Валлерстайн И. После либерализма. М., 2003.
29. Вебер М. Смысл "свободы от оценки" в социологической и экономической науке// Избранные произведения. М., 1990.
30. Вебер М. Политика как призвание и профессия // Избранные произведения. М., 1990.
31. Вольтер О. В. Феномен идеологии в современной России // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2009. № 1.

32. Гаджиев К. С. Введение в геополитику. М., 2000.
33. Гаджиев К. С. США: эволюция буржуазного сознания. М., 1981.
34. Гегель Г. В. Ф. Работы разных лет. Т. 2. М., 1971.
35. Гельвеций К. А. Соч. в 2-х томах. М. 1973-1974.
36. Гирц К. Интерпретация культур. М., 2004 .
37. Гоббс Т. И. Избранные произведения, Т. 2, М., 1964.
38. Гобозов И. А. Луи Альтюссер – выдающийся философ-марксист XX века. Аутентичное прочтение Маркса. М., 2015
39. Гобозов И. А. Несостоявшийся мультикультурализм // Философия и общество. № 3. 2011
40. Гобозов И. А. Теория «единого индустриального общества» и «конец идеологии» // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. № 2, 1969
41. Гобозов И. А. Философские проблемы политики. М., 2014.
42. Гольбах П. А. Избранные произведения. Т.1-2. М., 1963.
43. Государство Россия. Путь к эффективному государству (О положении в стране и основных направлениях внутренней и внешней политики государства. Послание Президента Российской Федерации Путина В. В. Федеральному собранию Российской Федерации: от 08.07.2000 // М., 2000.
44. Гуревич П. С. Буржуазная идеология и массовое сознание. М., 1980.
45. Грамши А. Тюремные тетради. М., 1991.
46. Гэлбрэйт Дж., Меньшиков С. Капитализм, социализм, сосуществование. М., 1988.
47. Гэлбрэйт Дж. Новое индустриальное общество. Избранное. М., 2008.

48. Давыдов Ю. Н. История политической социологии. СПб., 2000.
49. Давыдов Ю.Н. Критика социально-философских воззрений франкфуртской школы. М., 1977.
50. Деррида Ж. Призраки Маркса Государство долга, работа скорби и новый интернационал. М., 2006.
51. Дронов В.Т. О новой российской идеологии: за и против. Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2010. № 137.
52. Дюркгейм Э. Метод социологии. М., 1996
53. Евразийство. Опыт систематического изложения. Париж, 1926.
54. Егоршин В. Естествознание и классовая борьба // Под знаменем марксизма. 1926. № 6.
55. Егоршин В. Естествознание, философия и марксизм. М., 1930.
56. Жижек С. Возвышенный объект идеологии. М., 1999.
57. Жижек С. Киногид извращенца. Кино. Философия. Идеология. Екб., 2014.
58. Жовтун Д. Т. Идеология: актуальные аспекты социологического анализа. Социология: учебник. М., 2004.
59. Замараева Е.И. Проблема общественного идеала и государственной идеи России в евразийской концепции // Вестник ГУУ, 2012. №10.
60. Зиновьев А. А. Идеология партии будущего. М., 2015
61. Зиновьев А.А. Философия как часть идеологии // Государственная служба. 2002. № 3.
62. Зомбарт В. Социология. М., 2003

63. Зуйков Р. С. Идеология мирового общества: политико-системный анализ. // Век глобализации. 2014. № 2.
64. Кант И. Собрание сочинений в восьми томах. Т. 3. М., 1994.
65. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000.
66. Кернберг О. Ф. Агрессия при расстройствах личности и перверсиях. М., 1998.
67. Козырев М.С. Историческое развитие идеологии // Вестник Костромского государственного университета имени Н.А. Некрасова, т. 20, 2014. №1
68. Коллинз Р. Социология философий: Глобальная теория интеллектуального изменения. Новосибирск, 2002.
69. Конституция Российской Федерации. М., 1998.
70. Косолапов Р. И. Социализм: К вопросам теории. М., 1979.
71. Кузнецов В. Н. Идеология. Социологический аспект. Учебник. М., 2005.
72. Кузнецов В. Н. Социология идеологии. М., 2007.
73. Лабриола А. Очерки материалистического понимания истории. М., 1960.
74. Лакан Ж. Семинары. Книга 1: работы Фрейда по технике психоанализа М., 1998
75. Ленин В. И. Что делать? Наболевшие вопросы нашего движения. М., 1980.
76. Ленин В.И. Философские тетради. Полное собрание сочинений, т 29, М., 1969.

77. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. М., 1998.
78. Лукач Г. История и классовое сознание. Исследования по марксистской диалектике. М., 2003.
79. Лукач Д. К онтологии общественного бытия. Прологомены. М., 1991.
80. Луман Н. Медиа коммуникации. М., 2005.
81. Луман Н. Власть. М., 2001.
82. Майкова В.П. Общечеловеческие ценности и целостность общественного сознания в современную эпоху // Социально-гуманитарные знания. 2014. №2.
83. Майкова В.П. СМИ в системе политических институтов современности // Вестник МГУЛ. Лесной вестник. 2013. №5.
84. Майкова В.П. Структура и динамика общественного сознания // Электронный журнал «Вестник МГОУ». 2014. №1.
85. Макиавелли Н. Государь. М., 1982.
86. Маклюен М. Галактика Гутенберга. Становление человека печатающего. М., 2005.
87. Малахов В.С. Национализм как политическая идеология. М., 2010.
88. Малицкий В.С. Идеология в современной России / Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение, философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2012, № 2.
89. Малицкий В. С. Идеология: сущность, структура, исторические типы: Социально-философский анализ. Ростов-на-Дону, 2006.
90. Манхейм К. Идеология и утопия. М., 1992.
91. Манхейм К. Диагноз нашего времени. М., 1994.

92. Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта// К. Маркс и Ф.,
Энгельс, соч. Т. 8 М., 1959.
93. Маркс К., Энгельс Ф. Избранные письма. М., 1975.
94. Маркс К. Капитал. М., 1990.
95. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии. М., 1954.
96. Маркс К. и Энгельс Ф. Немецкая идеология. М., 1988.
97. Маркс К. Нищета философии. М., 2010.
98. Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений.. Т. 19. М., 1961
99. Маркс К., Энгельс Ф. Собрание соч. т.1-39 М., 1955-1974
100. Маркузе Г. Одномерный человек. М., 1994.
101. Мартьянов Д.С. Виртуальные идеологии и кризис идеологий в
информационном обществе // Ученые записки Забайкальского
государственного университета. Серия: Философия, социология,
культурология, социальная работа. 2013. № 4
102. Миронов В.В. Деидеологизация – новая идеология? Высшее
образование в России. 2003. № 1
103. Миронов В.В. О соотношении идеологий, общественной
психологии и общественного сознания. // Психологический журнал.
1987. № 4
104. Момджян К.Х. Социальная философия. Деятельностный подход к
анализу человека, общества, истории. М., 2013.
105. Момджян К.Х., Антоновский А.Ю., Бараш Р.Э., Ефремов О.А.,
Кржевов В.С., Назарчук А.В., Семенов Ю.И. Этнос, нация, ценности.
Социально-философские исследования. М., 2015.
106. Москвичев Л. Н. Теория деидеологизации. М., 1971.

107. Мусихин Г. И. Очерки теории идеологий. М., 2013.
108. Назаров М. М. Массовая коммуникация в современном мире: методология анализа и практика исследований. Хрестоматия. М., 2002.
109. Национальная идея: страны, народы, социумы (Отв. Ред. Ю. С. Оганисян). М., 2007.
110. Нестеренко Г. Я. Проблема сознания в марксистской социологии. М., 1981.
111. Панарин А.С. Критика социальной доктрины Жана Фурастье. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук. М., 1974.
112. Парсонс Т. Система современных обществ. М., 1997.
113. Парсонс Т. О социальных системах. М., 2002.
114. Пащенко В.Я. Идеология евразийства. М., 2000.
115. Платон. Собрание сочинений. В 4 т. т. 3. М. 1994.
116. Плеханов Г. В. Избранные философские произведения в 5 т. М., 1956-58
117. Плеханов Г. В. Основные вопросы марксизма. М., 1922.
118. Поппер К. Открытое общество и его враги. М., 1992.
119. Райх В. Психология масс и фашизм. Спб., 1997.
120. Резинко Д. Б. Идеологические практики в контексте советской модернизации: социально-философский анализ. М., 2002.
121. Руткевич М. «Плоды деидеологизации»: о гуманитарной подготовке молодых ученых. // Высшее образование. 2002. №6.
122. Сартр Ж.-П. Проблемы метода. М., 2008.

123. Семенов Ю.И. Эволюция религии: смена общественно-экономических формаций и культурная преемственность // Этнографические исследования развития культуры. М., 1985.
124. Сирота Н.М. Идеологии и идеологические течения: классическое наследие и современность. Учебное пособие. СПб., 2009.
125. Слотердаjk П. Критика цинического разума. М., 2009.
126. Сорокин П. А. Современное состояние России//Безопасность Евразии. 2002. №4.
127. Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика. М., 2006.
128. Сорокин П. А. Философия голода// Новое время. 1992. № 3.
129. Соссюр Ф. де. Заметки по общей лингвистике. М., 1990.
130. Токвиль А. де. Старый порядок и революция. Спб., 2008.
131. Тощенко Ж.Т. Кентавр – проблема как особый случай параксальности общественного сознания // Вопросы философии. 2002. № 6.
132. Трельч Э. Метафизический и религиозный дух немецкой культуры // Культурология XX в. Антология М.,1995.
133. Тугаринов В.П. Философия сознания. М., 1981.
134. Тузиков А. Р. Западная теория идеологии: от критики «ложного сознания» к анализу дискурсивных практик масс-медиа. М., 2002.
135. Тузиков А.Р. Идеология в теоретическом измерении: между прошлым и будущим. М., 2005.
136. Фрейд З. Будущее одной иллюзии. М., 2011.
137. Фрейд З. Малое собрание сочинений. Спб., 2012.
138. Фромм Э. Бегство от свободы. М., 2009.

139. Фромм Э. Здоровое общество. Догмат о Христе. М., 2005.
140. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М., 1999
141. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М., 2009.
142. Хабермас Ю. Техника и наука как идеология. М., 2007.
143. Хайек фон Ф. А. Дорога к рабству. М., 2005.
144. Хайек фон Ф.А. Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма. М., 1992.
145. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2003.
146. Хоркхаймер М, Адорно Т. В. Диалектика просвещения. М.,1997.
147. Царегородцев С. Механизм управления обществом. М., 2014.
148. Шварцмантель Дж. Идеология и политика. Харьков, 2009.
149. Юм Д. Трактат о человеческой природе. Мн., 1998.
150. Ядов В. А. Идеология как форма духовной деятельности людей. Л., 1961.
151. Яковлев М. В. Идеология. М., 1979.
152. Ясперс К. Введение в философию. Мн., 2000.
153. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.,1994.
154. Adorno Th.W. The Jargon of Authenticity. Illinois, 1973.
155. Adorno Th. W. Ideologie. In Sociologische Exkurse. Frankfurter Beitrage zur Soziologie. Frankfurt am Main, 1967.
156. Althusser L. For Marx. Hammondsworth, 1969.
157. Barth H. Wahrheit und Ideologie. Erlenbach – Zürich, 1974.
158. Bauman Z. Intimations of postmodernity. London, 2003.

159. Bell D. *The end of ideology*. Illinois, 1960.
160. Boudon R. *The Analyses of Ideology*. Cambridge, 1989.
161. Croteau D. *Media/Society: Industries, Images, and Audiences*. London, 2000.
162. Durkheim E. *The elementary forms of the religious life*. London, 1964.
163. Eagleton T. *Ideology: an introduction*. L. – N.Y., 1991.
164. Eagleton T. *Ideology*. N.Y.1994.
165. Furastié J. *Le grand espoir du XXem siecle*. Paris, 1966.
166. Habermas J. *Knowledge and Human interests*. Boston, 1972.
167. Habermas J. *Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a Category of Bourgeois Society / Tr. T. Burger, F. Lawrence*. Cambridge, 1989.
168. Kernberg O. F. *Ideology, Conflict, and Leadership in Groups and Organizations*. London, 1998.
169. Lipset S.M. *Ideology and no end// Encounter*. 1972.
170. Luhmann N. *The differentiation of society*. N.Y., 1982.
171. Marchetti G. *Action-Adventure as Ideology/ in I.Angus and S. Jhally, eds., cultural politics in Contemporary America*. N. Y. 1989.
172. McLellan D. *Ideology*. Minneapolis, 1986.
173. Oliga J. *Power, Ideology, and Control*. N. Y., 1996.
174. Rose T. *Black Noise*. Hanover, 1994.
175. Sklair. L. *Sociology of the Global System*. N.Y., 1995.
176. Taylor E. *Prime Time Families*. Berkley, 1989.

177. Weber M. Economy and society: an outline of interpretive sociology. Berkeley, 1978.
178. Znaniecki F. The Method of Sociology. N. Y., 1934.
179. Альтюссер Л. Идеология и идеологические аппараты государства <http://magazines.russ.ru/nz/2011/3/al3.html> (дата обращения 01.03.2016)
180. Грицанов А. История философии. Энциклопедия http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Grican/_52.php (дата обращения 01.03.2016)
181. Дугин А. Метафизические корни политических идеологий http://ihtik.lib.ru/2011.07_ihtik_articles-thesis/2011.07_ihtik_articles-thesis_№.rar (дата обращения 01.03.2016)
182. Зиновьев А. Идеологическая глобализация www.patriotica.ru/actual/zinoviev_glob.html (дата обращения 01.03.2016)
183. Кирквуд М. Понятие идеологии в творчестве Зиновьева <http://www.zinoviev.ru/ru/conference/kirkwood.html> (дата обращения 01.03.2016)
184. Крапивенский С. Социальная философия. <http://eurasianland.ru/txt/sotsio/117.htm> (дата обращения 01.03.2016)
185. Кржевов В.С, Концепция легального господства М. Вебера и эволюция политической системы современной России <http://pandia.ru/text/78/575/70048.php> (дата обращения 01.03.2016)
186. Мейстер В. Религиозная идеология: судьбы и перспективы http://www.portalus.ru/modules/philosophy/rus_readme.php?subaction=showfull&id=1108053648&archive=0215&start_from=&ucat=1& (дата обращения 01.03.2016)

187. Уледов А.К. Общественная психология и идеология
<http://lifesocio.com/filosofiya-sotsialnaya/obschestvennaya-psihologiya-ideologiya.html> (дата обращения 01.03.2016)
188. Tracy Destutt de. Eléments d'idéologie
http://fr.wikisource.org/wiki/%C3%89%C3%A9ments_d%E2%80%99id%C3%A9ologie/Tome_I/Chapitre_6 (дата обращения 01.03.2016)